

361.

801-13
2584

БЕСѢДЫ,
ПОУЧЕНІЯ И РѢЧИ
ІОАННА,
ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

СМОЛЕНСКЪ.

1876 г.

ПРОДАЕТСЯ
въ главныхъ магазинахъ
Москвы
и С.-Петербурга,

СКЛАДЪ
въ книжной торговлѣ
братьевъ Лавровыхъ
въ Смоленскѣ.

**КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ, БИБЛИОТЕКА И ЧИТАЛЬНЯ
БРАТЬЕВЪ ЛАВРОВЫХЪ**

Смоленскъ, Благовѣщенская улица, домъ Рачинскихъ.
Абонементъ на чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ.

Продажа

учебниковъ, юридическихъ и дѣтскихъ книгъ.

Выборъ

нотъ для продажи, письменныхъ, рисовальныхъ принадле-
ностей

и

Глобусовъ.

Страхованіе билетовъ 1-го и 2-го, внутреннего съ выигрыш-
ми займовъ отъ тиражей погашенія.

АБОНЕМЕНТЪ НА ЧТЕНІЕ НОТЪ.

складъ и продажа книгъ:

1) Уголовный процессъ ад-
воката Монастырева объ
убійствѣ Завадскаго. | | 2) Слова, рѣчи и поуче-
ніе преосвященнаго Іоан-
на епископа Смоленскаго. |
|---|--|---|

Приемъ подписки на русскіе журналы и газеты по цѣнамъ
объявленнымъ отъ редакцій.

ПОКУПКА КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Немедленное исполненіе порученій Гг. иногородныхъ.

ВЕСѢДЫ,

ПОУЧЕНІЯ И РѢЧИ

ІОАННА,

ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

СМОЛЕНСКЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

№ 243.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Московская Духовная Академія. 4 Марта 1876 года.

Цензоръ Протоіерей Филаретъ Сергіевскій.

2011138212

РѢЧЬ, СКАЗАННАЯ

6-го денября 1866 года по прибытіи въ смоленскъ
и вступленіи въ кафедральный соборъ.

Благословенъ Богъ, благоустроившій путь мой къ вамъ, братія. Съ благодареніемъ Богу и преданностію волѣ Его, я принялъ настоящее мое назначеніе; съ довѣріемъ и любовью спѣшилъ къ вамъ. Я уже слышалъ издали много добраго о здѣшной паствѣ, и въ томъ, что вижу теперь, по прибытіи сюда, я съ перваго раза нахожу добрые признаки, оправдывающіе и молву и тѣ чувства мои, съ которыми я шель къ вамъ. Я слышалъ о собраніи многихъ въ архіерейской церкви въ ожиданіи моего прибытія, когда я еще медлилъ въ пути; по прибытіи меня утѣшило немедленное посѣщеніе почетныхъ гражданъ и лицъ мѣстной гражданской администраціи; я вижу и въ этотъ не ранній часъ, уже послѣ общаго церковнаго собранія къ праздничному богослуженію настоящаго дня, это новое многочисленное стеченіе народа въ соборномъ храмѣ, чтобы соучаствовать въ особой молитвѣ о новомъ пастырѣ. Все это служитъ залогомъ добрыхъ соотношеній между паствою и пастыремъ. Я не смѣю такую внимательность приписывать одному любопытству, од-

ному понятному, но мимолетному желанію видѣть новаго архіерея; я не даю себѣ права относить это къ своей личности: и вы меня еще не знаете, и я еще ни чѣмъ не заслужилъ вашего особеннаго вниманія. Нѣтъ; я вижу здѣсь добрый духъ народа, преданнаго своей вѣрѣ и Церкви, уважающаго санъ святительскій готоваго внимать своимъ пастырямъ и любить ихъ.

Да, братія мои, великое — дѣло любовь и единеніе духа между пастыремъ и паствою; это — сила, сила нравственная, которая много можетъ сдѣлать и въ духовной и въ общественной жизни нашей, и въ дѣлахъ вѣры и въ правахъ народныхъ, и въ пользахъ Церкви и въ благѣ гражданскомъ. Ничто не можетъ одолѣть этой силы, когда твердая въ своихъ основаніяхъ, положенныхъ для нея Христовымъ евангеліемъ, чистая въ своемъ духѣ, она идетъ вѣрнымъ путемъ и дѣйствуетъ правильными средствами къ цѣли духовнаго развитія народа. Что такое епископъ — пастырь Церкви въ истинномъ смыслѣ слова? Не учитель только, хотя и высшій, въ предметахъ вѣры и благочестія, не совершитель только торжественнаго богослуженія и рукоположитель священства, не судія только главный дѣль совѣсти и дѣль официально — церковныхъ, наконецъ не начальникъ только духовнаго сословія. Пастырь — епископъ есть высшій руководитель народа на всемъ пути духовной жизни, наблюдатель общественной нравственности, хранитель и защитникъ высшихъ духовныхъ потребностей и пользъ народа, представитель за его душу и совѣсть и благо вѣчное предъ Богомъ и человѣкомъ, на небѣ и землѣ; это наконецъ

представитель Церкви православно — католической въ данномъ мѣстѣ, ея законовъ, ея правъ, ея силъ, ея цѣлей.

Что такое и паства? Не опредѣленный только округъ населенія, подчиненнаго въ церковномъ отношеніи мѣстному пастырю, не собраніе только молящихся людей въ церкви, не просто — стадо овецъ, безмолвно слушающихъ своего пастыря, когда онъ поучаетъ, и также молча принимающихъ отъ него благословеніе, когда того сами захотятъ, вообще же безгласныхъ въ дѣлахъ вѣры и Церкви и только въ случаяхъ особенной надобности относящихся къ нему съ своими просьбами. Нѣтъ! и паства должна быть союзъ, — союзъ, а не раздѣльное множество — душъ, духовно-управляемыхъ по одной нравственно-религіозной идеѣ, которую онѣ не въ отдѣльности только, каждая сама про себя, но и въ цѣлостномъ соединеніи своемъ должны сознать, осуществить и проявить соответственнымъ ей направленіемъ своей частной и общей жизни; паства — это живое тѣло Церкви, это также дѣятель въ Церкви, котораго нравственная сила должна воздѣйствовать не къ одному внѣшнему благоустроенію Церкви, но и ко внутреннему утвержденію религіозныхъ началъ и стремленій въ цѣломъ народѣ; это почва, въ которой должны вѣдриться и оплодотвориться жизнь и сила Церкви въ ея истинномъ духѣ и дѣятельныхъ, спасительныхъ для человѣчества, стремленіяхъ; паства — это наконецъ крѣпость, которая должна быть оплотомъ для самой религіи и Церкви противу разнообразныхъ, враждебныхъ ей силъ и вліяній въ мѣрѣ.

Судите же, при такомъ значеніи пастыря и паствы, какова должна быть мощь, составленная изъ этихъ двухъ силъ въ ихъ тѣсномъ, неразрывномъ между собою союзѣ. Такъ, это мощь, повторяю, не сокрушимая даже страшная: кому? Всякому врагу и всякому вражескому устремленію противъ народной вѣры и Церкви, противъ духовныхъ интересовъ народа, противъ его общественной нравственности и убѣжденій его совѣсти. Особенно же въ настоящее время, когда такъ много опасностей съ разныхъ сторонъ угрожаетъ вѣрѣ и Церкви, нашъ союзъ долженъ быть крѣпокъ болѣе, чѣмъ когда либо.

Вы же, братія—сослужители мои, да будете звѣномъ, соединяющимъ главнаго пастыря съ его паствою; да будете проводниками высшаго пастырскаго духа въ жизнь народа, и истиннаго духа народнаго въ жизнь и дѣятельность пастыря; да будете органами соединенной ихъ нравственной силы въ тѣхъ, хотя небольшихъ кругахъ, въ которыхъ каждый изъ васъ поставленъ среди общества и народа.

И такъ я молю Бога, братія мои, и всѣми силами души моей призываю Его благодать, чтобы Онъ сохранилъ между вами и мною и возрастилъ въ насъ силу духовнаго единенія, для блага Церкви нашей, для благосостоянія Смоленской паствы и для общаго нашего во Христѣ спасенія.

РѢЧЬ, СКАЗАННАЯ

при первомъ священно-служеніи въ Смоленскомъ
наедральномъ Соборѣ (11 Декабря 1866 года.)

Вы не удивитесь, братія, если новый пастырь вашъ поспѣшитъ заговорить съ вами о старинѣ. Есть на Руси города, при одномъ приближеніи къ которымъ изъ другихъ мѣстъ, чувствуется вѣяніе какого-то особеннаго духа, которые окружаютъ какъ будто отличная отъ другихъ городовъ атмосфера. Это—старинные наши города и это духъ русской старины, особенно же древней русской святини; словомъ—это родной духъ нашей Руси. Таковы: Москва, Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ и другіе; таковъ и Смоленскъ. Болѣе тысячи лѣтъ онъ существуетъ и уже въ десятомъ вѣкѣ имя его встрѣчается въ иностранныхъ лѣтописяхъ, въ числѣ такихъ значительныхъ городовъ, которые имѣли промышленныя сношенія съ иноземными народами. Много событій, много разнообразныхъ судебъ и бурь пронеслось надъ этимъ мѣстомъ, отъ временъ перваго заселенія его грубыми язычниками, потомъ отъ утвер-

жденія здѣсь христіанства, чрезъ весь періодъ русскихъ усобицъ; время покоренія Смоленска иновѣрною властію, потомъ возвращенія его къ Руси; далѣе періодъ новаго порабощенія чуждою силою и время новаго воссоединенія съ Русью,—до той не очень давней эпохи, когда эти древнія стѣны, долгую и добрую службу сослужившія отечеству, надъ которыми, конечно, радо было бы посмѣяться просвѣщенное искусство истребленія человѣческаго рода въ наше человѣчное время, видѣли, но еще не совсѣмъ дрогнули—новѣйшаго генія войны, съ двадцатью народами шедшаго этимъ путемъ къ сердцу Россіи. И я, стоя теперь здѣсь среди останковъ минувшихъ временъ, торжественно призываю и выражаю благословеніе Божіе на всю эту достопочитенную древность. Это не памятникъ только, это—святыня Руси; скажу болѣе: это—еще живое, сквозь сумракъ вѣковъ смотрящее на насъ, еще дышащее своимъ духомъ, еще говорящее чрезъ всю исторію нашу своимъ прастеческимъ голосомъ—лице древней Руси; и благословеніемъ Вышняго да сохранятся на всѣ будущія времена и поколенія наши, здѣсь и по всему отечеству нашему, да не исчезнутъ изъ глазъ и сердецъ нашихъ историческія черты этого серьезнаго лица, съ его мощнымъ духомъ и поучительнымъ голосомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братія, если подумать, какимъ образомъ этотъ не великій городъ и эта не обширная область, эти не грозныя стѣны и это не бранное населеніе устояли противъ всѣхъ напоровъ и потрясеній столбыхъ вѣковъ, какимъ образомъ въ особен-

ности сохранили онѣ святыню вѣры народной цѣлу и невредиму среди самыхъ близкихъ и сильныхъ прираженій иновѣрія, даже подъ долговременнымъ игомъ его, отторгнувшимъ ихъ отъ единства отечества и православной русской Державы, когда здѣсь успѣли основаться цѣлыя обители фанатическихъ слугъ иновѣрія, то невольно скажешь: это истинный духъ древней Руси! это его сила! это его дѣло! Онъ, этотъ духъ всегда вѣрный самому себѣ, неизмѣнный въ своихъ коренныхъ началахъ вѣры и народности, не возмутимый въ своемъ національномъ сознаніи, непоколебимый въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и совѣсти, которая изначала воспитана, утверждена и ограждена православною Церковію, духъ этотъ и здѣсь, какъ повсюду въ Россіи, далъ всю нравственную и гражданскую силу небольшому сначала народу и направлялъ событія его исторіи къ его росту и единству, также, какъ придалъ крѣпость и нашимъ старымъ стѣнамъ; и не онѣ его, а онѣ спасъ ихъ и Россію.

Не даромъ, братія мои, заговорилъ я съ вами о старинѣ. Я хотѣлъ дать отвѣтъ на вашу душевную мысль, съ которою теперь вы на меня смотрите. Не правда ли, что васъ занимаетъ мысль, съ чѣмъ пришелъ къ вамъ новый настырь? и вотъ я хочу сказать, что пришелъ—съ древнимъ духомъ Руси православной. Не подумайте, что одинъ видъ здѣшней старины напоминаетъ мнѣ этотъ духъ и обращаетъ къ нему мои мысли и чувства; не думайте, что древняго духа я ищу въ однѣхъ внѣшнихъ своеобразныхъ формахъ народной жизни, уже отжившихъ свой вѣкъ. Нѣтъ! я имѣю

въ виду существенный, чистый духъ, самородный духъ Руси, независимый отъ преходящихъ условій времени и формъ, и называю его *древнимъ*, потому, что онъ изначала жилъ въ Руси и самобытно въ ней развивался—преимущественно въ старыя времена.

Что же нынѣ? Много ли еще жизни въ этомъ духѣ? много ли его въ насъ осталось? Да, онъ еще не умеръ; онъ еще живетъ въ народѣ, но наибольшую частію въ корнѣ народнаго организма, въ неискорченной простотѣ народнаго быта, куда не доходило новѣйшее образованіе Россіи по чужимъ образцамъ, въ особенности куда не проникло еще недавнее у насъ направленіе образованныхъ умовъ и нравовъ. Вы знаете это направленіе: Русское ли оно? Много ли въ немъ русскаго духа?—Объ этомъ продолжимъ слово въ другой разъ.—

ПОУЧЕНІЕ

въ день рождества Христова (1867 г.)

Если день рожденія Спасителя міра всегда былъ и есть и долженъ быть днемъ благоговѣйной радости для всего міра; то никогда, кажется, эта радость не могла бы быть такъ благовременна, какъ въ настоящее время. Что я хочу сказать? ужь не видится ли нынѣ болѣе, чѣмъ прежде, славы въ вышнихъ Богу, на землѣ мира, между людьми всего добраго? ужь не просвѣтились ли на столько современные умы, что, отложивъ всякое суемудріе и вполне предавшись водительство вышняго свѣта, рѣшились вслѣдъ за древними мудрецами преклониться предъ воплотившеюся до вѣчною Премудростию и принести Ей въ жертву золото своихъ идей, ливанъ и смирну своихъ познаній? Ужь не смирились ли на столько сердца современныхъ людей, что, оставивъ мірскую суетность и увлеченія страстей, захотѣли наконецъ обратиться къ Спасителю и Ему посвятить въ жизни свои чувства и желанія? О если бы такъ! но не такъ я теперь думаю.

Въ настоящее время, говорю я, болѣе чѣмъ когда нибудь, должно радоваться о рожденіи Спасителя мі-

ра: почему? потому, что наше время болѣе всякаго другаго имѣетъ нужду въ благодатномъ просвѣщеніи и утѣшеніи.

Не тѣмъ ли отраднѣе видѣть, хотя вдали, лучъ свѣта, подающій намъ надежду—не вѣчно оставаться въ темнотѣ, чѣмъ мрачнѣе темнота, насъ окружающая? при грустномъ, суровомъ, мертвенномъ видѣ зимы, не тѣмъ ли пріятнѣе утѣшаться знаніемъ, что подъ снѣгомъ работаетъ живая сила природы и выработываетъ новую жизнь ея къ веснѣ?

Такъ среди этой мглы, едва проникаемой, которая наполняетъ наше время, когда умы свободно мыслящіе, съ своимъ отрицаніемъ вѣковыхъ идей и самыхъ священныхъ убѣжденій человѣчества въ вопросахъ вѣры, жизни, духа, въ вопросахъ о началѣ, существѣ и концѣ всего существующаго, сами наконецъ не знаютъ, куда идти и чѣмъ замѣнить эти убѣжденія, когда умы серьезно мыслящіе въ проицаніи этой тьмы и въ борьбѣ со всѣми заблужденіями вѣка какъ бы теряютъ собственныя силы и, останавливаясь въ изумленіи передъ непрестанно возрастающею силою лжи, готовы придти въ отчаяніе, гдѣ найти свѣтъ, откуда провести путеводный лучъ въ этотъ мракъ и борьбу умовъ? чѣмъ поддержать надежду добраго ума и сердца, что истина еще не потеряна въ человѣчествѣ, что она всегда жива, тверда и неизмѣнна, что ложь и заблужденія не восторжествуютъ? Одна надежда и утѣшеніе: рожденіе въ міръ Спасителя міра. Съ Его рожденіемъ явился въ міръ свѣтъ вѣчной истины, и свѣтитъ этотъ свѣтъ, хотя и во тьмѣ и не вполне, но дѣйствительно,

какъ свѣтитъ солнце въ сумрачный день, не видно за облаками, тѣмъ не менѣе лучезарное, теплое, живительное, какъ всегда дѣйствуетъ въ мірѣ истина Христова, хотя и въ страшной борьбѣ съ ложью.

Всмотритесь въ существо и характеръ современныхъ лжеученій: все это понятія частныя, идеи измѣнчивыя, умозаключенія поверхностныя, ограниченныя тѣснымъ кругомъ преходящей видимости и временной жизни человѣка. А гдѣ то, что въ собственномъ, полномъ смыслѣ должно быть названо истиною, гдѣ идеи познанія, умозаключенія, проникающія въ глубину существа и жизни міра, въ особенности нравственнаго, обнимающія всецѣло духъ и судьбы человѣчества, возвышающія разумъ человѣка надъ всѣмъ временнымъ, вѣшнимъ, случайнымъ? Такова только истина Христова: и вотъ она одолеваетъ, покоряетъ, плѣняетъ человѣческій разумъ, какъ скоро онъ возвышается надъ сферою временности и чувственныхъ предметовъ; она дѣйствуетъ въ мірѣ убѣжденіемъ сердець, противъ котораго всякія умозаключенія безсильны, открываетъ совсѣмъ особый, необыкновенный для естественныхъ познаній путь просвѣщенія—нравственный, нравственнымъ возвышеніемъ и очищеніемъ человѣка, очищая и возвышая его разумъ. Пусть же ложь и заблужденія безумствуютъ въ мірѣ: ихъ безумство только закрываетъ, но не уничтожаетъ истины, и показываетъ только, что самъ человѣкъ еще не вошелъ въ полный свѣтъ истины; они совершаютъ свой кругъ, созрѣютъ и перезрѣютъ и отпадутъ сами собою. А затѣмъ самыя естественныя познанія приведутъ наконецъ человѣка

къ ясному и полному сознанію истины Христовой, и тогда она, раскрывъ всю свою дѣйственную силу и побѣдивъ всякую ложь, совершитъ спасеніе ума чело-вѣческаго. Не будемъ же, ради рожденія Христа Спа-сителя, отчаяваться, ни за истину, ни за чело-вѣка.

Не стану описывать современной нравственности: господствующихъ нравственныхъ понятій, нравовъ, дѣлъ; все это само собою слишкомъ явственно, и зло-нравый духъ времени, даже не думая скрываться, очень не застѣнчиво обнажаетъ и выказываетъ самъ себя. Но что сказать сердцу чистому и совѣсти непо-краченной, которыя не могутъ не возмущаться зрѣли-щемъ безнравственности? что сказать душѣ вѣрующей въ Бога и чтущей законъ Его, которая содрагается при видѣ этой страшной, по видимому непримиримой борьбы воли чело-вѣческой противъ воли Божіей, столь открытой вражды чело-вѣка съ Богомъ и явнаго по-пранія людьми всѣхъ законовъ Божескихъ? Что ска-зать серьезному наблюдателю чело-вѣчества, видящему какъ оно гибнетъ во злѣ, или тѣмъ умамъ, законода-телямъ и правителямъ народовъ, которые могутъ на-конецъ отчаяваться въ самыхъ лучшихъ своихъ мѣ-рахъ къ ихъ нравственному преспѣванію? Что сказать самымъ жертвамъ людской безнравственности, въ се-мействахъ, обществахъ, призывающимъ на нее Божій судъ и проклятіе? Что сказать наконецъ намъ, пасты-рямъ Церкви, самимъ себѣ, когда видимъ слово и дѣло нашего пасенія пропадающимъ безъ плода? Грустно: и въ самомъ дѣлѣ, не пришлось ли бы намъ оставать-ся въ безмолвіи и отчаяніи предъ видимымъ торжес-

твомъ всепоглащающаго зла, если бы этими вопросамъ унынія и сомнѣнія мы не могли противопоставить рядъ вопросовъ надежды и вѣры? — Да, нравственность падаетъ, если не совсѣмъ еще пала: а Спаситель Мира? развѣ напрасно Его пришествіе въ міръ? развѣ спа-сеніе, Имъ совершенное, относится только къ отдѣль-нымъ лицамъ, а не ко всему вѣрующему чело-вѣчеству, только къ откровенію истины и добра, а не къ дѣй-ствительному утвержденію ихъ въ чело-вѣчествѣ? развѣ Его воплощеніе, посредствомъ соединенія Божества съ чело-вѣчествомъ, не положило въ міръ сѣмянъ но-вой, лучшей жизни, которыя не могутъ же все заглох-нуть и совсѣмъ остаться безъ плода? развѣ искупле-ніе міра не есть его возрожденіе, дѣйствительное, а не догматическое только? развѣ наконецъ благодать, возраждающая міръ въ христіанствѣ, не есть сама въ себѣ сила, сила болѣе жизненная, крѣпкая и плодот-ворная, чѣмъ зло міра, которое само по себѣ есть только немощь, болѣзнь, гниль? И вотъ взглядъ нашъ перемѣняется: передъ нами поле, на которомъ вмѣстѣ растутъ пшеница и плевелы, но доброе сѣяніе и жат-ва принадлежатъ Спасителю міра, сбудущему въ свое время и плевелы исторгнуть и пшеницу собрать и сберечь; передъ нами въ мірѣ нравственномъ, какъ и физическомъ, страшныя и разрушительныя явленія: грозы, бури, землетрясенія, потоны, язвы, смерть въ самыхъ ужасныхъ видахъ: но во всѣхъ этихъ явлені-яхъ дѣйствуетъ сила не слѣпая какая нибудь, роко-вая; не сила разнузданная—злая, всепогубляющая, а бодрствуетъ и дѣйствуетъ Разумъ безпредѣльный, Во-

ля всемогущая, мысль предвѣчная, планъ необъятный и неизмѣнный, цѣли безконечныя, сила искупленія всеобновляющая. Такъ Спаситель міра управляетъ зломъ его. Предъ нами зло ожесточенное, пороку господствующій, міръ, погрязшій въ развратѣ: гдѣ же правда Божія, вопіемъ мы, не говоря уже о правдѣ человѣческой? гдѣ добро высшее, не говоря уже о добродѣтели земной? но благодать и правда благодатная тутъ и есть; она въ томъ именно, чтобы не губить міра, а спасти его, чтобы изъ самаго зла извлечь возможное добро, чтобы въ самомъ тлѣніи, возбудить искру новой, лучшей жизни; и она, эта правда спасительная, благодать искупительная, хочетъ и можетъ и несомнѣнно дѣйствуетъ въ мірѣ съ цѣлью—изъ самаго глубокаго паденія—возстановить его, изъ самой испорченной дряхлости—обновить его, изъ самой смерти—возродить его. А не останется наконецъ никакой надежды исправленія, опредѣлится полное, крайне возможное число спасаемыхъ, послѣднее число безвозвратно погибшихъ; тогда предлежитъ міру послѣднее очищеніе—огненное.

Съ такою вѣрою и надеждою мы можемъ спокойно смотрѣть на міръ. А если бы еще къ этому присоединялась живая любовь къ Спасителю, въ постоянномъ вниманіи и послѣдованіи слову Его, тогда не только какое зло міра не сокрушило бы нашего духа, но и сами мы содѣйствовали бы скорѣйшему и полнѣйшему торжеству истины и добра надъ ложью и зломъ.

ПОУЧЕНІЕ

НА НОВЫЙ ГОДЪ,

СКАЗАННОЕ

ВЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОВОРѢ, (1867 ГОДА).

Какъ показалось бы вамъ, братія мои, если бы въ нынѣшній день я обратился къ вамъ съ привѣтствіями такого рода: поздравляю васъ съ приближеніемъ къ концу жизни и къ вѣчности; поздравляю съ наступленіемъ новыхъ скорбей, болѣзней, утратъ и всякаго рода несчастій; поздравляю съ умноженіемъ въ мірѣ человѣческихъ пороковъ, страстей, суетъ и всевозможныхъ безразсудствъ; поздравляю счастливыхъ, знатныхъ и сильныхъ міра сего съ ускореніемъ случайностей, которыя могутъ сдѣлать ихъ несчастными, униженными и безсильными; поздравляю цѣлыя общества и народы съ новымъ періодомъ ихъ жизни, въ которомъ подъ вліяніемъ неожиданныхъ, можетъ быть уже и готовыхъ, причинъ, физическихъ, нравственныхъ, политическихъ и всяческихъ, могутъ явиться въ мірѣ новыя бѣдствія общественныя и народныя? Не очень пріятны, конечно, были бы такія привѣтствія. Но напрасно стали бы вы сѣтовать за нихъ на меня; то,

что и теперь высказаль, каждый новый годъ говорить самъ за себя. Скажите же, братія мои, какой смыслъ имѣютъ ваши взаимныя поздравленія съ новымъ годомъ, если только тутъ мысль не объ одномъ продолженіи естественной жизни и не одні мѣчты, а есть что—нибудь существенное? Вы поздравляете другъ друга съ новымъ счастьемъ: не насмѣшка ли это надъ жизнью? Не затаенный ли только страхъ новыхъ бѣдъ въ жизни? Или можетъ быть тутъ одно сердечное желаніе добра себѣ и другимъ? Прекрасно: но отъ этого не легче въ дѣйствительности.

Что же? скажете вы, неужели надобно всегда ожидать одного зла и зла? Неужели все идетъ только къ худшему и нѣтъ надежды на лучшее? Почему не думать и не надѣяться, что новый годъ принесетъ, если не всѣмъ, то нѣкоторымъ, а можетъ быть и многимъ, что нибудь доброе? Эти вопросы очень важны; но въ виду ихъ надобно лучше выразумѣть самую жизнь и дѣйствительность. Что такое жизнь наша, что такое жизнь цѣлаго міра?

Не будемъ обманывать себя. Доколѣ мы смотримъ на себя, какъ на существа, призваннаго только наслаждаться жизнью, и всякое дѣло жизни хотимъ подчинять одной идеѣ нашего счастья, доколѣ самня понятія о счастья и несчастія, о добрѣ и злѣ будемъ измѣрять только собственнымъ эгоизмомъ, или жаждою страстей, а не дѣйствительными, основными законами міра, предначертанными вышней Волею; доколѣ напрасно будемъ встрѣчать каждый новый годъ надеж-

дами, или только желаніями счастья и одного счастья! Неужели мы думаемъ, что теченіе жизни міра, управляемое неизмѣнными законами Божескаго Провидѣнія, должно или можетъ подчиняться нашимъ самолюбивымъ расчетамъ и мечтамъ? А что мы сами дѣлаемъ для своего счастья? Дѣлаемъ ли то, что нужно для него, т. е. что соответствуетъ тѣмъ законамъ и вышней Волѣ? А безъ этого никакое счастье не возможно.

Доколѣ мы будемъ смотрѣть на жизнь и на міръ только со внѣшнихъ сторонъ ихъ, только въ ихъ преходящихъ образахъ, а не въ глубинѣ внутреннего устройства, доколѣ останавливаемся на частяхъ и отдѣльныхъ фактахъ міра, не проникая во взаимныя связи и общія цѣли ихъ, не постигалихъ значенія въ цѣломъ, сколько это возможно нашему уму присвѣтѣ Божественнаго откровенія, а такимъ образомъ не понимая и значенія собственной нашей жизни въ жизни міра, доколѣ мы ничего не поймемъ въ жизни ни въ своей, ни въ чужой, и видимая смѣсь добра и зла въ мірѣ, счастья и несчастія будетъ представлять намъ только зрѣлище безпорядковъ и ужасовъ, только поводы скорбей и сомнѣній безвыходныхъ, загадку неразрѣшимую. Это камень, на которомъ разбивались и великіе умы и крѣпкія сердца. На чемъ же мы хотимъ основать увѣренность въ нашемъ счастьи?

Посмотримъ на физическую жизнь видимаго міра. Какая тутъ невыразимая смѣсь красотъ и безобразія, величія и ничтожества, добра и зла, наслажденій и страданій! И какаѣ непрерывная и нескончаемая борь-

ба всѣхъ стихій и силъ природы, борьба, которая часто разрѣшается ужаснѣйшими бѣдствіями для самой природы и для человѣка! Что это значить? Въ этой самой смѣси, въ этой именно борьбѣ совершается, въ цѣломъ и въ частяхъ, явная и тайная, но безостановочная и неослабная, работа, въ которой всѣ силы и дѣятели природы, отъ самыхъ великихъ до самыхъ малыхъ, отъ человѣка до червя, отъ непроходимыхъ лѣсовъ до мелкихъ травъ, отъ океановъ съ ихъ бурями до здѣшней мирной рѣки съ ея невозмутимой тишью, отъ огнедышащихъ вулкановъ до вашего домашнего очага, все работаетъ и, подъ рукою и по законамъ Всемогущаго Міроправителя, вырабатываетъ жизнь природы въ цѣломъ ея составѣ. возраждаетъ въ борьбѣ новыя силы и средства къ продолженію ея жизни до конца вѣковъ, и въ то же время незамѣтно все подготавливаетъ къ новой будущей жизни этого міра, о которой говоритъ намъ Божественное откровеніе. А ты, разумное существо, хочешь ли, чтобы эта работа природы шла около тебя мирно, не преслѣдовала бы тебя своими ужасами и не грозила бѣдами, а доставляла бы тебѣ одни чистыя наслажденія красотами и благами природы? Ты помоги природѣ въ этой работѣ своимъ разумомъ, трудомъ и доброю своею жизнію, которая, какъ и худая жизнь твоя, очень много значитъ въ экономіи природы. А если ты, человѣкъ, ожидаешь однихъ наслажденій изъ ядръ природы и ея жизнь хочешь поработить только мечтамъ о счастіи собственной твоей жизни, а для нея самой не хочешь дѣлать ничего хорошаго, то не жалуйся, если вмѣсто удовольствій и ожиданнаго счастія она пош-

летъ тебѣ только бѣды: голодь, болѣзни, всевозможныя виды разрушенія, смерть.

По такимъ же законамъ идетъ жизнь въ мірѣ нравственномъ, человѣческомъ. Здѣсь всѣ люди, въ общей связи жизни, составляютъ одинъ цѣлостный организмъ человечества; и всѣ люди, отъ самаго высокаго лица на земли до послѣдняго нищаго, отъ государственнаго мужа до чернорабочаго, отъ генія и исполина до глупца и увѣчнаго, — всѣ работаютъ въ движеніи и развитіи этого организма; каждый все, что кто можетъ и хочетъ, всѣ свои мысли, чувства, стремленія, дѣйствія, вносятъ въ общую массу, составляющую тотъ міровой матеріалъ, изъ котораго общимъ столкновеніемъ, взаимно-дѣйствіемъ, борьбою разнородныхъ элементовъ вырабатывается жизнь цѣлаго человечества. Но, братія мои, я не могу представить себѣ этой картины безъ трепета сердечнаго. Пусть каждый изъ васъ подумаетъ, что всякая его мысль, чувство, слово, можетъ быть случайно высказанна, всякое его дѣло, когда бы и какъ бы то ни было, можетъ быть и не намѣренно, сдѣланное, которымъ онъ самъ не думалъ придавать какое нибудь значеніе, все это живо въ жизни и составляетъ уже фактъ невозвратный; все это полетѣло изъ души въ міръ и тамъ неудержимо произвело сродныя себѣ дѣйствія: тамъ встрѣтившись съ другими подобными себѣ фактами, усложнилось и усилилось, встрѣтившись съ противными, ветунило съ ними въ борьбу и такимъ образомъ живо и дѣйствительно вошло въ составъ атмосферы, обнимающей, проникающей, наполняющей жизнь міра! Ты не думаешь объ этомъ, ты за-

быль, какимъ чувствомъ или намѣреніемъ или словомъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, ты дохнулъ на свѣтъ Божій? Но это дуновеніе твое пошло живою струею въ воздухъ міра и тамъ вмѣстѣ съ другими струями составило тучу, облагающую горизонтъ надъ тобою и другими: и ты же будешь удивляться, встрѣтишь какъ нечаянность, примешь за случайность, когда какойнибудь сильный ударъ разрвется надъ твоею головою! Нечаянность! Случайность! Нѣтъ; это не нечаянность и не случайность, ты самъ участвовалъ въ составленіи этой тучи.

Итакъ хотите ли вы, чтобы ваша жизнь текла мирно, счастливо, свѣтло, радостно? Вносите отъ себя въ общую жизнь міра все доброе, и только доброе: здравыя мысли, чистыя чувства, благія стремленія, правыя дѣла. Но, Боже мой, какое слово изобразить, какой умъ представить только можетъ всю ту общую массу зла, со всѣми его мерзостями и ужасами, въ которую каждый изъ насъ въ теченіи цѣлой своей жизни вноситъ свою долю и крупными и мелкими дѣлами! И это матеріаль, изъ котораго слагается и развивается жизнь человѣчества! Какимъ же образомъ человѣчество держится? Какъ оно негоритъ за-живо отъ этаго горячаго матеріала, который носить въ самомъ себѣ огонь разрушающій жизнь нашу внутри насъ самихъ, каковы наши страсти и пороки? И погибло бы человѣчество и давно сгорѣлъ бы злой міръ, если бы не Разумъ безпредѣльный и Воля всемогущая управляли страшнымъ горниломъ, въ которомъ идетъ эта неизобразимая работа, если бы въ основаніи этой работы не

положено было новое начало жизни, сила благодатнаго искупленія и возрожденія міра, принесенная на землю Иисусомъ Христомъ, нашимъ Спасителемъ. Это именно спасительная сила благодати дѣлаетъ то, что зло еще не погубило міра, что человѣкъ еще не потерялъ способности къ добру, что остается еще надежда на торжество добра, и только зло безусловное, уже неисцѣльное, оставляется самому себѣ и огню, зарожденному внутри его, который дѣйствіемъ долженствующаго въ опредѣленное время открыться въ полной силѣ всемірнаго суда Божіяго, съ преобразованиемъ временной жизни въ вѣчную, наконецъ раскроется видимо, во всемъ своемъ ужасѣ, обниметъ весь злой міръ и воспылаетъ въ безконечность. Такъ кончится настоящая работа жизни міра.

Теперь, братія мои, вы понимаете, что такое день новаго года? Это возобновленіе страшной работы въ жизни міра и человѣчества, это первый день общечеловѣческой страды—рабочаго времени. Съ чѣмъ же мы пойдемъ на эту работу новаго года, что внесемъ въ общее дѣло жизни? Вотъ о чемъ надобно думать, въ начальный день новаго года. Отсюда ясно и то, чего нынѣ желать должно себѣ и другъ другу. А я не хочу оставаться зловѣщимъ, и усердно молю Бога чтобы не сбылись мои горькія привѣтствія въ началѣ нынѣшней моей бесѣды съ вами.

ПОУЧЕНІЕ

на новый годъ,

СКАЗАННОЕ

въ Каѳедральномъ Соборѣ (1868 года).

Годы, какъ волны, уносятъ жизнь нашу въ безпредѣльное море вѣчности. И если подумать, что не только въ этомъ морѣ тонутъ безвозвратно цѣлые вѣка жизни цѣлаго человѣчества, а и въ круговоротѣ временной жизни безслѣдно пропадають тысячи частныхъ существованій, то невольно представляется вопросъ: для чего существуютъ эти тысячи? и какое значеніе имѣеть жизнь каждаго изъ насъ, если только она дается не случайно и не напрасно?

Подумали ли вы когда нибудь объ этомъ? думали ли, когда жизнь ваша разцвѣтала въ силахъ духа и тѣла, и предъ вами открывалось ея широкое поле, или когда жизнь начала уже увядать и видѣнь сталъ вамъ не далекій конецъ? думали ли въ годы счастія или въ годы несчастій, въ дни веселія и празности или въ дни скорбей и заботъ, въ часы серьезныхъ думъ и

чувствъ или легкаго взгляда на мiръ, смотря на себя или на другихъ? Подумали ли наконецъ вчера, когда оканчивался годъ, или сегодня, когда начинался новый?

А надобно подумать, и думать всегда, не говоря уже о томъ, что жить, не сознавая значенiя своей жизни и не давая себѣ отчета въ ея цѣляхъ, жить, оставляя свою жизнь одному естественному теченiю, и такимъ образомъ по собственной волѣ дѣлать ее безхарактерною и безцѣльною, значило бы вести жизнь не болѣе, какъ растительную, хотя можетъ быть видимо и цвѣтущую, только животную, хотя можетъ быть и привольную, но ужъ никакъ не человѣческую—разумную и нехристіанскую—нравственную, не говоря уже объ этомъ, какъ безотрадно было бы думать, что не каждаго жизнь имѣетъ значенiе въ мiрѣ, что жизнь многихъ можетъ считаться и случайною и напрасною?

Жизнь каждаго изъ насъ есть капля въ морѣ жизни цѣлаго человѣчества. Что значитъ капля въ морѣ? Не скажу, что ничего не значитъ; все море составляетъ изъ капель: не было бы капель не было бы моря. И вотъ изъ капель жизни отдѣльныхъ личностей сливается великій океанъ жизни всемирной, съ его вѣковыми теченiемъ, съ его волнами и бурями. Разберите составъ этихъ волнъ, воздымающихъ океанъ и производящихъ иногда такое сильное волненiе и оглушительный шумъ въ исторiи человѣчества; всмотритесь въ эти бури, иногда столь страшныя и разрушительныя,—и вы увидите, что все это—капли, только въ связи, въ соединенiи между собой, въ массѣ, состав-

ляющей всю силу ихъ. А не представляетъ ли исторiя и такихъ примѣровъ, что самыя важныя и потрясающія событiя въ жизни народовъ происходили иногда отъ усиленнаго движенiя только нѣсколькихъ капель, а иногда даже одной, сначала въ небольшомъ кругѣ жизни? Въ дѣйствительности, ни одна жизнь, какъ бы тѣсна сама по себѣ ни была, не можетъ быть или считаться совершенно отдѣльною и отрѣшенною отъ общей жизни людей. Жизнь каждаго изъ насъ имѣетъ естественныя и нравственныя связи со всеми другими, связи, болѣе или менѣе близкія или отдаленныя, открытыя или незамѣтныя, влiятельныя или страдательныя, но всегда и непремѣнно дѣйствительныя. Не будемъ говорить о связяхъ прямыхъ, открытыхъ, влiятельныхъ, которыя сами по себѣ ясны. Вы думаете: какую существенную связь съ мiромъ или какое значенiе можетъ имѣть жизнь, на примѣръ, этого нищаго, который самую судьбою выброшенъ изъ среды общества къ порогамъ домовъ, гдѣ только подаенiями отъ другихъ кое-какъ держится его жизнь, который самъ тяготится своею жизнiю и часто не знаетъ, что съ нею дѣлать? но и эта жалкая жизнь, при всемъ ея внѣшнемъ ничтожествѣ, имѣетъ свое значенiе нравственное; и бѣднякъ имѣетъ духъ, слѣдовательно имѣетъ свою нравственную силу и свою долю участiя въ общей жизни людей; его мысли, чувства, намѣренiя, дѣйствiя, все это отъ него также, какъ и отъ другихъ, идетъ въ общую массу дѣлъ человѣческихъ, и онъ, какъ и всѣ, имѣетъ свои нравственныя отношенiя къ другимъ, къ обществу, къ человѣчеству. Этого уже довольно, чтобы не считать его жизнь ничего незна-

чащею. А что, если внутренняя жизнь бѣднаго еще богатѣе богатыхъ? Что, если подъ отрешьями и безъ куска хлѣба таится сила души, болѣе другихъ способная дѣйствовать въ мірѣ? И знаемъ мы, что изъ среды бѣдняковъ, почти умиравшихъ съ голода, выходили, и не слишкомъ рѣдко, великіе дѣятели въ умственной, нравственной, религіозной, общественной жизни народовъ. Тутъ внутренняя жизнь, ея сила духовная вступала въ открытую борьбу со внѣшнею жизнью, ея горькою долею, и, или торжествовала надъ нею и измѣняла ее къ лучшему, или падала жертвою борьбы, но и въ самой борьбѣ выказывала все богатство и величіе внутреннихъ своихъ силъ. А что же тѣ, которыхъ сама судьба лишаетъ всякой возможности дѣйствовать, производя ихъ на свѣтъ безсильными, и оставляя въ одномъ страдательномъ положеніи несчастія? Судьба! какая это судьба? на это нѣтъ никакой судьбы. Каждому свыше дается своя мѣра силъ физическихъ и нравственныхъ, хотя самая малая, съ которою и долженъ соразмѣряться кругъ дѣятельности каждаго, хотя бы дѣятельность эта шла не далѣе обработки земли, или грубаго ремесла. А если нѣтъ и на это средствъ, кто виноватъ? Виноватъ или самъ несчастный, или тѣ счастливые, которые, не хотятъ помочь ему. Тутъ только нравственное зло подрываетъ значеніе жизни; да и это можно ли еще сказать? Самое зло жизни не придаетъ ли ей своего значенія, хотя и печальнаго, когда жалкую участь ея сопровождаетъ тяжкими послѣдствіями—не для однихъ несчастныхъ, но и для другихъ людей, для общества, для человечества? Прозрѣніе жизни въ себѣ или другихъ, жизнь,

по собственной волѣ человѣка или по недостатку сочувствія отъ другихъ доходящая до такого униженія въ средѣ людей, что теряетъ по видимому всякое общечеловѣческое значеніе, не обращается ли наконецъ въ позоръ самому человѣчеству, въ рядъ однихъ преступленій, въ зло, не только частное, но и общественное, отнимающее у людей, у цѣлыхъ обществъ спокойствіе, благочиніе, благосостояніе, въ язву, заражающую ихъ нравственною порчею? О какъ страшно наказуется человѣчество за пренебреженіе, даже только за непониманіе жизни въ самыхъ незначительныхъ ея дѣятеляхъ!

Но есть особенная сила въ мірѣ, которая и самую бессильную жизнь можетъ сдѣлать не напрасною и не бесплодною въ мірѣ, будь это жизнь большая, увѣчная, слѣпая, глухо—нѣмая и проч. То—нравственная сила христіанства. Вспомните, какъ христіанство всѣхъ и каждаго изъ насъ призываетъ къ нравственной дѣятельности въ мірѣ, какъ всѣмъ даетъ для нея духовныя средства и силы, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, какъ самаго убогаго человѣка въ мірѣ оно можетъ сдѣлать образцомъ самыхъ высокихъ духовныхъ доблестей, какое могущество нравственнаго вліянія оно можетъ придавать самымъ простымъ людямъ, когда на примѣръ нѣсколько рыбаковъ въ состояніи были покорить его ученію древній языческой мірѣ; когда духъ, жизнь, слово самыхъ невидныхъ съ мірской стороны личностей, могутъ вызвать тысячи людей и цѣлые народы на поклоненіе и послѣдованіе имъ, какъ эта дивная сила христіанства никогда, ни при какихъ

обстоятельствахъ не истощается въ мірѣ и всегда можетъ и готова воздвигать на широкое поприще духовной жизни изъ всѣхъ состояній въ мірѣ самыхъ высокихъ подвижниковъ, самыхъ энергическихъ дѣятелей самыхъ великихъ героевъ христіанской добродѣтели и нравственной силы духа. При такихъ обстоятельствахъ какая жизнь, какъ бы ни была сама по себѣ тѣсна, скудна и слаба, можетъ считаться напрасною и бесплодною въ мірѣ? Это съ одной стороны. Съ другой стороны не забудьте, какъ христіанство всѣхъ насъ соединяетъ въ одно нравственное цѣлое, въ одну духовную семью, въ одно благодатное царство Б о ж і е, какъ оно отъ всѣхъ и каждаго изъ насъ прежде всего и болѣе всего требуетъ взаимной любви, безъ разбора внѣшняго состоянія людей въ мірѣ, какъ оно внушаетъ носить тяготы другъ друга и въ этомъ полагаетъ высшее исполненіе закона Христова, какъ возбуждаетъ, одушевляетъ, оплодотворяетъ силу добра въ человѣкѣ и челоуколюбія, чтобы не только помогать страданію состраданіемъ и вещественною помощію, но и, возвышая духъ надъ тѣломъ, давать самой немощи телѣсной силы и средства сдѣлать что нибудь доброе и полезное для себя и для другихъ. Можно ли же допустить, чтобы тамъ, гдѣ живо дѣйствуетъ сознаніе и духъ христіанства, чья-нибудь жизнь, хотя бы самая немощная, могла оставаться бездольною и бесполезною въ мірѣ? Нѣтъ; и христіанская сила духа надъ тѣломъ съ одной стороны, и христіанская любовь къ челоучеству съ другой—сдѣлаютъ то, что и слѣпые могутъ учиться и быть учеными людьми, съ пользою

для другихъ, и глухо-нѣмые участвовать въ общественной службѣ, и безрукіе работать.

А что еще, если не христіанство, и безъ особенныхъ духовныхъ дарованій, и не богатыхъ внутренними силами людей извлекаетъ изъ униженія въ мірѣ, когда, при недостаткѣ и невозможности для нихъ другаго значенія, вполне сохраняетъ въ нихъ значеніе чисто-нравственное, даетъ имъ возможность быть, если не самостоятельными дѣятелями среди міра, то вѣрными и добрыми исполнителями нравственнаго долга? И вы видите въ семействѣ, въ обществѣ, въ самомъ простомъ быту народа, не блѣстящую важными дѣлами, не пылающую сильнымъ огнемъ духа, но ясно и тепло свѣтящуюся мирными, скромными добродѣтелями жизнь, жизнь истинно-христіанскую, въ глубинѣ смиренія высокопоучительную: и разливаетъ эта жизнь около себя миръ, отраду ближнимъ, теплоту чувства, свѣтъ добраго пути, примѣръ чистой нравственности.— Кто осмѣлится назвать такую жизнь ничего или мало значущую?—

Что теперь сказать о значеніи жизни частномъ, личномъ? Сравнилъ я частную жизнь съ каплею въ морѣ, и теперь опять приходитъ на умъ капля. Наука открыла въ каждой каплѣ воды и всякой жидкости цѣлый міръ жизни: тутъ незримо для нашихъ глазъ вмѣщаются особые роды существъ, которыя рождаются, движутся, плодятся, совершаютъ свой кругъ бытія, со всѣми естественными дѣйствіями и проявленіями жизни. То, что эта микроскопическая жизнь не замѣтна

Для нашего глаза, отнимаетъ ли у ней всякое значеніе въ мірѣ? Безъ сомнѣнья — нѣтъ. Такъ, внутри каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, не всегда явновъ наружности и замѣтно для другихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительно движется цѣлый міръ: міръ мысли и чувства, желаній и страстей, добра и зла, радостей и скорбей. Или все это имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ выказывается въ большихъ размѣрахъ, при широкой обстановкѣ, съ шумомъ и трескомъ, съ вліяніемъ на другихъ? Нѣтъ; и тотъ, котораго жизнь ограничивается только насущными ея потребностями, и тотъ, котораго внутренней жизни никто другой не знаетъ и знать не захочетъ, и тотъ, котораго внутренняя жизнь представляется намъ слишкомъ мало развитою, чтобы придавать ей какое нибудь значеніе, и онъ все то же, что и всѣ другіе, носитъ въ душѣ своей. Чего онъ не испытаетъ въ самомъ себѣ, какихъ мыслей и чувствъ, какой борьбы, какихъ бурь и страданій не перерабатываетъ въ душѣ своей! И если все это не имѣетъ значенія для другихъ, то очень важно для него самого: тутъ развивается его внутренній міръ, вырабатывается его личная судьба, его нравственное значеніе. А бессмертная душа, съ ея не умирающими потребностями? А образъ Божій въ человѣкѣ, дѣлающій душу его святилищемъ, а его самого жрецомъ, обязаннымъ священнодѣйствовать въ ней возношеніемъ ума горѣ и всеожженіемъ сердца въ жертву Богу? А благодать искупленія, придающая каждой христіанской душѣ великую цѣну, *данепогибнетъ*, влагающая таинственный залогъ возрожденія въ глубину существа ея? А всевысокое достоинство, которое христіанство придаетъ существу

личности каждаго человѣка, когда возвышаетъ духъ человѣка надъ всѣмъ земнымъ когда усыновляетъ его Богу, когда всякому открываетъ путь нравственной свободы ко всему доброму, когда всякому даетъ возможность достигать самыхъ высокихъ степеней внутренняго совершенства, когда для всѣхъ и каждаго переноситъ цѣли жизни изъ времени въ вѣчность? Какіе во:вышшенныя виды, какъ бы ни былъ малъ человѣкъ! Какія широкія задачи, какъ бы ни тѣсна была жизнь! И при такихъ ли видахъ и задачахъ, какую бы то ни было малую жизнь въ христіанствѣ считать случайною и напрасною?

Но бываютъ тяжелыя минуты жизни для человѣка: минуты душевнаго разлада. Душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое значеніе; онъ самъ себя спрашиваетъ: «зачѣмъ дана ему жизнь? Ужели только на муку и казнь?» Умъ, терзаемый всеотрипаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое это ужасное состояніе! Тогда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ — нравственною и физическою. Что можетъ спасти тогда человѣка? Вспомни онъ тогда, что онъ христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души; тамъ скрытъ забытый въ суетахъ жизни, заслоненный лживыми образами міра, подавленный страстями, но никогда не угасающей, мирной, благодатной свѣтъ хри-

стіанства. Внеси въ этотъ свѣтъ свои думы, свои чувства и страданія; тогда освѣтится все, и душа и жизнь; тамъ примиришься съ жизнею и поймешь ея высокій смыслъ и назначеніе.

Послѣ всего этого, что вы скажете, если я представлю вамъ картину такого рода: представьте себѣ кругъ людей мертвыхъ,—не такихъ, которые лежатъ въ могилахъ, и не такихъ, которыхъ называютъ привидѣніями, а людей дѣйствительныхъ, только не живыхъ; мертвыхъ, однакожъ ходящихъ по землѣ, ядущихъ и пьющихъ, и поддерживающихъ всѣ обычныя житейскія соотношенія между собою и съ другими людьми, живыми. Можетъ ли это быть, скажете вы? Можетъ, скажу я: потому, что такіе живомертвые люди очень хорошо видимы тѣмъ, которые *имѣютъ очи—видѣти*. Это ужасно! Не правда ли? Что же это за странныя существа? и чѣмъ они отличаются отъ другихъ, вполне живыхъ людей? Таковы именно люди, у которыхъ есть только обликъ жизни, есть плоть жизни, но нѣтъ духа живаго, нѣтъ внутренняго, существеннаго дѣйствія истинной жизни; это люди, у которыхъ нѣтъ ни мысли въ головахъ, ни чувства въ сердцахъ, ни дѣла въ рукахъ, ни самосознанія въ духѣ, ни убѣжденій въ характерѣ, ни религіи въ совѣсти, ни правилъ въ нравственности, ни цѣли въ жизни. Какимъ же образомъ они существуютъ? Однимъ механическимъ дѣйствіемъ естественныхъ законовъ бытія; и самая смерть для нихъ не есть прекращеніе или смѣна жизни, которой, собственно говоря, у нихъ и не было, а только полное, окончательное раскрытіе во внѣ ихъ

внутренней мертвенности; и выходитъ то, что Спаситель міра сказалъ одному изъ своихъ послѣдователей, просившему у Него позволенія идти на погребеніе отца: *мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ*. И еще ужаснѣе и отвратительнѣе становится эта мертвенная жизнь, когда за недостаткомъ оживляющаго духа хочеть насильственно оживить ее искусство: и вотъ видятся толпы изукрашенныхъ, лицедѣйствующихъ, безъ смысла суетящихся, кружащихся въ конвульсивныхъ движеніяхъ мертвецовъ! Можно ли безъ ужаса и содроганія видѣть такое зрѣлище? И какъ его снести, когда такихъ мертво-живыхъ людей или живыхъ мертвецовъ не мало, очень не мало въ мірѣ, и они слишкомъ нерѣдко и повсюду встрѣчаются? Но вотъ и конецъ этихъ странныхъ людей, исходъ того круга, общества, міра, который они наполняютъ: это отерывасть намъ слово вышнихъ судебъ. «Ты, говоритъ судъ Божій одному представителю такого общества—и, надо замѣтить, общества христіанскаго, *ты только имя носишь, что ты живъ, а ты мертвъ. Бодрствуй и дѣлай, что нужно близъ смерти. А не будешь бодрствовать, вотъ я найду на тебя; какъ татя, и ты не унасишь, въ который часъ я найду на тебя.*» (Апок. 3, 3).

Къ этимъ словамъ мнѣ нечего прибавлять.—

РѢЧЬ,

СКАЗАННАЯ

въ Смоленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, (22 Января 1867 года).

Въ такомъ необыкновенно скромномъ и даже скудномъ во всей обстановкѣ заведеніи, каково здѣшнее, не зачѣмъ брать широкіе и великіе предметы для слова. Пойдемъ за словомъ туда, откуда пришли и куда возвратятся отсюда эти воспитанницы: тамъ, въ темныхъ и тѣсныхъ избахъ, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба, гдѣ наилучшее наслажденіе имъ доставляетъ видъ покрытаго хорошо уродившимся хлѣбомъ поля, гдѣ и пастыръ духовный, какъ и овцы его, питается отъ земли и отъ тѣхъ мелкихъ долей, какія изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ удѣляютъ ему пасомые, — тамъ найдемъ, что думать и сказать относительно училищъ, подобныхъ здѣшнему.

Посмотрите на священнослужителя, получившаго достаточное научное образованіе, когда въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, едва сошедши съ школьной скамьи, онъ поставленъ судьбою въ деревенской глуши, въ средѣ нисколько не развитыхъ поселянъ, съ которыми

и обязательныя для него духовныя сношенія онъ можетъ поддерживать съ трудомъ и съ огорченіями для себя, сношенія житейскія—съ тягостію въ сердцѣ и самоуниженіемъ; а о сношеніяхъ образованной мысли и развитаго чувства—и говорить нечего: чего ему недостаетъ, когда при такой обстановкѣ жизни онъ скоро впадаетъ въ тоску и уныніе и готовъ для разсѣянія ихъ искать средствъ непопозволительныхъ? Ему конечно недостаетъ способовъ къ умственному возвышенію духа надъ грустною обстановкою жизни, путемъ отвлеченнаго мышленія и научнаго саморазвитія; не достаетъ силъ для постояннаго поддержанія мысли и чувства на духовной высотѣ сана близъ Бога; но прежде всего въ такой обстановкѣ недостаетъ ему сколько нибудь развитой умственно и нравственно подруги жизни, подруги, которая не однимъ внѣшнимъ сожитіемъ, а и умомъ и сердцемъ дѣлала бы тяготу его жизни, ясною мыслию и живымъ чувствомъ облегчала бы его душевныя томленія, и раздѣляя съ нимъ радость и горе, изъ которыхъ впрочемъ послѣдняго у него всегда болѣе чѣмъ первой, не давала бы ему чувствовать своего одиночества и въ собственномъ домѣ и въ средѣ, его окружающей.

Посмотрите на семейство сельскаго священнослужителя, когда столь обычное тамъ множество дѣтей при недосужествѣ и убожествѣ отца, какъ бы оставленное самому себѣ, въ праздности, неряшествѣ, во всей грубости деревенскихъ нравовъ, остается безъ воспитанія и только одолеваетъ отца заботами о содержаніи дѣтей; когда отецъ, едва дождавшись извѣ-

стнаго возраста дѣтей мужскаго пола, снѣшить отвозить ихъ въ школу, какъ будто для того только, чтобы сбыть съ рукъ излишнее бремя; а дѣти женскаго пола, возрастая и созрѣвая, и даже перезрѣвая, остаются на рукахъ отца почти также какъ прежде, не воспитанными и не развитыми: чего тутъ не достаетъ? Недостаетъ серьезно обученной и благонастроенной матери, которая занялась бы и сумѣла бы управлять домашнимъ воспитаніемъ дѣтей, и материнскимъ попеченіемъ и вліаніемъ довершала бы то, чего не можетъ тутъ сдѣлать одинъ отецъ.

Посмотрите на вдовъ и сиротъ, остающихся по смерти священнослужителей, а я смотрю на нихъ каждый день, выслушивая ихъ просьбы. Оставалась безъ опоры, безъ куска хлѣба, почти всегда безъ пристанища, онѣ совершенно опускаютъ руки и всего ждуть только отъ рукъ начальства; оно обязано дать всѣмъ имъ обезпеченіе, даже дать дочерямъ—сиротамъ приданое, именно приданое, обращая въ приданое самое священнослужительское мѣсто, и для того поставить на это мѣсто такихъ людей, которые согласились бы взять на себя всю горькую участь сиротствующихъ; тогда вдовы и сироты цѣлыми семьями переходятъ на руки этихъ людей, даже не слишкомъ разбирая ихъ личныя качества, расположенія и средства, и на самое постановленіе ихъ смотря просто, какъ на непремѣнное обязательство кормить и покорить сиротъ,—только, не болѣе. Нормально ли такое положеніе? Правильно ли такой распорядокъ дѣлъ? Даже обезпечиваетъ ли онъ сколько нибудь быть духовенства? Напротивъ, бѣд.

ность его, вмѣсто облегченія, тутъ еще усиливается и усложняется, потому что вмѣсто одной бѣдной семьи въ домѣ соединяются двѣ и три, и т. д. безъ конца. Я уже не говорю о томъ, какъ это затрудняетъ насъ самихъ, архіереевъ, въ избраніи на священнослужительскія мѣста достойныхъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ лицъ. Кто изъ нихъ пойдетъ на такую жизнь? а пойдетъ, сдѣлается несчастнымъ. И вотъ идетъ только такой, который несетъ сиротамъ хлѣбъ, хотя и скудный и горкій, а Церкви не несетъ ничего или несетъ то, что горше всякаго горькаго хлѣба. Чего тутъ недостаетъ? Всѣмъ этимъ несчастнымъ недостаетъ предварительнаго воспитанія и какого нибудь образованія, которое научило бы ихъ хоть трудиться и трудами собственнхъ рукъ, а не чужихъ пріобрѣтать себѣ пропитаніе, научило бы хоть понимать пользу труда и надобность какихъ нибудь собственнхъ соображеній къ чему нибудь лучшему въ своемъ быту. Увы! У насъ и этого нѣтъ; и привыкли у насъ не только всѣ свои семейныя дѣла, но и всѣ думы объ нихъ предоставлять архипастырямъ, ихъ усмотрѣнію и милости.

Посмотрите наконецъ на женскую половину крестьянскаго населенія. Эта, доходящая до крайней степени невѣжества и немыслія неразвитость, это неодолимое упорство въ грубѣйшихъ суевѣріяхъ, это совершенное неумѣніе обращаться съ дѣтьми, это лишеніе всякаго руководства и добраго совѣта въ женскихъ дѣлахъ, это отсутствіе всякой помощи въ болѣзняхъ, что все это показываетъ? Все это доказываетъ необхо-

димость въ деревнѣ лица, и именно лица женскаго пола, которое своимъ умственнымъ и нравственно-религіознымъ развитіемъ вліяло бы на это жалкое положеніе крестьянскихъ женщинъ, и въ отношеніи къ нимъ содѣйствовало бы духовному вліянію самаго приходскаго священника. Не много ли я сказалъ? Нѣтъ; что можетъ сдѣлать женщина въ христіанствѣ для самаго христіанства, это извѣстно изъ исторіи; и нѣтъ сомнѣній, что, при хорошемъ священникѣ, образованная жена могла бы быть для прихода истинною діакониссою.

И такъ вотъ почва, изъ которой возникаетъ учрежденіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія; особенность этой почвы требуетъ и особыхъ заведеній. А не лучше ли было бы воспитывать нашихъ дѣвицъ въ свѣтскихъ заведеніяхъ?—Но какіе могли бы быть при этомъ виды относительно нашихъ дѣвицъ? Не общеніе ли сословія? Но для чего это общеніе, когда воспитанница изъ заведенія должна возвратиться въ свое родное сословіе, и своимъ замужествомъ и службою мужа поставлена будетъ въ такую среду, съ которой не имѣютъ ничего общаго свѣтскія учебныя заведенія? Ужъ не самый ли образъ воспитанія,—тамъ, гдѣ воспитаніе обращается болѣе въ игру, чѣмъ въ серьезное дѣло, гдѣ изъ самаго образованія хотятъ сдѣлать только наслажденіе для чувствъ, фантазіи, свѣтскихъ нравовъ, но боюсь сказать—для ума, потому что уму доказывается наслажденіе строгостію науки, самостоятельностью мысли и трудовъ знанія? Видимъ мы такія заведенія во всемъ блескѣ ихъ внѣшняго устройства и

во всей силѣ ихъ внутренняго развитія: и мы не будемъ ихъ врагами; не будемъ оспаривать того, что есть въ нихъ добраго и полезнаго; но скажу, что у нихъ есть врагъ, который нерѣдко мститъ имъ жестоко за невниманіе къ нему. Этотъ врагъ—сама жизнь; это учитель суровый, неумолимый и необольстимый. Когда забавами ученія вытѣсняють его изъ среды училищъ, онъ становится за порогомъ ихъ и ожидаетъ тамъ выходящихъ изъ училищъ воспитанницъ; онъ схватываетъ ихъ въ свои тяжелыя руки, мчитъ ихъ по разнообразнымъ мытарствамъ житейскихъ заботъ и тревогъ, истязуетъ душу тяжкими скорбями, чтобы доказать всю несостоятельность образованія, ошибки воспитанія, заблужденія слишкомъ развитыхъ чувствъ и фантазіи, и муку искусственно возбужденныхъ въдушѣ но неудовлетворимыхъ въ дѣйствительности потребностей. Нѣтъ! Не такія училища намъ нужны. Этотъ врагъ—жизнь—намъ слишкомъ хорошо знакомъ, чтобы намъ еще обманывать самихъ себя на счетъ его; за то и онъ насъ не обманетъ. Мы заранѣе научаемся уживаться съ нимъ, чтобы впоследствии благодушнѣе съ нимъ встрѣчаться, когда уже не въ школѣ, а въ собственной его области въ опытѣ, онъ будетъ давать намъ свои суровыя уроки. Онъ, этотъ строгій пѣтухъ, постоянно живетъ съ нами; онъ и здѣсь, въ этой тѣсотѣ, въ этой видимой во всемъ скудости, во всѣхъ недостаткахъ устройства этого училища. Сама жизнь, наша сословная жизнь, устроила это училище такъ, что нечѣмъ вознаграждать учителей за труды; сама жизнь шьетъ воспитанницамъ ихъ же собственными руками рубашки изъ грубѣйшаго деревенскаго полот-

на, которое поселянки приносятъ отъ своего усердія къ чудотворной Смоленской иконѣ Богоматери, а мы отъ нея передаемъ сюда; сама жизнь водить здѣсь воспитанницъ на кухню и огородъ, гдѣ онѣ поиначе какъ по ея указаніямъ, сами готовятъ себѣ не затѣйливую пищу. Не скажу, чтобы мы не желали лучшаго; но не желательно, чтобы когданибудь измѣнилось основное начало жизни, долженствующее лежать въ основѣ этихъ училищъ. Если суждено намъ оставаться въ нашей бѣдности, пусть наша бѣдность воспитываетъ сама себя; а если можемъ дожидаться чегонибудь лучшаго, то пусть улучшатся наши взаимныя соотношенія съ обществомъ и народомъ, пусть улучшатся способы нашего обезпеченія, но да не будемъ оторваны въ духѣ отъ жизни, отъ той жизни, которая живетъ въ средѣ, ожидающей нашихъ воспитанницъ. Желательно ли было бы, чтобы священно-служитель въ деревнѣ сдѣлался когданибудь бояриномъ, а его жена боярыней? Не думаю.

Все, что я теперь говорилъ, я говорилъ не для однихъ постороннихъ лицъ, вообще мало насъ знающихъ и понимающихъ, но и для васъ, добрыя воспитанницы. Вамъ болѣе, чѣмъ комунибудь, должны быть понятны мои слова; вы можете быть даже лучше, чѣмъ я, не въ деревнѣ родившіяся, знаете жизнь, въ которой вы родились и въ которую должны вступить по возвращеніи отсюда. Не забывайте ее ни на минуту; она впоследствии задастъ вамъ строгое испытаніе въ плодахъ здѣшняго образованія; приготовляйтесь къ этому испытанію все, что имѣете здѣсь подъ руками, и тѣ малыя сѣмена, кото-

ры здѣсь получаете, согрѣвайте въ своемъ сердцѣ, что бы онѣ въ теллотѣ его процвѣли и въ свое время перенесенныя на почву, на которой вы будете поставлены судьбою, дали жизненный плодъ. Я говорю: въ сердцѣ потому что умъ всегда слишкомъ многого требуетъ, чего вы здѣсь не найдете; но за то сила теплаго, нравственно развитаго сердца часто бываетъ крѣпче и дѣйственнѣе самаго развитаго ума,

ПОУЧЕНІЕ,

СКАЗАННОЕ

въ Смоленскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ
(2 февраля 1867 года).

Вамъ, боголюбивыя сестры, въ вашемъ уединеніи, огражденномъ крѣпкими стѣнами и строгими правилами жизни, можетъ быть иногда приходиться въ умъ искусительная мысль: что дѣлается въ мірѣ, который вы навсегда оставили? Какъ тамъ люди живутъ, счастливы ли они, и въ чемъ находятъ нынѣ свое счастье? Я, не чуждый вамъ по обѣтамъ, но ближе васъ стоящій къ міру, и съ высоты своего мѣста постоянно наблюдающій, какъ проходитъ жизнь міра, съ ея разнообразными сценами и судьбами, скажу вамъ: также, какъ всегда, міръ живетъ въ суетахъ и безконечныхъ житейскихъ попеченіяхъ, также всѣ и каждый ищутъ себѣ счастья и не находятъ его, или находятъ мало и только на время, и потомъ опять мучатся исканіемъ его; также, какъ всегда, никто ясно и точно не понимаетъ, какъ будто и самъ для себя рѣшить не можетъ: въ чемъ счастье, гдѣ искать

и какъ достигать его? Не правда ли, какъ это странно? какъ будто въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ мірѣ счастья? Или люди такъ осуетились, что и ходятъ около него, но не видятъ его, или такъ замечались, что требуютъ отъ жизни гораздо больше, чѣмъ сколько она можетъ дать имъ? Вы, спокойныя въ вашей мирной пристани, пожалѣйте и помолитесь объ этихъ несчастныхъ, обурываемыхъ въ морѣ житейскомъ.

А въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же счастье? Какую жизнь можно назвать счастливою? Вы помните, что я здѣсь могу говорить только объ истинномъ счастьи, достойномъ чловѣка, христіанина. И вотъ теперь я хочу ввести васъ въ общее разсужденіе объ этомъ предметѣ; мнѣ представляется, что вы, стоя вдали отъ міра, можете быть безпристрастнѣе въ этомъ дѣлѣ. При нашемъ посредствѣ я попытаюсь представить окружающимъ насъ мірскимъ людямъ одинъ понятный намъ образъ жизни, въ томъ предположеніи: не признаютъ ли они его истинно счастливымъ, по крайней мѣрѣ болѣе счастливимъ, чѣмъ тѣ образы жизни, въ которыхъ они испытываютъ такъ много несчастій?

Представимъ себѣ людей, которые, сбросивъ съ себя всю тяготу житейскихъ попеченій, рѣшились ограничить себя поевангельски только потребностями дня, людей, добровольно освободившихъ себя отъ круженія въ вихрѣ мірской суеты, для того, чтобы спокойно и всецѣло посвятить себя жизни внутренней, духовной, которая есть жизнь ума, вѣрно направленного къ познанію и соверзанію вѣчной истины въ Богѣ

жизнь сердца, развивающаго въ себѣ сознаніе высшаго, нравственнаго, чловѣческаго и христіанскаго достоинства, и въ удовлетвореніи глубокихъ чувствъ и потребностей этого сознанія, а не чувственныхъ влеченій и страстей, ищущаго своихъ наилучшихъ наслажденій; жизнь воли, свободно устремленной къ утвержденію себя въ чистомъ христіанскомъ добрѣ; жизнь духа, непрерывнымъ трудомъ надъ собою и постоянною борьбою съ самимъ собою укрѣпляющаго свои силы къ достиженію высшихъ степеней совершенства; представимъ себѣ людей, которые, высшаго идеала жизни уже не искали бы для себя, для своего совершенства и счастья, ни въ чемъ прекрасномъ, высокомъ и счастливомъ міра сего, а единственно въ Евангеліи, этомъ зеркалѣ возрожденнаго и обновленнаго чловѣчества съ Богочловѣческимъ первообразомъ во главѣ; людей, которые, не презирая и не отрицаясь чловѣчества, а любя его всею душою, и любовію самую чистою, выше мірской, не хотѣли бы однако дѣлать съ нимъ его дѣйствительной жизни, не только искусственной, со всеѣмъ тѣмъ, что есть въ ней фальшиваго, глупаго, пустаго, дурнаго, вреднаго для души, но и жизни естественной, семейной и общественной, чтобы сохранить для себя полную свободу духовную и независимость нравственную и ничѣмъ не стѣсняться въ высшихъ стремленіяхъ духа; людей, у которыхъ и складъ внутренней жизни и порядокъ внѣшней, устроены были бы такъ, чтобы на всемъ лежала печать чистоты христіанскаго цѣломудрія, неизмѣнной строгости правилъ, самоотреченія и креста, безъ которыхъ въ христіанствѣ нѣтъ совершенства и спасенія; на-

конецъ представимъ себѣ, что такіе дивные люди составляли бы между собою единодушныя общества, въ которыхъ ни преимущества рода и званія, ни права собственности, ни личный образъ мысли и жизни, ничто не раздѣляло бы ихъ, но любовь Христова въ единствѣ цѣли и въ чистѣйшемъ, нравственномъ взаимномъ сочувствіи связывала бы ихъ всѣхъ въ одну семью, сливала бы въ одну душу; и вотъ у нихъ и въ душѣ и въ жизни и въ обществѣ, царствовали бы невозмутимый міръ, ни чѣмъ назатмѣваемая ясность духа, не изсякающія благодатныя утѣшенія сердца, неизчерпаемая полнота внутренней духовной жизни, изъ которой въ нихъ и около нихъ разливалось бы одно непоколебимое чувство высококако блаженства чистыхъ, свѣтлыхъ душъ, и они, не зная страстей и заботъ житейскихъ, не знали бы ни страданій душевныхъ, ни бѣдствій міра.

Вотъ какую жизнь я представляю себѣ въ идеѣ счастья. Что скажутъ на это люди міра? «Все это прекрасно, скажутъ, но»....—Это *но* всегда портитъ самыя лучшія мысли. Что же *но*?

Если скажутъ, что все это прекрасно, только слишкомъ высоко, тяжело и неисполнимо по установившимся условіямъ жизни, то я отвѣчаю; вотъ и причина, почему люди не находятъ себѣ истиннаго и полнаго счастья; они всецѣло подчинились условіямъ, ими самими изысканнымъ, стѣсняющимъ путь ихъ счастья и вызывающимъ несчастья; они сами на себя наложили какія—то цѣпи, въ которыхъ и ступить свободно не

могутъ, и полагаютъ свое счастье уже не въ томъ, чтобы сбросить съ себя или по крайней мѣрѣ облегчить эти цѣпи, а въ томъ, чтобы только позолотить ихъ и изъ тяжелаго бряцанія ихъ устроить для себя возможно—пріятные звуки.—И не спорю, что та идеальная высота жизни, о которой я говорю, не для всѣхъ достижима; но только потому, что не у всѣхъ для того довольно велики и крѣпки духовныя силы; а это дѣло другое. Что же? поднимайся на высоту, сколько можешь; сколько поднимешься, столько и будешь счастливъ. А если эта высота только для немногихъ, избранныхъ душъ, то почему же и не многимъ не пожелать и не указать ее? И за чѣмъ же эти избранные вмѣстѣ со всѣми другими будутъ страдать и погибать въ общемъ волненіи суетъ и бурь житейскихъ.

Я знаю, что еще могутъ сказать мнѣ люди міра: «ты. думаютъ они теперь, въ своемъ идеалѣ счастья представилъ намъ жизнь иноческую: спроси же сперва самихъ иночествующихъ, счастливы ли они и осуществляется ли въ ихъ жизни твой идеалъ счастья?—Это, боголюбезныя сестры, касается уже васъ, и отъ этого вопроса я избавить васъ не могу. Скажите же вы мнѣ и людямъ міра, счастливы ли вы? Сложили ли вы съ себя все бремя житейскихъ попеченій, и не только сердцемъ, но и мыслию уже не возвращаетесь къ мірской суетѣ, добровольно оставленной вами, и совсѣмъ объ ней забыли? оставили ли за порогомъ вашей обители все, чѣмъ прежде принадлежали міру, не только наружныя, но и внутреннія

узы рода, званія, и состоянія со всѣми ихъ мірскими привычками и притязаніями? Думаете ли здѣсь единственно о Б о г ѣ, о душѣ, о вѣчности, о непрестанномъ возвышеніи своемъ до евангельской чистоты сердца и святости жизни? Отказались ли и отъ внѣшнихъ удобствъ житейскаго быта, полюбили ли всѣ трудности пути, на который вступили, и можете ли сказать что пожертвовали всѣмъ, чтобы пріобрѣсти одно—вѣчное благо души? Есть ли между вами образцы высшей духовной жизни? Царствуетъ ли въ васъ любовь Христова, миръ благодатный, взаимное сотрудничество въ подвигахъ спасенія, соревнованіе въ смиренномудрїи, и первая изъ васъ готова ли считать себя слугою, всѣхъ, а послѣднюю изъ всѣхъ, признаетъ ли каждая—только самое себя?

Если такъ, то вы истинно счастливы, и пусть люди, смотря на васъ, убѣдятся въ правдѣ того счастья, о которомъ я говорилъ. А мнѣ остается возблагодарить Бога о томъ, что есть въ моей паствѣ святое общество евангельски блаженствующихъ душъ. Если же нѣтъ... О, какъ тяжело сказать здѣсь даже только подумать это страшное—*нѣтъ!* Да, тяжело и страшно! Однакожь и при этомъ мы не позволимъ міру радоваться нашему несчастію и торжествовать въ мысли, что мы напрасно отъ него удаляемся и ищемъ счастья внѣ его. Отчего происходятъ всѣ несчастія въ обителяхъ иноческихъ? Именно оттого, что недостаетъ полной отрѣшенности отъ міра, что многое переходитъ въ нихъ изъ міра. Судите сами, какому совершенству духовному и какому, слѣдовательно блаженству

души быть въ иночествѣ, когда переносятся въ него мірскія, понятія, нравы, обычаи, притязанія, даже страсти, когда самое внѣшнее благоустройство монастырей измѣряется по мірскимъ взглядамъ? Вотъ напр, я слышу о бѣдности вашей обители: но если при этомъ она не бѣдна внутреннею духовною жизнью, то я не поскорбѣлъ бы о вашей скудости, а еще призналъ бы ее вѣнцомъ иноческой жизни; и если бы въ вашихъ храмахъ не было золотыхъ и серебрянныхъ и никакихъ другихъ украшеній, если бы, вмѣсто парчевыхъ облаченій для священнослуженія, вы имѣли только холцевыя, если бы вмѣсто ста шестидесяти васъ было только шестнадцать, а въ вашей трапезѣ, вмѣсто трехъ повседневныхъ яствъ, было только одно, а въ иной день неслучилось бы и одного, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ вашей обители процвѣтали бы и созрѣвали бы иноческія добродѣтели: думать ли, что тогда ваше состояніе было бы жалко? О нѣтъ! Вы тогда напоминали бы намъ тѣ лучшія времена нашего монашества, когда въ обителяхъ, въ послѣдствіи богатыхъ и знаменитыхъ не было и свѣчей для богослуженія, а горѣли лучины, когда иноки не знали другой пищи, кромѣ суроваго сухояденія, а иногда, по недостатку хлѣба, и одинъ черствый кусокъ его доставался подвижнику только въ награду за особые труды его; когда сами настоятели и настоятельница носили на себѣ такія рубища, что не могли быть узнаваемы отъ постороннихъ людей и однакожь эти лучины, это сухояденіе, эти рубища привлекали къ нимъ на поклоненіе весь русскій народъ, съ боярами и царями, и тамъ совершалось спасеніе душъ, которыхъ слава небесная и земная, цер-

ковная и народная, и доселѣ между нами не померкаетъ. Такъ, смотря на васъ и на вашу скудность, мы прославили бы Бога о томъ, что есть еще въ наше время, уже вовсе не иноческое, истинное подвижничество. А если нѣтъ его у васъ, то пожелалъ ли быя видѣть богатство и благослѣніе въ устройствѣ вашего монастыря? Боюсь; кажется, ятѣмъ болѣе поскорбѣлъ бы объ немъ; и приходятъ мнѣ на память прекрасныя слова нашего перваго русскаго лѣтописца, преподобнаго Нестора, когда, описавъ основаніе одного монастыря въ Кіевѣ великимъ княземъ Изяславомъ, онъ замѣчаетъ: «вотъ уже, много устроено монастырей князьями и боярами, на ихъ богатые вклады, да не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые основаны слезами, постомъ и неунынною молитвою».

А вамъ, приходящимъ сюда изъ міра только на часъ молитвы, или для случайныхъ посѣщеній, можетъ быть еще не всегда благовременныхъ и благопотребныхъ для обители, я не буду долго объяснять, съ какими мыслями и чувствами вы должны переступить здѣшніе пороги. Представьте себѣ только, что передъ вами вдругъ открылись бы, хотя на минуту, предѣлы видимаго міра: что бы вы сдѣлали? вѣрно вы—или собравши всѣ свои мысли и чувства, всею силою души устремили бы ихъ къ Богу, ощущая близость иного міра и уже не думая о здѣшнемъ, или въ страхъ за себя, за свое ничтожество предъ такимъ необычнымъ зрѣлищемъ, посѣщили бы отдалиться отъ него.

ВЕСЪДА

ВЪ ПЕРВУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

ПРИ ТОРЖЕСТВѢ ПРАВОСЛАВІА

С К А З А Н І Я

въ кафедральномъ соборѣ (18-го Февраля 1868 года).

Едвали какое нибудь церковное установленіе подвергается такому множеству пререканій, какъ то которое совершается въ настоящій день. И нарушеніе свободы человѣческаго духа и совѣсти, и отверженіе разумныхъ испытаній истины и внутреннихъ въ ней убѣжденій, и нетерпимость, противная духу истиннаго христіанства,—все это находятъ въ одномъ словѣ Церкви: *анагема*.

Я не повторяю здѣсь другихъ, менѣе серьезныхъ, возраженій, которыя показываютъ, или лучше сказать—въ которыхъ само себя выказываетъ только невѣжество въ религіи и недостатокъ нравственныхъ убѣжденій. Видно однакоже, что голосъ и судъ Церкви еще довольно сильны, что могутъ такъ раздражать умы и сердца современныхъ людей.

Но справедливы ли пререканія? Разсудимъ.

Духъ человѣческой свободенъ, слѣдовательно и совѣсть его должна быть свободна: что можно сказать противъ этого? Ничего.

Духъ человѣческой требуетъ разумнаго познанія истины и хочетъ доходить до нее путемъ самостоятельныхъ и взысканій: можно ли это оспаривать? Нѣтъ.

Духъ человѣческой хочетъ подчинять свою волю нравственнымъ обязательствамъ не иначе, какъ силою внутреннихъ убѣжденій ума и сердца, а не одного внѣшняго принужденія посторонней воли: можно ли отвергать это? Нельзя.

Но будто проповѣданіе чистой Богооткровенной истины и отверженіе противныхъ ей ученій есть посягательство на свободу человѣческаго духа и совѣсти? Какъ? Не считается такимъ посягательствомъ распространеніе положительныхъ ученій и правилъ и авторитетовъ въ наукѣ, въ жизни, въ дѣлахъ общества и государства ученій и правилъ, прежде насъ выработанныхъ и переходящихъ изъ рода въ родъ, безъ предварительнаго разсужденія о свободѣ вашего духа и совѣсти, и вы принимаете ихъ и добровольно подчиняете себя имъ, и вы же будете вооружаться сознаниемъ свободы духа и совѣсти только тогда, когда проповѣдуются ученія религіи? Почему? Потому, говорятъ, что всѣ другія ученія вырабатываются самимъ человѣкомъ изъ собственнаго духа или опыта и они касаются предметовъ, подлежащихъ нашему разуму и чувствамъ; а предметы религіи не подлежатъ никакимъ человѣческимъ опредѣленіямъ, поэтому и не можетъ быть на землѣ по отношенію къ религіи положительнаго, обязательнаго для всѣхъ авторитета. Но развѣ мы проповѣдуемъ свое ученіе? Развѣ Церковь сама себя дала авторитетъ въ религіи? Пусть сперва дока-

жутъ, что въ ученіи нашей вѣры нѣтъ ничего выше-человѣческаго, сверхъестественнаго, что Церковь есть такое же, какъ и всякое другое, человѣческое учрежденіе на землѣ, — задача, надъ которою трудились всѣ свободно мыслящіе умы всѣхъ вѣковъ и народовъ доселѣ и — напрасно. Пусть соединятся всѣ силы міра, чтобы изъ сознанія и жизни человѣчества исторгнуть самый корень христіанства: тогда и авторитетъ Церкви падетъ самъ собою и ученіе ея потеряетъ всякую обязательную силу. Но какія же силы ада, не говорю уже о силахъ міра, въ состояніи это сдѣлать? Злой духъ времени думаетъ восторжествовать надъ Церковію, раздѣливъ ея силы; онъ отдѣляетъ ея догматическое ученіе отъ нравственнаго ученія христіанства, и по видимому благоговѣя предъ послѣднимъ, отрицаетъ первое. Но онъ ошибается: нравственность христіанства есть выводъ изъ его вѣрованій. Отнимите догматы — и останется нравственность какая нибудь языческая, можетъ быть мусульманская, и во всякомъ случаѣ только житейская, только не-христіанская. Увы! даетъ себя знать эта новая нравственность безъ вѣры; отъ нея плачутъ семейства, страдаютъ общества, бѣдствуютъ въ своей гражданской жизни народы. Что за притча, что въ наше время наверху самыхъ развитыхъ обществъ, въ полномъ цвѣтѣ современной образованности, въ прекраснѣйшихъ по видимому созданіяхъ просвѣщеннаго вѣка, являются такъ нерѣдко образцы дикой безнравственности? Нѣтъ, значить, въ душѣ идеала чистой нравственности, нѣтъ на совѣсти узъ высшей правды, нѣтъ другихъ глубочайшихъ основъ добродѣтели, кромѣ мірскихъ измѣнчивыхъ понятій.

Говорятъ о свободѣ и неприкосновенности человѣческой совѣсти: а о свободѣ и неприкосновенности самой истины забыли? Въ самомъ дѣлѣ, должна ли истина религіозная, какъ и всякая другая, господствовать въ мірѣ, или нѣтъ? Должны ли всѣ виды лжи и заблужденій человѣческихъ уступить ей въ жизни человѣчества мѣсто и свободу и всѣ права дѣйствія, или нѣтъ? Есть ли и должна ли быть религіозная истина одна въ мірѣ, или и разновѣрныя ученія могутъ быть всѣ равно истинны, а пожалуй и самое отсутствіе всякаго религіознаго убѣжденія также можетъ быть истинно? Должно ли наконецъ быть какое нибудь средоточіе для раскрытія религіозной истины и развитія религіозной жизни людей, подобно тому, какъ у всякаго народа есть свое средоточіе для направленія гражданской жизни, т. е. правительство, — или не нужно? Какъ будто ученикамъ въ школѣ преподаю такіе вопросы: такъ они просты, и казалось бы отвѣты на нихъ не должны подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но просвѣщенный вѣкъ въ своемъ прогрессивномъ развитіи отрицаетъ и какъ будто даже не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей. Такъ ему кажется, что тамъ — то и должно быть, такъ сказать, болѣе истины, гдѣ болѣе свободы совѣсти! Дѣйствительно, есть въ мірѣ страны, гдѣ всѣмъ и каждому предоставляется полнѣйшая свобода совѣсти въ религіи. Что же? вы думаете, что тамъ-то и есть чистѣйшая религіозная истина, неизмѣнная твердость убѣжденій, нравственное совершенство жизни? Совсѣмъ нѣтъ! Напротивъ, тамъ почти столько же религій, сколько умовъ, и въ необъятномъ разнообразіи мнѣній проповѣдаетъ почти всякій слѣдъ истины и

господствуетъ ложь непроходимая; тамъ нѣтъ ни ясности религіозныхъ понятій, ни постоянства религіозныхъ убѣжденій, и конечный результатъ свободы совѣсти — тотъ, что тамъ совѣсть болѣе чѣмъ гдѣ нибудь подавлена самымъ тяжкимъ для человѣческаго духа игломъ — лжевѣрія и грубѣйшихъ предразсудковъ. Откуда и къ намъ переходятъ величайшія нелѣпости подъ видомъ новыхъ религіозныхъ ученій, и самые дикіе вымыслы фантазіи, возводимые на стогонъ вѣрованій? Это все изъ странъ неограниченно — свободной совѣсти.

У насъ чистъ и невредимъ святой образъ Божественной истины; черты его неизмѣнны, оставаясь при кровенными подъ покровомъ Церкви, который не позволяетъ всякому слишкомъ смѣло и безразсудно касаться этого образа. Но этимъ покровомъ связана ли у насъ истина? Скрываемъ ли мы ее намѣренно отъ чистыхъ взоровъ свѣтлаго разума, который пожелалъ бы ближе разсмотрѣть ее? Отвергаемъ ли мы всякое испытаніе въ области вѣры? Мы не выше своего Божественнаго Учителя, который Самъ призывалъ всѣхъ къ *испытанію писаній*; и мы призываемъ всѣхъ и каждого: испытывайте, изучайте, узнавайте, убѣждайтесь! Мы не отнимаемъ, а сами даемъ Евангеліе въ руки всѣмъ: и образованнымъ и необразованнымъ, и жещинамъ и дѣтямъ, и поселянамъ и заключеннымъ въ темницахъ. Мы не боимся за истину, истина не боится за себя. — Мы понимаемъ возможность ошибочнаго разумѣнія предметовъ религіи, при частномъ, личномъ даже благонамѣренномъ ея изученіи; понятно колеба-

ніе мыслящаго ума, когда на пути всестороннихъ испытаній онъ встрѣчается съ вопросами, приводящими его къ сомнѣніямъ и борьбѣ противоположныхъ мыслей; но тутъ еще не все потеряно; затмѣнія и мрачныя тучи въ душѣ, даже съ страшными бурями въ помыслахъ, проходятъ, и истина является уму и сердцу въ полномъ свѣтѣ. И самыя сомнѣнія и возраженія такого мыслящаго ума заслуживаютъ полного вниманія и помощи къ ихъ разсѣянію; съ нимъ можно и спорить и вмѣстѣ входить въ подробнѣйшія изслѣдованія истины. Но что сказать о томъ несмысленномъ либерализмѣ, о томъ нелѣпномъ безвѣрїи, которые отвергаютъ истинность и всякую обязательность ученія вѣры, не испытавъ въ немъ ничего, даже не потрудившись ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ его источниками? Это только безнравственность ума. И въ правѣ ли такіе умы требовать себѣ свободы? И что это была бы за свобода, и къ чему бы она повела въ обществѣ, не отличающемся ни расположенностию къ серьезному мышленію, ни обширностью и прочностью познаній ни въ религіозныхъ, ни въ научныхъ предметахъ, ни ясностию и твердостью убѣжденій, въ обществѣ, въ которомъ въ замѣнъ всего этого господствуетъ привычка схватывать на лету и безсознательно и безотчетно повторять чужія мысли и слова, особенно иностранныя? И вотъ, когда въ такомъ обществѣ встрѣчаются либеральные мыслители по предметамъ религіи, о многихъ и многихъ изъ нихъ сказать, право, нечего, кромѣ словъ псалмопѣвца: *сказалъ кто-то въ сердцѣ своемъ — нѣтъ Бога, и это сказалъ — глупецъ.*

Мы не отвергаемъ внутреннихъ убѣжденій. Внутреннее убѣженіе есть великая нравственная сила. Но развѣ въ основаніи исповѣданія нашей Церкви нѣтъ убѣжденія? Развѣ нравственные обязательства, возлагаемая на насъ этимъ исповѣданіемъ, держатся одною силою внѣшнихъ побужденій? Правда, мы предлагаемъ исповѣданіе положительное, готовое, не нами съ вами выработанное: но подумали ли о томъ, какъ оно выработалось? Тѣ потоки мученической крови, которые три вѣка лились по всей землѣ при первоначальномъ распространеніи вѣры, та напряженная, не устанная борьба, которою исповѣдники вѣры вели за нее въ продолженіи всѣхъ вѣковъ противъ всѣхъ вольномыслящихъ умовъ, и въ древнія времена несколько не менѣе рѣзкихъ, чѣмъ нынѣшніе; тѣ неслыханныя въ наши времена пренія о вѣрѣ, не въ книгахъ только, или въ школахъ, или въ отдѣльныхъ кругахъ мыслителей, а пренія публичныя, въ самыхъ храмахъ, на городскихъ улицахъ и площадяхъ, на поляхъ, гдѣ весь народъ принималъ въ нихъ участіе; далѣе — рядъ избранныхъ, просвѣщеннѣйшихъ въ свои времена мужей, занимавшихся раскрытіемъ ученія вѣры; наконецъ вселенскія собранія высшихъ духовныхъ представителей всего христіанскаго міра, которые не свои мнѣнія и взгляды обращали въ догматы, а свидѣтельствовали именно о всеобщихъ убѣжденіяхъ христіанскихъ народовъ: все это развѣ не достаточно для того, чтобы въ исповѣданіи нашей православной вѣры видѣть, на ряду съ церковнымъ авторитетомъ, и силу внутреннего убѣжденія? Вся исторія христіанской Церкви развѣ не есть непрерывное развитіе и

утвержденіе этого убѣжденія? И все это развѣ не можетъ служить ручательствомъ и опорой для твердыхъ въ духѣ Церкви убѣженій и настоящаго христіанскаго міра? Если же мы признаемъ ученіе Церкви уже законченнымъ и, не придавая ему какого либо мнимаго движенія впередъ, какъ будто отстаемъ съ нимъ отъ вѣка, то, хотя 1800 слишкомъ лѣтъ существуетъ христіанскій міръ, однакоже не настолькоъ еще подвинулся онъ на пути христіанской жизни, чтобы считать ученіе Церкви уже недостаточнымъ. Жизнь есть мѣра ученія; ученіе оказывается неудовлетворительнымъ, когда жизнь вполне его исчерпываетъ и, требуя уже чего нибудь лучшаго, побуждаетъ его идти впередъ себя далѣе. Но такова ли въ настоящее время жизнь христіанъ? Пусть лучше наше вѣкъ осмотрится и подумаетъ: не онъ ли болѣе отсталъ отъ ученія вѣры, чѣмъ оно отъ него? Если мы не позволяемъ ни себѣ ни другимъ составлять новое ученіе, или измѣнять древнее по новымъ идеямъ и теоріямъ вѣка: то еще не явился въ міръ такой учитель, равносильный и равноцѣнный нашему, который бы доказалъ намъ свои права на переученіе христіанскаго міра; еще не принесли новыя идеи и теоріи такой жертвы за міръ, которою можно было бы назвать новымъ его искупленіемъ и возрожденіемъ; еще не выслали они въ міръ такихъ проповѣдниковъ, которые до вдохновенію и достоинству духа и жизни были бы подобны Евангельскимъ; еще не выработалъ новый міръ такой истины, за которую стоило бы жертвовать всѣмъ міромъ и жизнію, какъ это видимъ въ исторіи христіанскаго ученія. Да, мы люди отсталые

и на удивленіе быстро бѣгущему впередъ насъ вѣку, хотимъ отстать еще болѣе. Знаетъ ли міръ, о чемъ мы нынѣ готовы молить Бога? Мы готовы молить Его о возвращеніи первыхъ временъ христіанства, не съ тогдашними врагами его, какихъ и въ настоящее время слишкомъ много, а съ учителями тѣхъ временъ, съ ихъ исповѣдниками, подвижниками духовной жизни, и, если нужно, съ ихъ мучениками.

Напрасно стали бы обвинять насъ въ нетерпимости; напрасно при возглашеніи церковной анафемы вы стали бы вызывать въ своемъ воображеніи изъ тьмы среднихъ вѣковъ мрачные образы пытокъ, пылающихъ костровъ, кровавыхъ гоненій на всякое иномысліе въ вѣрѣ. Это не наша исторія. Мы—кого преслѣдуемъ за иновѣріе? Кого насильственно обращаемъ въ свою вѣру? Кого нетерпимъ возлѣ себя? Иновѣрцы свободно входятъ въ наши храмы, и въ училищахъ наши православныя дѣти учатся вмѣстѣ съ иновѣрными; и въ городахъ нашихъ, а нерѣдко и подъ одною кровлею, мирно стоитъ святой престолъ православія рядомъ съ алтаремъ иновѣрія. Подите въ тѣ края Россіи, гдѣ особенно многочисленно населеніе иновѣрное или невѣрное: вы увидите тамъ почти совершенное безразличіе въ общежитіи православнаго населенія съ иновѣрными, безъ великой помѣхи со стороны священно-служителей православной Церкви; вы увидите, съ какимъ миролюбіемъ и кротостію эти священно-служители сами относятся къ духовныхъ представителямъ иновѣрія.

Что же значить нынѣшняя апагема? Это только всенародное, всецерковное обличеніе и отверженіе лжеученій, противныхъ исповѣданію вселенской Церкви, и — то собственно на вѣроисповѣданій, а ученій противныхъ самому существованію и кореннымъ основаніямъ христіанства, такихъ ученій, которыхъ не терпитъ у себя и никакое другое вѣроисповѣданіе; это только отлученіе, отсѣченіе отъ духовнаго союза Церкви людей, упорствующихъ въ пагубномъ лжемысли. Не то ли бываетъ во всякомъ добромъ семействѣ, въ хорошемъ обществѣ, откуда удаляютъ людей съ дурными мыслями и злыми наклонностями? Не то же ли дѣлаетъ государство, когда силою законовъ лишаетъ всѣхъ правъ званія и состоянія людей, признанныхъ преступными и вредными для общественнаго порядка и безопасности? Мы ни слова не говоримъ противъ гражданской свободы и равноправности разныхъ вѣроисповѣданій и всякаго разномыслия въ вѣрѣ: но, братія моя, скажите по совѣсти; можемъ ли мы житейскую свободу и гражданскую равноправность доводить или допускать до безразличія въ вѣрѣ? Можемъ ли равнодушно смотрѣть на распространеніе лжеученій, вредныхъ для душъ человѣческихъ, не желать ихъ обращенія? Можемъ ли спокойно видѣть вторженіе въ ограду Церкви всякаго зловѣрія и злочестія? И если бы изъ нашихъ оградъ какія нибудь овцы, положимъ и глупыя, побѣжали въ чужія стада, сидѣть ли намъ сложа руки и не открывая рта? Вотъ, въ настоящее время въ нѣдрахъ самой Церкви нашей милліоны отдѣляющихся отъ единства ея, и своимъ расколомъ раздирающихъ и тѣло и душу ея: всѣ они

погрязаютъ въ глубочайшемъ невѣжествѣ и въ ихъ мнимо—церковномъ устройствѣ проявляется изумительное безобразіе; наконецъ въ настоящее время у нихъ поставлены изъ среды своей лжепастыри, даже подъ именемъ епископовъ, которые мнимо—духовною властію управляютъ ихъ общинами и даже титулуются по именамъ нашихъ епархій: что намъ тутъ дѣлать? Ужь не признать ли безсмысленное рукоположеніе этихъ лжеепископовъ, и сказать имъ и всѣмъ ихъ послѣдователямъ: «во имя свободы совѣсти мы съ удовольствіемъ и любовію оставляемъ васъ во всей глубинѣ вашего невѣжества и безнравственности, и не только не позволяемъ себѣ касаться вашихъ дикихъ убѣжденій, и не хотимъ мѣшать всѣмъ вашимъ безчинствамъ въ народѣ, но и не желаемъ ни чьей помощи противъ вашихъ ожесточенно—враждебныхъ отношеній къ намъ и къ нашей Церкви; мы даже позволяемъ вамъ свободно увлекать въ ваши болота овецъ нашего стада?».—Только, каковы должны быть при этомъ чувства истинныхъ пастырей Церкви, мы предоставляемъ судить—напримѣръ честнымъ градоправителямъ, которыхъ во имя свободы убѣжденій сталъ бы кто нибудь просить, чтобы они оставили на свободѣ людей, считающихъ по убѣжденію чужую собственность своею, или добрымъ отцамъ и матерямъ, у которыхъ дѣти, также во имя свободы, стали бы оспоривать права и обязанности и самыя чувства родителей.

Теперь особое слово къ тебѣ, моя Смоленская паства. Нынѣ, когда услышится судъ Церкви на вся-

кое зловѣріе и злочестіе, когда раздастся громъ церковной анафемы, скажи мнѣ, моя паства, останется ли спокойна твоя совѣсть? коснется ли тебя этотъ громъ, или онъ прозвучитъ надъ тобою и замолкнетъ, за отсутствіемъ почвы, привлекающей на себя его удары? И я, стоя среди васъ, могу ли быть убѣжденъ, что стою не среди чуждыхъ Церкви людей, которыхъ напрасно считалъ бы своими? Въ грозномъ голосѣ Церкви, призывая и выражая судъ Божій на противниковъ истины Христовой, могу ли свидѣтельствовать предъ Богомъ и вселенскою Церковію, что чиста моя паства отъ всякаго лжемыслия въ вѣрѣ? Или, при каждомъ возгласѣ анафемы долженъ я трепетать, думая, что съ каждымъ такимъ возгласомъ исторгается и извергается изъ тѣла Церкви болѣе или менѣе членовъ моей паствы?— Судъ Церкви и въ немъ и чрезъ него судъ Божій да воздѣйствуетъ въ совѣсти вашей, къ укрѣпленію ея въ вѣрѣ и къ успокоенію среди волнующихъ умы лжеученій вѣка.

А я, сколько бы ни видѣлъ въ своей паствѣ утѣшительныхъ доказательствъ правовѣрія благочестія, при всемъ томъ—да не покажется слово мое жестокимъ,—я не желалъ бы нынѣ отложить возглашеніе церковной анафемы. Почему? Потому, что въ наше время считаю нужнымъ не молчать, а возвышать и возвышать голосъ Церкви, и да будетъ этотъ голосъ всегда слышенъ и всегда твердъ, силенъ и дѣйственъ.

БЕСѢДА

въ недѣлю православія (9 Марта 1869 года)

Возглашаемое нынѣ въ церкви анафема живо напоминаетъ намъ древнія времена христіанства, когда она выражала рѣшительный, полноправный судъ Церкви не только надъ всякимъ лжемыслиемъ въ вѣрѣ, но и надъ лицами лжемыслиащими: а напоминая это наша анафема, какъ гулъ отдаленнаго грома, отражаетъ для нашего времени громкій, могучій голосъ древній Церкви. Напоминаетъ, отражаетъ: можно ли сказать больше? Гдѣ та дѣйствительная сила этого голоса, гдѣ тотъ страшный громъ у этого суда, которые въ древнія времена такъ поражали умы и сердца людей, такъ потрясали всю жизнь ихъ, не только внутреннюю, нравственную, но и внѣшнюю, общественную? Не подумайте, что я говорю о среднихъ вѣкахъ западнаго христіанства, гдѣ анафема была, правда, могуча и страшна, но была искусственна и выходила изъ злоупотребленій духовной власти и силы. Я вспоминаю о первыхъ наилучшихъ временахъ вселенской, православной Церкви, въ которой основаніемъ и силою суда и анафемы была чистая истина.

Но мы—или измѣнили это основаніе? или отступили отъ духа первоначальнаго христіанства и древней Церкви? или повредили самую истину? Словомъ сказать: отъ чего въ устахъ нашихъ анаеема потеряла по видимому всякую силу, не сверкаетъ надъ умами молніею, не гремитъ громомъ надъ сердцами? Да, это печальная дѣйствительность, и можно бы подумать, что въ словѣ объ анаеемѣ обращаясь мыслію къ древней церкви, мы сами признаемъ анаеему только уже историческимъ памятникомъ давно минувшихъ временъ, а не дѣйствительною силою и правомъ церкви во всякое время и въ настоящее, какъ и въ прошедшее. Но нѣтъ; право церкви неизмѣнно, судъ ея и нынѣ, какъ всегда, судъ дѣйствительный. И мы ничего не измѣнили въ духѣ Церкви Вселенской, ничего не повредили въ Христіанской истинѣ, во имя которой анаеемствуемъ лжемысліе въ религіи. Тайна въ духѣ самыхъ христіанъ. Какъ значеніе и сила анаеемы заключается въ отсѣченіи, въ отлученіи отъ церкви зловредныхъ членовъ, какъ въ первыя времена не только высочайшею обязанностию христіанъ, но и величайшимъ благомъ души и жизни ихъ признавался тѣсный союзъ съ Церковію, такъ отлученіе отъ этого союза должно было почитаться страшнымъ несчастіемъ и нравственною гибелью для пораженныхъ анаеемою. А когда, когда напр. вы принуждены изгнать изъ своей семьи непотребнаго, буйнаго члена, а онъ таковъ, что вовсе не считаетъ обязанностию и счастіемъ для себя принадлежать вашей семьѣ и самъ въ себѣ давно уже порвалъ всѣ нравственныя связи съ ней, еще болѣе—тяготится своимъ сожительствомъ съ

вами: что значить для него ваше изгнаніе? Вы сами тогда будете болѣе потрясены въ чувствахъ сердца отъ несчастнаго разлученія съ нимъ, чѣмъ онъ, изгнанный. Не такъ ли? Таково дѣйствіе нынѣ и анаеемы нашей.

Какой же злой духъ ослабилъ до такой степени церковный союзъ христіанъ?—Это духъ времени; страшная быстрота и шумъ движеній современнаго міра, на всѣхъ парахъ несущагося по новопроложеннымъ путямъ своихъ стремленій къ саморазвитію умственному, нравственному и общественному, независимому ни отъ какого, хотя бы и высшаго, авторитета истины и нравственности, не даетъ ему ни слышать голоса церкви, ни остановиться въ ея предѣлахъ. Въ быстротѣ и шумѣ его стремленій церковь кажется ему слишкомъ неподвижною, слишкомъ безжизненною, наполненною мрачными образами древнихъ временъ, уже потерявшими для новаго времени свое значеніе и силу плодотворную. И онъ несется, помимо церкви, считая союзъ съ нею не нужнымъ ни для себя, ни для самой религіи, которую признаетъ дѣломъ собственной совѣсти каждаго,—не болѣе. Что же можетъ значить для такого духа времени наша анаеема?

Взглянемъ въ частности на людей, не признающихъ церковнаго единенія для себя обязательнымъ. Могутъ конечно, эти люди считать себя и пожалуй считаться отъ другихъ, пожалуй даже и быть честными, добрыми, даже, допустимъ это, и въ какой либо мѣрѣ религіозными по своему, независимо отъ церкви. Но что

это за добродѣтель, что за религіозность? Можетъ ли-туть быть та ясность и положительность нравствен-ныхъ понятій, та возвышенность религіозныхъ идей, та глубина чувствъ, твердость убѣжденій, сила совѣ-сти и нравственно-религіозныхъ стремленій къ выс-шему совершенству духа, какими отличается истинная религія въ душѣ и жизни человѣка? Ничего этого не можетъ быть потому, что все это требуетъ твердыхъ основаній религіи въ душѣ человѣка, чистыхъ источ-никовъ ея ученія, вѣрнаго пути и направленія въ ней ума и сердца, словомъ требуетъ положительной исти-ны, усвоенной разумомъ, дѣйствующей въ сознаніи, руководящей жизнь. Гдѣ же ручательство за пости-женіе и неизмѣнное усвоеніе этой истины людьми, опирающимися только на себя самихъ, на свой разумъ и совѣсть? Какое можетъ быть религіозно нравствен-ное развитіе и совершенство въ человѣкѣ, отторг-шемся отъ общихъ законовъ развитія и обще-ственной религіозной совѣсти, которая въ свою оче-редь держится только неизмѣннымъ союзомъ вѣрую-щихъ людей во имя религіозной истины и нравствен-ности? Равно какъ, можетъ ли человѣкъ внѣ союза и общества гражданскаго быть полонъ истинныхъ граж-данскихъ чувствъ и доблестей?—Не должно обманываться: укажите наилучшаго человѣка изъ среды не-знающихъ союза вѣры: очень можетъ быть, что, смо-тря на него, воскликнемъ: какой прекрасный языч-никъ! Но уже вѣрно не заставите сказать: вотъ ис-тинный христіанинъ!

Но что же и наше время? Въ самомъ ли дѣлѣ оно

таково, что союзъ церкви, ея голосъ и судъ уже не могутъ быть такъ необходимы и обязательны, какъ были въ древнія времена? Настолько ли человѣчество нынѣ развито уметвенно и нравственно, настолько ли проникнуто въ духѣ основными началами христіан-ства, что можетъ сойти съ рукъ церкви и стоять твердо на нравственной почвѣ безъ особаго руко-водства и пристальнаго надзора церкви? Ахъ, братія мои, не вѣрнѣе ли сказать напротивъ? Когда больше, чѣмъ нынѣ, требовалось бы тѣснѣйшее единеніе хри-стіанъ съ церковію? Не нынѣ ли больше, чѣмъ когда ни-будь, голосъ церкви долженъ быть силенъ, судъ ея дѣй-ствителенъ? Среди того хаоса мнѣній, ни въ чемъ еще не утвердившихся, не ясныхъ и неопредѣленныхъ, среди вольномыслія, лжемыслія въ самыхъ важнѣйшихъ во-просахъ духа человѣческаго, среди всеобщаго бро-женія умовъ, все колеблющаго, но еще ничего не со-здавшаго, — какимъ отличается наше время, — гдѣ умъ благомыслящій найдетъ утвержденіе и огражденіе, — умъ колеблющійся — опору, умъ заблуждающій — путь истины, гдѣ самая истина можетъ имѣть убѣжище и надежную охрану, какъ не въ тѣсномъ союзѣ вѣрую-щихъ, въ единеніи вѣры, для того и основанномъ, чтобы быть хранилищемъ чистой, христіанской исти-ны? Гдѣ сердце, пораженное скорбію при видѣ всѣхъ золь современной жизни или само ими потрясаемое, найдетъ успокоеніе и отраду, какъ не въ церкви, въ ея мирномъ духѣ, въ благодати Божіей, въ ней почи-вающей? Гдѣ распушенность нравовъ современныхъ встрѣтитъ строгое изоблеченіе, силу обузданія и за-логъ возрожденія къ лучшей жизни, если не въ церк-

ви, хранящей въ себѣ, въ своемъ ученіи, въ своихъ правилахъ и установленіяхъ высшій образъ чистѣйшей христіанскій нравственности. — въ церкви, судищей во имя Божіе безъ всякаго лицепріятія и съ правомъ суда соединяющей неограниченную силу разрѣшенія совѣсти и милосердія къ самымъ грѣховнымъ паденіямъ, столь цѣлѣбно дѣйствующаго на душевныя раны? Укажите такую силу внѣ церкви, во всей гуманности, во всей цивилизаціи современнаго міра? Не нынѣшнее ли время своими непрерывными колебаніями въ умахъ, сердцахъ и во всѣхъ сторонахъ жизни, не смотря на силу просвѣщенія и всестороннее развитіе міра, само по себѣ показываетъ, что челоѣчество не имѣетъ еще подъ собою твердой почвы, еще не утвердилось въ идеяхъ истины и добра, не нашло центра своей духовной, внутренней жизни, не овладѣло и не примирилось съ своими злыми судьбами, не обезпечило для себя благонадежными залогоми истиннаго, несомнѣннаго счастья въ будущемъ? За чѣмъ отвергать основныя истины добра и нравственнаго благоустройства жизни, какія заключаются въ ученіи и духѣ христіанства и положены изначала въ томъ зданіи его, которое поставлено среди міра для осуществленія ихъ въ мірѣ и существуетъ доселѣ и до конца міра будетъ существовать именно для того, чтобы содѣйствовать непрерывному возрожденію и обновленію челоѣчества? Зачѣмъ пренебрегать и оставлять это зданіе христіанской церкви? Что касается свободы совѣсти, столь обольстительной для нашего времени: то думаетъ ли современный міръ, къ какимъ неизобразимо—страшнымъ послѣдствіямъ въ концѣ кон-

цовъ онъ самъ себя приводитъ съ этою свободою совѣсти? Онъ долженъ будетъ или найти, помимо христіанства и Церкви, истину, которая убѣждала бы всякую свободную совѣсть и соединяла бы во имя этой истины всѣ свободныя совѣсти: неисполнимое дѣло, само себя разрушающее! Или предоставить каждую совѣсть самой себѣ, безъ убѣжденія и связи людей въ одной общей истинѣ: дѣло ужасное, угрожающее уничтоженіемъ въ мірѣ истины и совѣсти! Или наконецъ признать, что религія челоѣчку не нужна: страшно подумать!

Что же наконецъ дѣлать намъ съ тѣми, которые, не смотря ни на что, не внимаютъ голосу и суду Церкви, которыхъ умы и сердца до того отдалились отъ нея, что ея голосъ и судъ почти и не доходитъ до нихъ, и вовсе не дѣйствуетъ? Остановить этотъ голосъ, прекратить этотъ судъ, какъ безплодные? Но это значитъ устранить одно изъ высшихъ правъ церкви, потерять всякую надежду на ея силы, отнять ограду, которой еще охраняются въ ея стадѣ вѣрныя ей овцы, осудить ее саму на совершенную безжизненность: т. е. сдѣлать именно то, чего желаютъ и домогаются люди невѣрующіе и непризнающіе авторитета церкви. Призывать ли на нихъ громы небесныя, чтобы непосредственный судъ самого Бога поразилъ ихъ гордость и ожесточеніе? Но это было бы не въ духѣ Евангелія, не въ духѣ самой церкви, не въ духѣ нашего: да не падетъ на насъ слово Спасителя, сказанное апостоламъ, когда они хотѣли низвести съ неба огонь на одно селеніе, жители котораго не приняли

Иисуса Христа: *вы не знаете, какого вы духа* (Лук. 9, 55). И Евангеліе, и Церковь, и наше служеніе ищетъ спасенія заблудшихъ, а не погибели. Слишкомъ страшень гнѣвъ Божій и намъ самимъ страшно призывать его.

Остается намъ оплакивать заблужденіе людей и молиться за нихъ. И мы молимся, чтобы небесный свѣтъ истины озарилъ заблуждающіе умы, чтобы благодать Христова смягчила и согрѣла любовію къ вѣрѣ и Церкви сердца холодныя и ожесточенныя, чтобы самъ Божій промысль теченіемъ собственной ихъ жизни привелъ ихъ къ путямъ спасенія. И самая анаѣма Церковная обставлена такими молитвами. А какое глубокое заблужденіе—думать, что анаѣма есть проклятіе! Проклинать—отнимать у заблудшихъ самыя средства спасенія, осуждать ихъ на всякое зло, на конечную погибель, лишать ихъ всѣхъ правъ христіанскихъ и человѣческихъ и извергать изъ среды самаго человѣчества: о, еслибы и самъ судъ Божій рѣшилъ такъ покарать ихъ, Церковь стала бы умолять за нихъ правосудіе Божіе и взывать къ вѣчному милосердію. О, еслибы вы знали, какъ и при этомъ отлученіи упорно-лжемыслящихъ, при томъ исключеніи ихъ изъ союза вѣрныхъ, которое заключается въ нашей анаѣмѣ и составляетъ весь смыслъ и всю силу ея, которое такъ сдержано, такъ ограничено, что мы, даже не называемъ лицъ отлучаемыхъ, какъ, говорю мы при этомъ сами страдаемъ духомъ, съ какою грустію соболѣзнованія ихъ несчастію, съ какою болью сердца о потерѣ братій, съ какимъ полнымъ любви и

надежды желаніемъ обращенія ихъ, отлучаемъ ихъ отъ церкви! И отлучая, провозглашая на нихъ анаѣму истинные между нами пастыри, кажется, готовы бы тотчасъ же бѣжать за отлучными, чтобы силою любви, если ни чѣмъ другимъ, удержать ихъ на краю пропасти, въ которую они сами себя ввергаютъ.—Таковъ духъ нашей Церкви.

ВЕСЪДА

въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

ПРОИЗВЕСЕННАЯ

въ Кафедральномъ Соборѣ (19-го февраля 1867 года).

День, который мы нынѣ торжественно воспоминаемъ, который съ началомъ настоящаго царствованія положилъ начало новому движенію жизни народной, стоитъ въ нашей исторіи какъ грань между прошедшимъ и настоящимъ Россіи, рѣзко раздѣляющая то и другое. Это движеніе, это начало новой жизни вызываетъ на размышленія о судьбахъ русскаго народа. Широко поле историческихъ судебъ его; и когда обозрѣваемъ это поле, оно представляется намъ какъ поле пахатное, покрытое полосами, которыя каждое царствованіе проводило въ жизни народа и заставляло своими мыслями и дѣлами, а народъ пожиналъ ихъ. Теперь на новой полосѣ идетъ новая работа, уже не государственная только, а и народная, уже не съ тяжелымъ плугомъ прежнихъ временъ, и не съ унылою пѣснью неволи, а съ бойкими звуками развивающейся

жизни; и выработывает теперь русскій народъ дальнѣйшія судьбы для своихъ грядущихъ поколеній. Не признаться ли, что при этомъ наши мысли забѣгаютъ впередъ и порываются къ будущему Россіи? Какъ должна измѣниться вся жизнь ея, когда царствованіе, вѣрное своимъ началамъ и неизмѣнно въ своихъ идеяхъ, раскроетъ ихъ вполне, а народъ подъ его водительствомъ разовьетъ всѣ свои силы? А за тѣмъ—какія судьбы вдали ожидаютъ Россію?

Не дано намъ видѣть будущее. Но каждый народъ, кромѣ своей мѣстной судьбы, имѣетъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ и еще далѣе—въ судьбахъ всего человѣчества. Не здѣсь ли, въ этихъ судьбахъ общечеловѣческихъ, надобно искать разрѣшенія на родныхъ судьбъ?

И вотъ съ этого священнаго мѣста, на которомъ я теперь стою, приподнявшись можно съ историческаго поля Россіи видѣть особую дорогу, которая идетъ далеко и выводитъ въ другое поле, еще болѣе широкое. То—поле міра, гдѣ уже не одинъ русскій народъ, а всѣ народы міра являются съ своими дѣлами и судьбами; то—поле всемірныхъ судебъ, гдѣ рѣшается участь народовъ не государственная только, внѣшняя, но и внутренняя, духовная. Посмотрите со мною въ ту сторону; это будетъ не излишне, такъ какъ наблюдательные умы, въ виду надлежащихъ вопросовъ времени, уже предугадываютъ не вдали весьма важныя событія въ жизни современныхъ народовъ.

Какою силою рѣшаются судьбы народовъ? Для того, чтобы понять это, надобно знать, какою силою проводится для нихъ путь въ исторіи, какими цѣлями опредѣляется ихъ назначеніе въ общей жизни человѣчества. Кажется—ясно: впереди каждаго народа идетъ правительственная власть и сила, мудрость государственная, которая ведетъ народъ за собою путемъ идей и цѣлей, болѣе или менѣе вѣрныхъ и удачныхъ, приводящихъ народъ къ послѣдствіямъ, болѣе или менѣе счастливымъ. Если такъ, то отчего же государственная власть и сила и мудрость часто вынуждена бываетъ мѣнять свои идеи и стремленія, въ сознаніи, что пошла не тѣмъ путемъ, которымъ народу надобно идти къ своему счастью? Отчего нерѣдко возникаетъ рознь и разладъ между идеями, намѣреніями ея, и потребностями, стремленіями народовъ? Отчего, со всею величию своего авторитета и могущества, она останавливается въ недоумѣніи и безсиліи предъ задачами времени, предъ такъ называемою силою вещей, которой ни измѣнить, ни устранить, ни избѣжать не можетъ? Посмотрите на обстоятельства настоящаго времени. Тамъ государственная мудрость, даже соединенною силою многихъ умовъ и дѣятелей, хочетъ во чтобы ни стало грубый и не развитый народъ выдвинуть на общій путь современнаго развитія, но народъ не двигается и своимъ нравственнымъ упадкомъ и духовнымъ безсиліемъ приводитъ въ отчаяніе самую тонкую политическую мудрость, и не даетъ ей обмануть самое себя даже однимъ видомъ движенія впередъ. Тамъ своеобразная мудрость и власть и сила на всѣ требованія времени отвѣчаетъ неизмѣннымъ выраже-

нимъ нравственной невозможности ихъ выполнить, и даже, во имя высшихъ началъ и интересовъ, которые охранять считаетъ своимъ призваніемъ, сдерживаетъ всякое движеніе жизни народной; но народъ не слушаетъ, и, вырываясь изъ ея рукъ, оставляетъ ее позади себя.—И вотъ изъ такого состоянія народовъ возникаютъ вопросы времени, которые страшною тяжестью висятъ надъ государственными головами, и настоятельно требуютъ своего разрѣшенія. Но и рѣшеніе не дается въ руки; и не находятъ ничего лучше самая высокая политическая мудрость, какъ предоставить дѣла самой силѣ вещей, или естественному ходу событій.

Видимъ мы и такихъ дѣятелей въ жизни народовъ, дѣятелей передовыхъ, гениальныхъ, необыкновенныхъ, по временамъ являющихся въ мірѣ, особенно во времена наибольшихъ затрудненій въ жизни народовъ, которые, силою своихъ самобытныхъ идей, неодолимой воли и нравственнаго вліянія на народы, увлекаютъ ихъ за собою на новые пути жизни. Не такимъ ли дѣятелями рѣшаются судьбы народовъ? Едва—ли; ихъ вызываетъ духъ времени, выдвигаетъ стеченіе обстоятельствъ, направляетъ сила событій, и не столько они рѣшаютъ народныя судьбы, сколько этими судьбами опредѣляются ихъ собственные пути. И вотъ одинъ изъ такихъ могучихъ дѣятелей признаетъ себя не болѣе, какъ орудіемъ высшей силы, и торжественно объявляетъ, что онъ какъ будто не то дѣлаетъ, чего самъ хотѣлъ; другой въ изумленіи останавливается предъ неожиданными для него самого по-

слѣдствіями собственныхъ дѣлъ; третій, при всей своей гениальности, серьезно и гораздо болѣе вѣрится въ свою звѣзду чѣмъ въ силу своего генія. Да, видно есть въ мірѣ сила высшая, чѣмъ геніи человѣчества.

Въ новѣйшее время выступила на поле міра особая сила, съ новымъ свѣтомъ и съ живѣйшимъ вліяніемъ на народы: умозрительно—гражданское просвѣщеніе, сила могучая, быстродвижная, постоянно стремящаяся и въ себѣ самой и въ жизни народовъ къ свободѣ и независимости; и когда, вооруженная всеми своими познаніями, историческими, философскими, политико-экономическими и всякими другими, она разбираетъ дѣла временъ прошедшаго и настоящаго, когда видишь, какія свѣтлыя, широкія и высокія идеи и теоріи она вырабатываетъ изъ своихъ разнообразныхъ матеріаловъ для постиженія и направленія народныхъ судебъ: то кажется, гдѣ же, какъ не тутъ, искать ключа къ тайнамъ этихъ судебъ, и какъ не трудно было бы не только устроить тотъ или другой народъ, а и перестроить весь міръ! Да, если бы для этого не требовалось ничего болѣе, кромѣ идей и теорій. Но идеи и теоріи очень легко переходятъ изъ одной головы въ другую, очень быстро летаютъ въ атмосферѣ, окружающей человѣчество, очень спокойно укладываются въ книгахъ: а жизнь? она идетъ своимъ чередомъ и смѣется или плачетъ отъ нихъ. А судьбы народовъ? они поглощаютъ всякую идею и теорію, и въ своемъ горнилѣ перерабатываютъ ихъ такъ, что часто выходитъ то, что ни какому философу и политику и не грезилось.

Наконецъ есть еще сила, которая изначала и всегда присволяетъ себѣ право рѣшенія на родныхъ судьбахъ, сила не столь тонкая, какъ политическая мудрость, не столь высоко парящая и заманчивая, какъ социальная теорія, но по видимому гораздо болѣе действительная: это сила оружія. Но что, скажите, кромѣ ужасовъ, возбуждаетъ одно представленіе этой силы? Какая исторія вполне описала всѣ бѣдствія войны, всѣ потоки крови и слезъ человѣческихъ, всѣ виды разрушенія, увѣчья и смерти и всевозможныхъ страданій народныхъ отъ этого бича человѣчества?—Но действительно ли сила оружія рѣшала судьбы народовъ? Она рѣшала судьбу властолюбія, честолюбія, политическихъ домогательствъ или соперничествъ, международныхъ страстей и пожалуй—политическаго существованія народовъ и болѣе или менѣе измѣняла внѣшнюю жизнь ихъ; но какимъ образомъ внутреннія силы народовъ переживали и преодолевали эти перемѣны и нерѣдко побѣжденныхъ дѣлали побѣдителями побѣдителей во внутренней жизни и въ дальнѣйшихъ судьбахъ ея, и одною своею нравственною крѣпостью притупляли всякую силу оружія? Такъ, рѣшило ли судьбу Россіи оружіе Монголовъ, или восточныхъ христіанъ оружіе Османовъ? Нѣтъ; и неужели въ самомъ дѣлѣ разумному, нравственному и свободному существу человѣчества, притомъ искупленному и освященному Христомъ, суждено ожидать рѣшенія своей участи отъ безсмысленнаго меча и огня? И какое наконецъ противорѣчіе въ духѣ—именно нашего времени и отсюда въ политическомъ положеніи самыхъ народовъ! Когда люди болѣе, чѣмъ въ настоящее время,

понимали все ужасное зло войны, когда просвѣщеніе болѣе, чѣмъ въ нашъ вѣкъ, обнадеживало міръ уничтоженіемъ этого бича, проповѣдывало народамъ миръ постоянный, со всѣми его благами, взаимное сочувствіе въ общечеловѣческихъ интересахъ, стремленіе къ единенію въ жизни международной, гражданской, всѣ эти прекрасныя начала, которыя сами собою отрицаютъ силу оружія и войну? А между тѣмъ никогда не было изобрѣтаемо, при томъ намѣренно и научными способами, столько и такихъ смертоносныхъ орудій на безошадное истребленіе человѣчества; никогда государство такъ страшно не вооружались, истощая на это всѣ свои силы и средства, никогда съ такимъ взаимнымъ недоверіемъ и напряженною готовностью въ каждый часъ на брань не стояли на вооруженной стражѣ другъ противъ друга,—какъ въ настоящее время. И для такого неестественнаго состоянія народовъ придумано нынѣ великолѣпное слово: вооруженный миръ! Увы! Надобно оплакивать такой противу-человѣческой и противухристіанскій духъ времени и народовъ! Но еще разъ поставлю вопросъ: рѣшить ли сила оружія судьбы народовъ? И скажу—не свое слово, а Христово: нѣтъ! *Все это должно быть, но это еще не конецъ* (Мат. 24, 6).

И такъ правительственная власть и сила, политическая мудрость, гении великихъ людей, просвѣщеніе, сила оружія: вотъ дѣятели народныхъ судьбахъ, которыхъ указываетъ намъ міръ. Все ли тутъ? Не забыто ли что нибудь? Не забыта ли напр. таинственная рука, которая въ то время, когда никто ни о какой рукѣ

не думалъ, среди упоенія побѣдъ и могущества, писала на стѣнѣ въ трехъ словахъ судьбу цѣлаго царства? Не вышло ли изъ памяти царское видѣніе небольшаго камня, который, отторгшись отъ горы, разбился въ прахъ цѣлый рядъ царствъ, и еще какихъ?—золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ; и потомъ самъ, возросши въ гору, покрылъ всю землю? Не потерялась ли изъ вида исторія двѣнадцати человѣкъ, ужь во все не государственныхъ мужей и не ученыхъ и не вооруженныхъ, которые по мановенію Лица, въ ихъ времена отверженнаго всѣми мудрыми и сильными міра сего, да и нынѣ не очень поклоняемаго, прошли весь міръ съ невѣдомымъ міру догмѣ ученіемъ, и хотя не перестроили государствъ, такъ какъ не о томъ и думали, однакожъ положили совѣмъ новыя основанія для жизни народовъ, и помимо всякой политики указали новыя судьбы ихъ въ общей жизни человѣчества? Не забыто ли наконецъ, кому и чему обязано человѣчество тѣмъ, что нашъ вѣкъ считаетъ самыми великими силами въ жизни народовъ, истинною цивилизаціею, стремленіемъ народовъ къ единенію жизни, нравственною силою общечеловѣческихъ правъ и интересовъ?

Напомнимъ это, скажу: есть сила вышняя, рѣшающая судьбы народовъ; есть судьбы ихъ высшія, нежели государственныя, есть для нихъ путь и жизнь высшія, нежели гражданскія. Предвѣчное Божеское Провидѣніе опредѣлило къ возрожденію и обновленію все человѣчество, и въ составѣ его разные народы; это возрожденіе и обновленіе должно и можетъ совер-

шиться только въ христіанствѣ; поэтому всѣ народы призываются голосомъ Евангелія въ нѣдра христіанства. Народы, способные къ возрожденію, нравственно развиваются въ христіанствѣ, и нравственнымъ взаимодѣйствіемъ содѣйствуютъ постепенному обновленію всего человѣчества; народы, неспособные къ возрожденію, падаютъ и отъ собственной внутренней немощи истлѣваютъ внѣ христіанства, въ которое и войти не въ состояніи по неспособности къ обновленію, или же падаютъ въ самомъ христіанствѣ, если бы вошли въ него безъ сознанія, безъ убѣжденія и доброй воли. Затѣмъ всѣ народы призываются къ духовному единенію между собою и наконецъ рано или поздно должны составить одно духовное царство подъ единою Главою—Христомъ, *царство не отъ міра сего*,—не въ видѣ всемірнаго государства, въ единеніи вѣры и истины, въ единствѣ высшихъ нравственныхъ цѣлей человѣчества, когда уже ни религіозныя идеи, ни нравственныя убѣжденія, и никакіе духовные интересы не будутъ раздѣлять народы на разные лагеря. Поэтому всякое посягательство на устроеніе этого духовнаго царства въ образѣ міра сего, съ видимою человѣческою главою, должно пасть отъ собственной своей несостоятельности и нецѣлесообразности, какими бы священными и высокими интересами ни прикрывалось; а государства мірскія призываются соединить съ судьбами этого царства свои собственныя судьбы и должны послужить ему, и послужать, чтобы не говорили, какъ бы ни разсуждали мудрецы вѣка о совершенномъ отдѣленіи Церкви отъ государства, о безграничной свободѣ совѣсти, и т. д. Если за тѣмъ еще остается въ

мірѣ зловѣріе со всѣми его нравственными язвами, вблизи христіанства, даже въ предѣлахъ его, даже подъ государственными формами, даже на самыхъ свѣщеныхъ и дорогихъ для него мѣстахъ, то остается дотолѣ, *дондеже скончаются времена языкъ*, т. е. до тѣхъ поръ, когда это зловѣріе, оставленное самому себѣ, дойдетъ до послѣднихъ степеней нравственнаго паденія и духовнаго истощенія, такъ что наконецъ обнаружитъ всю свою неспособность къ возрожденію; тогда оно должно умереть, и умереть, не смотря на всѣ усилія искусственнымъ образомъ поддержать его жизнь; наконецъ, и тѣ племена, которыя по неразумію и упорству оставались еще внѣ христіанства, но сохранили въ себѣ способность и залогъ нравственнаго возрожденія, должны войти въ составъ христіанства и въ немъ наряду съ другими народами послужить великимъ цѣлямъ его въ человѣчествѣ. Вы догадываетесь, что эти мысли касаются Востока: но это не мои мысли, а Божіи, открытыя намъ въ Евангеліи.

Вотъ вышнее предназначеніе народныхъ судебъ; и Россія имѣетъ тутъ свою долю, потому что съ ея историческаго поля, какъ я замѣтилъ въ началѣ бесѣды, есть прямая дорога на это еще болѣе обширное поле. Эта дорога—святое Православіе. Русскому народу болѣе, чѣмъ всякому другому, открытъ этотъ путь во всю широту и высоту міровыхъ судебъ, потому что ни у одного народа святыня вѣры не соединяется съ такимъ народнымъ могуществомъ и съ такою историческою силою, какъ у русскаго. Счастлива Россія, въ высшемъ смыслѣ этого слова, и великія

судьбы ожидаютъ ее и въ собственной ея жизни, и въ цѣломъ мірѣ, если она пойметъ это призваніе и не забудетъ его и не дастъ ничѣмъ сбить себя съ этого пути. Да укрѣпитъ же Богъ въ этомъ духѣ и направленіи Россію, подъ водительствомъ ея Царей, какъ защитниковъ и покровителей Православія.

ПОУЧЕНІЕ,

въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

СКАЗАННОЕ

въ кафедральномъ соборѣ (19-го Февраля 1868 года).

Чѣмъ свѣтлѣе торжество настоящаго дня въ Россіи, чѣмъ торжественнѣе и единодушнѣе нынѣ молитва наша за Царя, тѣмъ справедливѣе можно настоящее торжество признать торжествомъ не одного событія, нынѣ воспоминаемаго, а и народныхъ русскихъ идей. Какихъ идей? Идей въ своемъ источникѣ, правда бо-гооткровенныхъ, но до такой степени усвоенныхъ духомъ русскаго народа, что ихъ можно назвать народными, русскими. Это—идея о Царѣ, какъ помазанникѣ Божіемъ, о сердцѣ Царевомъ въ рукѣ Божіей, о союзѣ между народомъ и Царемъ, союзѣ не внѣшнемъ только, государственномъ, а и внутреннемъ, нравственномъ, сливающимъ народный организмъ въ одно живое, однимъ духомъ проникнутое, цѣлое съ его Главою; о томъ особенномъ значеніи всенародной молитвы за Царя, да въ его мірѣ, благонастроеніи и благоденствіи будетъ и намъ залогъ жизни мирной, доброй и

счастливой. Здѣсь можно бы остановиться и заключить слово желаніемъ и молитвою,—да будътъ такъ навсегда въ Россіи.

Но вотъ слышится вдали гулъ, какъ будто отъ обыкновеннаго движенія какихъ-то громадныхъ силъ, потрясающаго воздухъ. Это изъ другихъ странъ гулъ народныхъ голосовъ, шумъ отъ необычнаго движенія народныхъ умовъ и силъ. Тамъ, за предѣлами Россіи, всё мысли, голоса и стремленія народовъ направляются и сходятся къ одной идеѣ, идеѣ свободы. Народы ищутъ, требуютъ себѣ свободы мысли, свободы слова, свободы своихъ собраній, свободы запросовъ и даже возраженій, обращенныхъ къ предержавшей власти, словомъ требуютъ полной свободы своей гражданской жизни. Отсюда не переставая борьба народныхъ и нравственныхъ мыслей и интересовъ, отсюда постоянное стремленіе къ ограниченію верховной власти, и самая идея царя въ народныхъ умахъ и дѣлахъ тускнѣетъ, какъ будто сглаживается и получаетъ неопредѣленный характеръ, такъ что выражается новый образъ власти верховной, царствующей, но не управляющей народомъ;—отсюда наконецъ государственныя потрясенія и народныя бури. Намъ, съ нашими идеями и чувствами, съ мирныхъ береговъ отечества можно бы спокойно смотрѣть на эти чужеземныя волненія. Но какъ скоро начала, которыми вызываются эти волненія, основныя идеи ихъ въ духѣ времени выставляются не какъ мѣстныя только явленія, даже не какъ политическія только идеи, а какъ начала и идеи общечеловѣческія, слѣдовательно и

общенародныя, просвѣтительныя для всего міра, нравственныя, даже по духу христіанскія; то не слѣдуетъ ли и намъ вникнуть въ эти начала съ этихъ именно сторонъ? Не нужно ли стать на вѣрную точку, чтобы слѣдить за ихъ направленіемъ, установить твердую основу для правильной оцѣнки ихъ? Особенно, когда духъ времени, какъ сильный вѣтеръ, разноситъ и бросаетъ ихъ повсюду, и вездѣ они ищутъ почвы для своего укорененія.

Свобода! какой это близкій уму и сердцу человѣка предметъ! и разумное существо человѣка ищетъ его, и жизнь любить его, и добро стремится къ нему и зло рвется къ нему, и счастье скучаетъ и какъ будто не сознаетъ себя безъ него и счастье ни на что не промѣняетъ его; и язычество дорожило имъ и христіанство возвышаетъ его; но предметъ, вмѣстѣ и вожделенный и страшный, добрый и злой, возвышающій и губящій человѣка; это источникъ всѣхъ доблестей и всѣхъ паденій человѣка, всѣхъ его благъ и всѣхъ его несчастій; ничто столько, какъ свобода, не развязываетъ жизни и всѣхъ силъ человѣка, и ничто столько, какъ свобода, не требуетъ узъ. Но гдѣ же она, эта драгоценная свобода? Гдѣ именно свобода—безъ золь? Что дѣлаетъ человѣка дѣйствительно свободнымъ? Это рѣшено, и прежде, чѣмъ путемъ вѣковыхъ размышленій, непрестанной борьбы и самыхъ тяжелыхъ опытовъ, народы умы дошли—и еще дошли ли?—до какогонибудь рѣшенія этихъ вопросовъ, они положительно рѣшены для всѣхъ временъ, людей и народовъ—Тѣмъ, Кто пришелъ освободить все человѣчество.

Уразумѣйте истину, сказалъ Онъ, и истина одѣлаетъ васъ свободными. (Іоан. 8, 32).

Это сказала сама Истина, и ничто не можетъ быть яснѣе и вѣрнѣе. Скажите, свободенъ ли человѣкъ, одержимый ложною мыслию ума, ложнымъ чувствомъ сердца, ложнымъ направленіемъ всей жизни? Ложная мысль, преобладающая въ умѣ, не даетъ ему видѣть свѣта въ самомъ себѣ, и онъ въ собственныхъ понятіяхъ и соображеніяхъ движется какъ будто ощупью въ темнотѣ, безпрестанно претыкается и ошибается; онъ ничего не можетъ изучить и познать основательно и безпристрастно, потому что ни къ чему не можетъ отнестись свободнымъ взглядомъ; ложная мысль, обращаясь въ ложное убѣжденіе, все представляетъ ему въ ложномъ свѣтѣ произвольныхъ понятій и въ тѣсныхъ предѣлахъ односторонняго направленія, и человѣкъ становится игрой, жертвою, рабомъ заблужденій. Онъ унорствуетъ въ нихъ, потому что ложныя убѣжденія связываютъ его умъ и чувство, и онъ, или не сознавая ихъ, совсѣмъ падаетъ умственно и нравственно, или послѣ тяжелой борьбы мыслей, послѣ величайшихъ усилій надъ собою и ударовъ опыта, когда наконецъ увидитъ свѣтъ истины, тогда только понимаетъ, какую тяжесть, какія цѣпи носилъ онъ на себѣ и только теперь чувствуетъ себя свободнымъ.

Посмотрите на человѣка, обладаемаго ложнымъ чувствомъ сердца. Это чувство наполняетъ всю его душу и подавляетъ другія, и самыя лучшія, его чувства; всецѣло привязываетъ его къ одному предмету, сочув-

ственному, оно дѣлаетъ его равнодушнымъ ко всѣмъ другимъ. Обращаясь въ страсть, оно неодолимо влечетъ человѣка на ложный путь, и до такой степени овладѣваетъ имъ, что онъ наконецъ не владѣетъ собою, и хочетъ и дѣлаетъ не то, что ему нужно и полезно, а то, что внушаетъ ему страсть. Свободенъ ли такой человѣкъ? Нѣтъ! это рабъ своего ложнаго чувства, рабъ страсти, тѣмъ болѣе жалкій и несчастный, что разумомъ постигаетъ свое состояніе, но не имѣетъ силъ выйти изъ него.

Посмотрите на человѣка, увлекаемаго ложнымъ направленіемъ жизни. Свободенъ ли онъ? Свободенъ ли даже тогда, когда по видимому дѣлаетъ то, чего самъ хочетъ? Когда ложное воспитаніе, ложныя идеи и убѣжденія, ложно понимаемыя обстоятельства жизни, ложныя цѣли даютъ лживое направленіе всему жизненному пути, человѣкъ не можетъ дѣлать ничего хорошаго, и дѣлаетъ одно худое. Самыя лучшія побужденія приводятъ его къ худымъ дѣйствіямъ; въ виду самыхъ лучшихъ цѣлей онъ употребляетъ самыя худыя средства; онъ не можетъ дѣлать добра, потому что или не понимаетъ его или представляетъ себѣ въ ложномъ видѣ: онъ теряетъ нравственныя силы и неудержимо увлекается ко злу по наклоненному пути, на которомъ сдержать и остановить самъ себя не можетъ. Чѣмъ оканчивается такая жизнь? Зломъ; и человѣкъ, какъ будто уже не собственной мыслию, не собственнымъ чувствомъ предначертываетъ себѣ свой конецъ и не собственной волею несется къ нему, а какъ камень въ воду, какъ обвалъ съ горы, увлекается въ без-

дву собственной тяжести внутренняго преобладающаго въ немъ зла, темною силою лжи, преодолевшей духъ съ потерей въ немъ нравственной свободы.

Обратимъ эти мысли къ народамъ. Народы, у которыхъ, подъ видомъ свободы мысли и совѣсти, свобода въ дѣйствительности только ложь въ пониманіи и приложеніи къ жизни важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго духа, каковы вопросы религиозные и нравственные; народы, у которыхъ подъ видомъ свободы слова и печати свободно распространяются, обобщаются и переходятъ въ дѣло общественной жизни самыя лживыя и вредныя мнѣнія; народы, у которыхъ, подъ видомъ свободы гражданской, свободно развиваются самыя грубыя страсти и пороки, и ни чѣмъ не стѣсняемые нравы получаютъ безпутное направленіе; народы, у которыхъ подъ видомъ политической свободы своеволіе доходитъ до того, что теряется всякое ручательство общественнаго порядка и безопасности: свободны ли они, эти народы? Всмотритесь ближе и вы увидите, что тамъ можетъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ—нибудь, господствуетъ грубый деспотизмъ, тамъ самое тяжкое рабство, деспотизмъ ложныхъ мнѣній и вредныхъ убѣжденій, деспотизмъ народныхъ страстей и партій, деспотизмъ нравственнаго зла: наконецъ тамъ изъ свободы политической выражается самый жестокой деспотизмъ грубой силы или самаго коварнаго властолюбія. Какая свобода во внѣ и какое рабство внутри! рабство нравственное, совершенно подобное тому, въ какомъ находились древніе народы, когда, не зная истиннаго Бога и выдумавъ для себя боговъ не сво-

имъ нелѣпнымъ понятіямъ и страстямъ, они сами себя связывали въ жизни служеніемъ этимъ богамъ: и эти народы считались свободными. Но была ли это свобода? Вотъ доказательство, что это не свобода: народы эти при всей своей образованности, при всемъ гражданскомъ развитіи, не могли двигаться впередъ; они, такъ сказать, замерли въ формахъ своей общественной жизни, какъ ни блестящи были по видимому эти формы. Двигутся ли впередъ и нынѣ свободные народы? Не скажемъ, что не движутся; но есть что-то такое, что постоянно задерживаетъ ихъ, спутываетъ и сбиваетъ; они рвутся впередъ и падаютъ, бѣгутъ далѣе—и опять падаютъ. Ясно, что имъ недостаетъ еще полной, дѣйствительной свободы, а это отъ того, что еще недостаетъ полного свѣта, еще темнота въ умахъ и сердцахъ.—А разсуждая такимъ образомъ, можно придти къ вопросу: свободно ли нынѣ и все человѣчество? И если посмотрѣть, какъ еще много лжи и заблужденій въ умахъ человѣческихъ, какъ много неправды въ духѣ и жизни людей, сколько превратностей въ дѣлахъ и стремленіяхъ людскихъ, то нельзя не сознать въ человѣчествѣ рабства, еще великаго рабства! Да, человѣчество кажется еще далеко отъ полной, дѣйствительной свободы, и вѣтъ страшнѣе признать его свободнымъ, что это значило бы признать свободу лжи и зла.

Но наконецъ, гдѣ же та истина, которая даетъ человѣку свободу? Это открылъ тотъ же божественный Освободитель человѣчества: *если Сынъ вашъ освободитъ, говорить Онъ, то вы дѣйствительно будете*

свободны, и уразумѣете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными (Іоан. 8, 36.). И такъ вотъ гдѣ, во Христѣ, въ христіанствѣ дѣйствительное освобожденіе человѣка; потому что тутъ, и только тутъ, чистая, вѣчная истина. Благодатнымъ искупленіемъ и возрожденіемъ человѣка положивъ начало внутренняго, нравственнаго освобожденія его отъ зла, христіанство поставило его на прямой путь свободы жизни, во свѣтѣ истины, которую Евангеліе открыло разуму и сердцу его. И какъ живо, быстро воспарилъ человѣческой разумъ, освобожденный отъ ига стѣснявшихъ его заблужденій до христіанства, воспарилъ во всю широту и высоту высшаго вѣдѣнія и созерцанія! Какъ легко и свободно онъ почувствовалъ себя въ области—и собственныхъ, естественныхъ познаній, когда свѣтъ христіанской истинны открылъ ему въ мірозданіи бытіе и дѣйствіе безпредѣльнаго разума, систему движенія, не одну грубо-вещественную и механическую, но разумную и нравственную, открылъ жизнь, полную высокихъ идей и цѣлей необъятную, непобѣдимую въ самой смерти, и чрезъ самую смерть развивающуюся въ безконечность! А если разумъ теперь началъ уже забывать, откуда данъ ему этотъ высокій полетъ, кто указалъ ему путь въ эту безграничную область знанія; то это также, какъ оперившійся птенецъ, на окрѣпшихъ крыльяхъ полетѣвшій въ поднебесную ширь, скоро забываетъ родное гнѣздо, гдѣ оперился. Какъ широко и свободно раскрылось человѣческое сердце, какія живыя и глубокія чувства возбудились въ немъ, когда христіанская истина, сложивъ съ него узы давящаго всякое чувство эгоизма, высвободивъ его изъ тѣсныхъ предѣ-

ловъ ограниченной любви—ближней, родственной, дружественной, національной, указала ему безграничный предметъ любви—все человѣчество! Какъ пространно и свободно развилась вся сила и жизнь человѣческаго духа, когда свѣтъ Евангелія возвысилъ его къ ясному сознанію своего нравственнаго достоинства, открылъ ему широкое пеприще высшей духовной дѣятельности, уже не стѣсняемой никакими земными видами, не скованной цѣпями временной жизни, а свободно устремленной за предѣлы самаго гроба, въ жизнь вѣчную! Дѣйствительно, какъ объяснить тѣ великіе подвиги ума, сердца и воли человѣчества, какіе только въ христіанствѣ показали, до какой высоты умственнаго и нравственнаго развитія человѣкъ можетъ достигать? Это объясняется только тѣмъ, что въ основаніи жизни человѣка положено христіанствомъ начало истинной свободы; отнимите эту свободу, свободу христіанскую, и человѣчество не въ состояніи будетъ подниматься на такую высоту; оно будетъ также, какъ во времена до-христіанства, только пресмыкаться на землѣ, только биться о землю, какъ птица безъ крыльевъ.

А я замѣтилъ, что человѣчество еще не совсѣмъ свободно. Да, и это именно отъ того, что не вошло еще въ полный свѣтъ христіанской истины, во всю глубину духа христіанства, во всю силу жизни его, и только тогда, когда христіанство всею полнотою свѣта и жизни водворится въ душахъ, въ народахъ, во всемъ человѣчествѣ, настанетъ въ мірѣ царство истинной свободы. *Уразумѣйте истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными.*—

БЕСѢДА

въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

С К А З А Н И Я

въ кафедральномъ соборѣ (19 Февраля 1869 г.).

Въ день, призывающей Россію къ усиленной молитвѣ за Царя, безъ сомнѣнія молитва ея будетъ столько же обильна прощеніями и благодареніями Богу, сколько важна дѣлами настоящее царствованіе. И конечно нѣтъ нужды въ особыхъ наставленіяхъ для этой молитвы, потому что собственное сознаніе и непосредственное чувство народа руководить ею. Но вотъ изъ глубины самой отдаленной древности, изъ церкви еще ветхозавѣтной, слышится особая молитва за царя, которая, соотвѣтствуя одному изъ важнѣйшихъ дѣлъ нашего времени, невольно останавливаетъ на себѣ наше вниманіе: *Боже, дай судъ твой царю и правду твою сыну цареву* (Пс. 71, 1.).

Какая возвышенная мысль! Народъ проситъ у Бога правленію царя не просто—мудрости и правоты суда а какъ будто желаетъ, чтобы эта мудрость и правота были выше, нежели обще—человѣческія, чтобы въ су-

дахъ царя пр существовали и дѣйствовали именно судъ Божій, правда небесная. Было ли это недоуверіе къ человѣческому правосудію вообще, хотя бы огражденному высшею властію? Было ли это желаніе, чтобы, какъ царская власть и сила, и душа должна быть не только источникомъ безусловной правды и власти, но и приближищемъ для народа отъ всякой неправды и кривосудія, такъ собственный судъ царскій олицетворялъ бы въ себѣ высшую для человѣка правду царства и такъ направлялъ бы и подчиненные суды? Конечно такъ; но здѣсь была еще особенная важная мысль. Такъ какъ въ древнія времена и цари не рѣдко сами лично судили народъ и судьи при необширности и несложности тогдашняго законодательства, судили большею частію по своему личному усмотрѣнію и внутреннему убѣжденію, то народъ понималъ, что это основаніе суда, внутреннее убѣжденіе, можетъ быть спасено отъ вліянія человѣческихъ слабостей, страстей и злоупотребленій только тогда, когда проникнуто будетъ чисто Божескою правдою.

И въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ, когда съ высоты престола провозглашено: да будетъ въ Россіи судъ правый и милостивый, когда съ этою мыслию суды преобразуются и въ основаніе ихъ полагается совѣсть и внутреннее убѣжденіе лицъ, произносящихъ судебные приговоры, когда эти лица, избираемые изъ среды народа становятся представителями и общественной совѣсти и вмѣстѣ независимыми въ своихъ приговорахъ, какою болѣе вѣрною и сильною молитвою освятить и оградить эти новыя

начала суда? Да будетъ эта молитва: Боже дай нашему царю въ новыхъ судахъ Твой судъ, и нашимъ судьямъ—Твою правду: *Твои*, не инья! И нельзя новымъ началамъ суда придать болѣе твердой почвы, болѣе вѣрнаго направленія.

Не будемъ теперь говорить вообще о несовершенствахъ человѣческаго суда, о слабостяхъ человѣческой правды. Это величайшее несчастіе міра, и нельзя лучше выразить всего жалкаго, въ этомъ отношеніи, состоянія человѣчества, какъ словами Св. Писанія, что остается только ожидать *новой земли, гдѣ будетъ жить правда*. Но въ особенности, довольно ли благонадежна самая совѣсть человѣческая, чтобы быть основою суда? Какова она должна быть, чтобы состоятельно и непредосудительно для самой себя, непогрѣшимо, силою своего внутреннего убѣжденія рѣшать участь человѣческую? Совѣсть должна быть слишкомъ прозорлива, чтобы проникать во всѣ изгибы преступнаго дѣла, и не только дѣла, но и преступнаго сердца, гдѣ не укрывалась бы отъ испытующихъ взоровъ ея ни одна черта, характеризующая преступленіе и увеличивающая или уменьшающая его важность; совѣсть должна быть слишкомъ чувствительна, чтобы могла всецѣло отразить въ самой себѣ образъ судимаго дѣла и прочувствовать все нравственное значеніе его, всю его гнусность или всю жалость, все вызывающее въ немъ достойное снисхожденія; совѣсть должна видѣть дальше и лучше внѣшнихъ законовъ, которые ни когда не въ состояніи обнять и опредѣлить всѣхъ дѣлъ жизни человѣческой и рѣшить всѣхъ вопросовъ ихъ

вѣдѣемости; наконецъ во внутреннемъ убѣжденіи нашемъ долженъ быть присущъ идеаль чистѣйшей правды, чтобы рѣшить судьбу преступника ни больше, ни меньше того, сколько онъ заслуживаетъ, правды безъ всякой примѣси не только личныхъ чувствъ и постороннихъ вліяній, но и общечеловѣческихъ недостатковъ и господствующаго въ мірѣ духа времени съ его измѣнчивыми понятіями и нравами.— Легко ли это для человѣка, даже лучшаго? Нечувствуете ли вы, что такія требованія, вызываемыя однако самимъ существомъ дѣла, представляютъ нѣчто даже выходящее изъ уровня общечеловѣческой способности суда? Не ясно ли, что тутъ вводится въ судъ какая то высшая правда, на которой должна опираться судящая совѣсть? Иначе быть не можетъ: не ужели же думать и допускать, что судъ совѣсти и внутренняго убѣжденія можетъ быть не болѣе, какъ дѣломъ личныхъ впечатлѣній и воззрѣній? Да, судить человѣка по внутреннему убѣжденію, рѣшать своею совѣстію его участь, судить и рѣшать непогрѣшимо: какое глубокое и всестороннее и тонкое нужно тутъ развитіе совѣсти! Какая высокая нравственная сила убѣжденія! И одно только есть средство къ такому развитію, одинъ источникъ такой силы—правда Божія. Когда эта правда, прозирающая въ душу человѣка, непогрѣшимая, наполнитъ своимъ свѣтомъ и силою совѣсть, когда овладѣетъ внутреннимъ убѣжденіемъ человѣка, направитъ его и утвердитъ въ своемъ духѣ, тогда, только тогда судъ совѣсти можетъ быть правъ и безошибоченъ, тогда въ немъ судить Богъ! И сила такого суда, какъ самой правды Божіей, будетъ страшна и не оразима. За чѣмъ тѣ

лжешь, и притомъ не людямъ, а Богу? сказала мужъ, полный правды Божіей, одному преступнику, таившему свое преступленіе: и преступникъ палъ мертвый.

А что еще даетъ совѣсти самое право суда? Что дѣлаетъ ее достойною этого великаго дѣла? Гражданское законодательство опредѣляетъ для этого внѣшнія условія: извѣстную степень образованія, извѣстныя качества внѣшней гражданской жизни, мѣру вещественнаго достоянія. Не сознаться ли, что при такихъ условіяхъ не слишкомъ трудно стать присяжнымъ заседателямъ или судьей? Но все ли тутъ, что нужно? Не взглянуть ли дальше? Что если, судящая другихъ совѣсть сама въ себѣ нечиста? Что, если внутреннія убѣжденія шатки въ отношеніи къ дѣламъ собственной жизни? Что, если произнося приговоръ кары надъ преступникомъ, совѣсть знаетъ за собою тоже самое преступленіе? И она можетъ спокойно произносить приговоръ? И голосъ ея будетъ правдивъ? И достоинство суда и его дѣйствіе должны оставаться въ своей силѣ?—Человѣческая правда не много обращаетъ на это вниманія. Но не такъ судить правда высшая. Былъ на землѣ Учитель правды, который не много оттаивался на буквѣ положительнаго закона, не рѣдко прощалъ виновныхъ и осуждалъ людей по видимому ни въ чемъ неповинныхъ. Люди не понимали, по какимъ началамъ онъ судитъ. И вотъ однажды, чтобы испытать публично справедливость его и вѣрность закону, приводятъ къ нему женщину, взятую на мѣстѣ самаго позорнаго преступленія. Все здѣсь было къ осужденію ея, и ничего къ извиненію. Преступленіе явно;

свидѣтели—очевидцы, судьи законные, законъ ясенъ и положителенъ; онъ повелѣвалъ такихъ преступниковъ побивать камнями. Осталось поднять камни на несчастную. Что сказала этотъ Учитель? Пусть, сказала Онъ, тотъ изъ васъ, кто безгрѣшенъ, первый бросить на нее камень: и ни одинъ камень не брошенъ.—Что это? Нарушеніе закона? Оправданіе преступницы? Отверженіе праваго суда? Нѣтъ, это новое основаніе суда, новая правда. Божественный Учитель вносилъ въ мертвую и мертвящую букву закона духъ животворящій; Онъ освящалъ и вводилъ въ міръ судъ совѣсти, способный по внутреннему убѣжденію стать выше закона, чтобы подчинять участь человѣка не буквѣ закона, или одной внѣшности дѣла, а силѣ живаго нравственнаго чувства. Какъ же сохранить въ совѣсти эту силу? Какъ приложить вѣрнѣе къ дѣлу? Да будетъ совѣсть судіи чиста: иначе какъ же она будетъ владѣть и дѣйствовать всею силою нравственнаго чувства? Какъ же станетъ она выше буквы закона или видимой внѣшности дѣла? Не будетъ ли приговоръ ея надъ преступникомъ скорѣе и прежде всего приговоромъ надъ самой собою и обманомъ на судѣ? Такова правда Божія!

И въ этой правдѣ еще есть особенный духъ, мало знакомый правдѣ человѣческой. Еще не дошли человѣческіе законы до такого совершенства, чтобы проводить черту раздѣленія между личностію преступника и его преступленіемъ, или между человѣчествомъ его и его внѣшнимъ дѣломъ. Всегда ли и вся ли личность человѣка поглощается его преступленіемъ? Уничто-

жается ли такъ сказать человѣчество преступника его злодѣяніемъ? Не слѣдуетъ ли къ чести и пользѣ человѣчества, и по достоинству образа Божія, въ немъ начертаннаго, и по силѣ благодатнаго возрожденія его въ Христіанствѣ думать, что въ человѣкѣ больше добра, чѣмъ зла, что въ явномъ преступникѣ можетъ еще оставаться сѣмя добра къ его нравственному обновленію? И съ другой стороны, не ужели законъ и судъ существуютъ для того, чтобы только карать, казнить, губить человѣка, хотя бы и виновнаго? Въ такомъ случаѣ все законодательство и судъ были бы только приговоромъ гибели на все человѣчество: потому что кто же изъ людей не повиненъ предъ закономъ и судомъ? А если такъ, то задачу хорошаго закона и суда должно быть—качать преступленіе и щадить преступника, уничтожать зло и—спасать человѣка. Но какъ это сдѣлать? этого не поняла и не сдѣлала правда человѣческая, но успѣла сдѣлать правда Божія. Она, эта высшая, вѣчная правда возлюбила человѣка прежде, чѣмъ судить его, и, когда уже не возможно было не казнить его, призвала на помощь себѣ всю силу безпредѣльной любви, чтобы рѣшить въ союзѣ съ нею участь человѣка: и Любовь рѣшила не губить, а спасти его. Любовь принесла правдѣ величайшую крестную жертву для ея удовлетворенія, а правда нашла въ любви свое высочайшее осуществленіе. Вотъ высшая истина, которая должна лежать въ основаніи ии человѣческаго—христіанскаго суда; и если законъ и судъ формальный не могутъ усвоить и осуществить въ себѣ эту истину, то это можетъ голосъ христіанской совѣсти, и именно тогда, когда на судѣ

она утвердится въ правдѣ Божіей. Любовь къ человечеству должна по этой правдѣ проникать судъ совѣсти.

Правда Божія наконецъ ведетъ еще далѣе. Побуждаемая силою любви, она сама спѣшитъ на встрѣчу преступному человѣку, не съ судомъ кары, а съ приговоромъ милости, лишь услышитъ голосъ души его, страждущей въ тяготѣ преступленія: она не только прощаетъ человѣку зло ради добра, какое въ немъ еще остается, — она сама ищетъ его любви и прощаетъ ему многое для того, чтобы онъ болѣе любилъ и такимъ образомъ въ его любви находить оправданіе своего полного любви суда. *Прощается ей много грѣховъ*, сказалъ Спаситель объ одной женщинѣ, не отличавшейся чистотою жизни, но обратившейся къ Нему съ полною вѣрою и преданностію: *прощается много потому, что она любитъ много; а кому мало прощается, тотъ меньше и любитъ*. Выходитъ, что какъ высшая правда въ христіанствѣ есть любовь къ человечеству, такъ и высшая сила суда не въ томъ только, чтобы законнымъ возмездіемъ преслѣдовать и пресѣкать преступленія, а еще болѣе въ томъ, чтобы и въ преступной душѣ пробудить тѣ добрыя чувства, высшимъ выраженіемъ которыхъ служитъ любовь къ самой правдѣ закона, чтобы поднять павшее сердце и дать ему нравственную силу, способную возродить и обновить человѣка порочнаго и преступнаго. Какой, говорю, человѣческій законъ или судъ дошелъ бы самъ собою до такой высоты? Это могла открыть и показать въ себѣ самой только правда и любовь Божія.

Въ искреннемъ желаніи такого духа правды и любви нашимъ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, отъ всего сердца повторяю молитву: Боже, дай судъ Твой нашимъ новымъ судамъ и правду Твою нашимъ судіямъ, а во главѣ ихъ Царю и сыну Цареву!

БЕСѢДЫ

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ДНИ СТРАСТНОЙ НЕДѢЛИ (1867 ГОДА).

БЕСѢДА 1.

на утрени великой пятницы, при чтеніи XII евангелій.

Вы слышите, братія мои, Евангельскія сказанія о страданіяхъ Спасителя. Теперь я хочу спросить васъ: не были ли вы сами при Его страданіяхъ? Не были ли при Его осужденіи, поруганіи и распятіи?

Вы конечно скажете, что слушая съ глубокимъ вниманіемъ и чувствомъ описаніе Христовыхъ страданій, мы наконецъ можемъ такъ живо представить ихъ себѣ, какъ будто сами ихъ видѣли,—и конечно при событіи и зрѣлищѣ, совершившемся почти за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, и можно присутствовать только мыслію, воображеніемъ, чувствомъ. О такомъ ли присутствіи вопросъ?

Нѣтъ, братія; я ставлю вопросъ прямо и не только повторяю его опредѣлительно, но еще хочу усилить его другимъ вопросомъ: не участвовали ли вы въ осужденіи Спасителя? Да, скажете вы, всѣ мы своими грѣхами внесли горькія доли въ чашу скорбей Христовыхъ, всѣ мы повинны въ Его смерти.—Но опять

у меня не о томъ рѣчь. Я васъ спрашиваю: не были ли вы сами лично, дѣйствительнымъ образомъ, если не въ числѣ судей, то обвинителей или свидѣтелей противъ Христа, или наконецъ въ толпѣ народа, который кричалъ: «распи Его»?

Вы изумляетесь, вы ужасаетесь такихъ вопросовъ. Вы соображаете, что у насъ теперь совершается только воспоминаніе событія давно прошедшаго времени. О, если бы это было только воспоминаніе! О если бы распятіе Спасителя было фактомъ одного извѣстнаго времени и оставалось дѣломъ только Иуды, іудейскихъ первосвященниковъ, Ирода, Пилата и безмысленной толпы народа іудейскаго! О если бы ничего подобнаго не повторялось въ другія времена, при другихъ людяхъ и обстоятельствахъ!

Но вотъ зрѣлище, которое открывается въ наше время, предъ глазами нашими. Иисусъ Христосъ снова преданъ и снова предстоить на судѣ. На какомъ судѣ? На судѣ настоящаго, современнаго намъ міра, и онъ, этотъ міръ, судить Христа по своимъ новымъ идеямъ и началамъ. Какое зрѣлище! Здѣсь уже не тотъ грубый, невѣжественный судъ, который происходилъ въ Иудеѣ, не тѣ жалкіе судьи, которые въ ступѣніи мыслей и чувствъ сами ясно не сознавали, что дѣлали. Здѣсь, чтобы судить Христа, соединяется все, что есть высокаго и блестящаго въ современномъ мірѣ: просвѣщеніе, цивилизація, политика, всѣ новыя идеи времени; сюда обращены взоры всего образованнаго міра, чтобы по суду образованнѣйшихъ его представителей

опредѣлить отношенія современнаго человѣчества ко Христу: какъ Его разумѣть и что съ Нимъ дѣлать?

Вотъ объ этомъ-то судѣ я васъ спрашиваю: не скажетесь ли вы участниками въ немъ, такъ или иначе?

Опишу, по возможности, этотъ новый мировой процессъ.

Является новый измѣнникъ Христу, новый предатель. Кто? Это опять ученикъ Христовъ; это человѣскій разумъ, Христомъ просвѣщенный, Христомъ выведенный изъ тѣмнѣвѣковыхъ религиозныхъ заблужденій, Христомъ поставленный на пути высядаго духовнаго развитія и направленный къ познанію вѣчной истины. За что же онъ, этотъ ученикъ, измѣняетъ Христу? Просвѣщенному разуму въ его современномъ развитіи слишкомъ тяжело стало иго вѣры, налагаемое на него Евангелиемъ; онъ чувствуетъ себя какъ бы въ неволѣ, связаннымъ, приниженнымъ; онъ жаждетъ свободы, свободы мысли, свободы испытаній и убѣжденій; мрачный, суровый и холодный, онъ равнодушно выслушиваетъ самыя высокія и святыя истины изъ устъ Спасителя; ему скучно и тяжело въ обществѣ вѣрующихъ, окружающихъ небеснаго Учителя и раздѣляющихъ Его тайную вечерю; разуму представляются они жертвами неиспытанной вѣры, непробѣренныхъ чувствъ, даже рабами нравственнаго деспотизма. А когда Христосъ на тайной вечери предлагаетъ наконецъ вѣрующимъ въ причастіе Свое тѣло и Свою кровь, невѣрный ученикъ не выдерживаетъ болѣе; страшныя бури мрачныхъ помысловъ

одолѣваютъ и увлекаютъ его, и онъ спѣшитъ оставить общество Иисуса и Его вечерю.

Видите, что здѣсь дѣло отзывается уже не тридцатью сребренниками, что мысли новаго предателя идутъ гораздо дальше, шире и глубже, чѣмъ древняго.— И предательство ужаснѣе.

И такъ разумъ человѣческой, оставивъ Христа, предаетъ Его на судъ современнаго міра. Разумъ хочетъ, чтобы все дѣло Христа, Его ученіе, Его образъ дѣйствій въ земной жизни, Его права надъ человѣчествомъ, самыя Евангельскія сказанія о Немъ, чтобы все это было подвергнуто самому строгому разбирательству, по началамъ суда просвѣщеннаго, независимаго ни отъ какихъ авторитетовъ и преданій. Гдѣ же на это судъ и гдѣ судилище?

Открывается новый великій синедрионъ. Вы имѣете ли понятіе объ этомъ синедрионѣ? Это сборъ высшихъ наукъ, въ ихъ современномъ направленіи, наукъ, утверждающихся на свободномъ изслѣдованіи предметовъ вѣры и знанія, болѣе на опытѣ, чѣмъ на умозрѣніи, болѣе на самостоятельности изысканій, чѣмъ на постороннихъ свидѣтельствахъ, сколько бы ихъ ни было, и потому вооруженныхъ самымъ тонкимъ анализомъ и самою беспощадною критикой. Здѣсь—историческая критика, раціональное изученіе священнаго писанія, филологія, философія, антропология, разные виды естественныхъ наукъ и проч. Это судилище изслѣдываетъ, повѣряетъ, оцѣниваетъ всѣ существующія

въ человѣчествѣ познанія, вѣрованія, правила и преданія, и произноситъ надъ ними приговоръ во имя самобытнаго просвѣщенія. И не скрою отъ васъ: страшно это судилище; основанное на началахъ свободного изслѣдованія, оно не признаетъ никакого другаго авторитета въ вопросахъ человѣческаго духа, кромѣ самаго духа; оно не терпитъ никакихъ ограниченій въ стремленіяхъ его къ независимости идей и убѣжденій; оно не допускаетъ въ мірѣ ничего сверхъ естественнаго; оно не признаетъ во вселенной свободныхъ дѣйствій вышней воли и особенныхъ предопредѣленій Промысла въ человѣчествѣ; все будто бы существуетъ по неизмѣннымъ законамъ развитія физической природы и по законамъ свободного саморазвитія въ человѣчествѣ.

Вотъ сюда—то, къ этому судилищу, разумъ обращается съ своимъ предательствомъ и требуетъ суда надъ Христомъ. И судъ открывается.—Однако же, какъ ни грозно судилище, нельзя ли по крайней мѣрѣ ожидать, что судъ наукъ будетъ спокойный, умѣренный, безстрастный? Вѣдь такова издавна репутація наукъ! Такъ; только не здѣсь, не наэтотъ разъ. Здѣсь напротивъ обнаруживается какое то чрезвычайное раздраженіе и особенное ожесточеніе. Здѣсь критика, не умолимая во всякомъ случаѣ, дѣлается еще болѣе беспощадною; анализъ, все разлагающій и рѣжущій, дѣлается болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, убійственнымъ. Отчего и за что? Все за разумъ и свободу человѣка, будто бы стѣсняемые христіанствомъ. И вотъ рѣшеніе суда: самыя сказанія Евангельскія о Христѣ при-

знаются, если не вполне сомнительными, то не совсѣмъ подлинными, испорченными; ученіе Иисуса Христа, догматическое и таинственное, объявляется мечтательнымъ и несостоятельнымъ—и въ самомъ себѣ, и въ жизни человѣчества; чудеса Иисуса Христа признаются не дѣйствительными, а мнимыми, основанными только на приспособленіи къ понятіямъ и духу тогдашняго времени, или на психическихъ фактахъ; самая идея объ Искупителѣ и объ искупленіи міра называется фантастическою, вышедшею изъ темныхъ преданій Востока; Церковь, Христомъ основанная, представляется какъ учрежденіе, принадлежащее только временамъ невѣжества и нравственного мрака, ненужнымъ для временъ болѣе просвѣщенныхъ; словомъ: все дѣло Иисуса Христа отрицается, отвергается, какъ не осуществившееся и неосуществимое въ мірѣ. Самъ онъ осуждается какъ виновникъ, впрочемъ не злонамѣренный, а болѣе мечтательный, увлеченія и заблужденія людей на многіе вѣки.

Вотъ приговоръ о Христѣ современнаго, собственно ученаго суда. И стоитъ подъ этимъ приговоромъ Христосъ, униженный, поруганный, лишенный всего Своего сверхъ-естественнаго значенія и всѣхъ искупительныхъ правъ надъ человѣчествомъ; Онъ низводится въ рядъ людей, если не совсѣмъ обыкновенныхъ, то не много выше человѣческихъ учителей и преобразователей религіи, какіе время отъ времени являются въ разныхъ странахъ міра. А Его Божеское существо? Развѣ оно не замѣтно для ученаго суда и не поражаетъ его? Но объ этомъ существѣ здѣсь и

рѣчи нѣтъ; оно здѣсь даже не мыслимо и болѣе всего нетерпимо; всякая мысль и всякое слово о немъ только еще болѣе раздражаетъ судей. А человѣческая личность Христа? Вотъ только эта личность остается неприкосновенною; она признается на судѣ вполне безупречною; единственная честь, которая оставляется Христу.

Страшно все это! Страшно за истину Христову, страшно за человѣческій разумъ, страшно за все человечество! Правда, не произносится на Христа приговоръ смертный; но науки не произносятъ такихъ приговоровъ. Однако же отверженіе всей основы, всей сущности, всей силы и значенія того дѣла, въ которомъ заключалась вся жизнь Иисуса Христа, для котораго Онъ родился и вошелъ въ міръ, развѣ не можетъ считаться равносильнымъ осужденію Его самаго на лишеніе жизни?

Если вы, братія мои, не имѣете полныхъ свѣдѣній объ этомъ судѣ, то можетъ быть вамъ любопытно узнать, гдѣ именно находится такое ужасное судилище? Это далеко, тамъ, въ высшихъ сферахъ европейской современной учености. Но оттуда и до насъ доходятъ голоса и самые акты этого суда: разумѣю письменныя противохристіанскія произведенія этой учености, которыхъ названій, равно именъ писателей ихъ я здѣсь не хочу упоминать. Можно ли же быть увѣреннымъ, что и у насъ такія произведенія ученаго суда не возбуждаютъ излишняго къ себѣ вниманія, даже болѣе или менѣе сочувствія? А что, если въ странѣ православія окажутся и послѣдователи этого суда, просвѣ-

ценные распинатели Христа? Но особенно страшень приговоръ о Христѣ этого ученнаго суда тѣмъ, что наиболѣе сильно дѣйствуетъ на молодые умы; они увлекаются голосомъ науки, авторитетомъ учености, свободою мысли, и вслѣдъ за учеными судьями спѣшатъ сами поднимать голосъ противъ Христа. Это еще усиливаетъ Его страданія, потому что и въ будущемъ времени, для котораго молодое поколеніе возрастаетъ, не общаетъ ничего лучшаго.

Бесѣду нашу продолжимъ при слѣдующемъ богослуженіи.

БЕСѢДА 2.

НА ВЕЧЕРНИ ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ.

Тотъ ученый судъ о Христѣ, о которомъ мы говорили въ прошедшей бесѣдѣ, не есть еще судъ рѣшительный. Его приговоры, чтобы получить практическую силу и полное дѣйствіе, должны войти въ духъ и жизнь общества. Жизнь общественная даетъ научнымъ идеямъ и сужденіямъ такое или другое примѣненіе къ дѣйствительности.

Такимъ образомъ ученый приговоръ о Христѣ могъ бы оставаться въ книгахъ, въ школахъ, на ученыхъ кафедрахъ, безъ особаго дѣйствія въ жизни. Но неотомимый предатель Христа, тотъ же человѣческій разумъ, дѣйствуетъ и тутъ. Онъ успѣваетъ и въ обществѣ поднять вопросъ о Христѣ и дѣло Его переносить на судъ общественный.

И такъ Христосъ является на судѣ современнаго общества. Гдѣ мѣсто этого суда? Я затрудняюсь сказать. Это судилище слишкомъ обширно и вездѣ, гдѣ только общественная жизнь получаетъ свое развитіе въ духѣ и формахъ современности, тамъ въ средѣ ея—образуется и судъ общественнаго мнѣнія, по всѣмъ вопросамъ времени и жизни, не исключая вопросовъ

религіозныхъ. Словомъ сказать, Христось предстоить общественному суду всѣхъ образованныхъ народовъ. Какое опять явленіе!

Современное общество управляется въ своемъ духѣ идеями цивилизаціи; цивилизація предводительствуетъ и судомъ его. Какія мягкія формы придаетъ его суду эта цивилизація! Какія великолѣпныя правила предписываетъ для его дѣйствій! Современное общество хочетъ судить о людяхъ не иначе, какъ по внутреннему убѣжденію и совѣсти; оно высказываетъ полную терпимость въ отношеніи къ самымъ различнымъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, хотя бы само и не раздѣляло ихъ; оно любитъ оказывать величайшее снисхожденіе лицамъ подсудимымъ и всегда расположено болѣе извинять, даже оправдывать ихъ, чѣмъ осуждать; оно обращаетъ особенное вниманіе на личности и обстоятельства жизни и по нимъ хочетъ право судить о дѣлахъ людей; оно отвращается всякихъ тяжкихъ, жестокихъ каръ надъ самыми преступными людьми, и никакъ не позволяетъ ни себѣ ни суду никакихъ оскорбленій ихъ личности и поруганій. Что можетъ быть лучше на судѣ? Можно по этому ожидать, что и надъ Христомъ судъ общества будетъ не страшень, не жестокъ, что образованное общество будетъ даже не противъ Христа. Это ли божественное лицо не расположить къ себѣ цивилизованнаго общества?

Дѣйствительно, общество обращаетъ все вниманіе на личность Христа. Судъ, болѣе или менѣе уже знакомый съ Его Евангеліемъ по видимому восторгается Его личностію и кажется готовъ тотчасъ воскликнуть:

«какая свѣтлая, божественная личность! Какая кротость, добродѣтель, нравственная чистота проявляется во всемъ существѣ Его! Какая безконечная любовь къ человѣчеству дышетъ во всѣхъ чертахъ Его! И можетъ ли Онъ Своимъ ученіемъ, Своими правилами и дѣйствіями вести людей къ чему нибудь другому, кромѣ одного чистаго добра»? Далѣе, вѣлушиваясь въ Его ученіе и правила, и находя въ нихъ нѣчто понятное и какъ будто близкое къ себѣ судъ восклицаетъ: «да это тѣ самыя идеи, котерыя у насъ нынѣ господствуютъ, это духъ нашей современной цивилизаціи! Наша гуманность, наше уваженіе человѣческаго достоинства, благо свободы, особенно свободы совѣсти, наша терпимость въ религіи, наши идеи равенства и братства между людьми: все это утверждается и освящается Его ученіемъ! И какой у него кроткій, снисходительный, любвеобильный взглядъ на человѣчество, на его жизнь, на самыя его слабости и паденія! Онъ только и хочетъ облаженствовать жизнь человѣка на землѣ. Въ чемъ же Его обвинять? За что осуждать? Мы понимаемъ Его; Онъ нашъ и мы Его; вѣдь мы не Іудеи, наше время—не то время, когда за подобное ученіе распинали». И вотъ судъ по видимому готовъ немедля оправдать Христа и признать Его божественное достоинство.—Какъ это прекрасно!

Но нѣтъ!—«Нѣтъ, отвѣчаетъ этому суду самъ Христось; вы ошибаетесь. Вы неправильно понимаете Мое ученіе, смѣшивая Его съ своими идеями. Любовь къ человѣчеству, которую Я проповѣдую, любовь, соединенная съ чистотою сердца и съ дѣятельнымъ само-

отверженіемъ личности, ради блага другихъ, любовь, которой образъ и силу Я показываю Самъ въ Себѣ, готовый умереть за людей, и не лучшихъ только людей, а за всѣхъ вообще и самыхъ худыхъ, эта любовь вовсе не то, что ваша поверхностная, бездушная, безжизненная гуманность, которая только придаетъ мягкія формы вашимъ, грубымъ въ духѣ, нравамъ, только потворствуетъ человѣческимъ слабостямъ и готова жертвовать имъ строгостію нравственныхъ правилъ, но нисколько не мѣшаетъ вамъ ненавидѣть и убивать другъ друга, по побужденіямъ вашихъ страстей, особенно же тѣхъ страстей, жестокихъ и безчеловѣчныхъ, каковы ваши страсти народныя и политическія. То человѣческое достоинство, о которомъ вы любите провозглашать, совсѣмъ не то, которое Я имѣю въ виду и которое есть достоинство не общественное, совсѣмъ тѣмъ, что есть въ людяхъ, въ смѣси добраго и худаго, высокаго и низкаго, а достоинство возрожденное, облагодатствованное, не вашими понятіями и правами измѣряемое; свобода, о которой Я говорилъ въ Евангеліи, есть свобода духовная, свобода чистой, святой истины отъ всякаго давленія и преслѣдованія злой силы лжи и заблужденій человѣческихъ, свобода человѣка отъ оковъ нравственнаго зла, его связующихъ и подавляющихъ въ жизни, свобода внутреннихъ стремленій его къ высшимъ цѣлямъ безсмертнаго духа; а совсѣмъ не та свобода внѣшней жизни, личныхъ мнѣній и дѣлъ, о которой вы думаете и мечтаете. Я не знаю вашей свободы совѣсти, духомъ вашего времени изобрѣтенной, а преподаю людямъ положительное ученіе вѣры и прямо говорю: *кто не отречется, тотъ*

осужденъ будетъ (Марк. 16, 16). Я не допускаю вашей безразличной терпимости въ религіи, какъ вы ее сами понимаете, а говорю: *кто не со Мною, тотъ противъ Меня и кто ради Меня и Евангелія не отречется отъ всего враждебнаго Мнѣ, хотя бы то было самое близкое сердцу его, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Мат. 10, 37, 12, 30).—Напрасно вы примѣняете Мое ученіе къ своимъ идеямъ равенства между людьми; Я говорю совсѣмъ не о равенствѣ ихъ общественномъ, въ порядкахъ вашего мірскаго управленія; то равенство, которое Я проповѣдую и ввожу въ міръ, есть духовное, благодатное, равенство въ отношеніи къ Отцу небесному, котораго всѣ вы дѣти, въ правахъ, средствахъ и цѣляхъ вѣчнаго спасенія, къ которому вы всѣ равно призываетесь, нравственное равенство между всеми вами въ духѣ Евангельской любви, наконецъ равенство предъ закономъ и судомъ высшей, вѣчной правды: словомъ, равенство въ Моемъ собственномъ царствѣ, которое *не отъ міра сего*, и котораго видимый образъ, съ свойственнымъ ему духовнымъ управленіемъ, представляетъ въ мірѣ только основанная Мною церковь.—Вы думаете, Я пришелъ облаженствовать, возвеличать вашу земную, мірскую жизнь? Нѣтъ! Я несу на Себѣ и вамъ предлагаю—только крестъ.—Перестаньте же смѣшивать истину съ ложью, небесное съ земнымъ, Мое съ вашимъ. Перестаньте унижать Евангеліе Мое!»

Слушаетъ такую рѣчь Христа цивилизованное общество и тотчасъ перемѣняетъ свой тонъ. Оно начинаетъ угрюмо и подозрительно смотрѣть на Христа,

и уже охлаждается въ своихъ чувствахъ къ Нему. Это общество такъ непостоянно! А этимъ часомъ пользуется предатель и спѣшитъ объяснить обществу, разумѣется по своему, что Иисусъ Христосъ не только отрицаетъ лучшія, современныя идеи общественной жизни образованныхъ обществъ и народовъ, но и колеблетъ самыя основы ея; что Онъ проповѣдуетъ какое-то отреченіе отъ міра ради Его собственнаго, никому недовѣдомаго царства, и хочетъ наложить на всѣхъ и каждаго тяжелый крестъ, съ безграничнымъ самоотреченіемъ, будтобы единственнымъ условіемъ нравственнаго совершенства; что Онъ заставляетъ всѣхъ идти тѣснымъ путемъ скорбей и страданій, ради спасенія душъ, а всѣ широкіе пути міра отвергаетъ, какъ будто ведущіе людей къ неизбежной погибели; что Его ученіе само по себѣ не легкое, еще болѣе отягченное произвольнымъ толкованіемъ Церкви, угрожаетъ, если будетъ оставлено въ силѣ, внести въ жизнь на всегда мракъ и темноту; наконецъ Церковь Его—учрежденіе уже совершенно устарѣвшее, явно враждебное всякому развитію общества.

И достигаетъ своей цѣли предатель; судъ раздражается, общество возстаетъ противъ Христа. «Какъ? Неужели мы всѣ должны оставить міръ и идти въ пустыни? Какъ? Неужели мы не имѣемъ права свободно наслаждаться жизнью, которую Богъ же далъ намъ, конечно, не для самоумерщвленія? Развѣ мы не можемъ имѣть свободнаго движенія впередъ всѣми данными намъ силами и средствами, а должны тѣсниться на мрачномъ пути старыхъ ученій, съ само-

уничженіемъ, съ отреченіемъ, отъ всего свѣтлаго и прекраснаго въ мірѣ, съ ненавистью къ самимъ себѣ и жизни, и кромѣ всѣхъ золь, преслѣдующихъ насъ на землѣ, еще должны сами себѣ строить произвольный крестъ, и подъ нимъ не жить а умирать? Наконецъ мы, съ нашимъ просвѣщеніемъ, съ нашей цивилизаціей, должны отдаться въ руки Церкви, съ ея отсталыми понятіями, съ ея грубымъ характеромъ, съ ея постояннымъ стремленіемъ къ своекорыстному преобладанію надъ совѣстью человѣческою? Нѣтъ, этому не быть! Намъ не нуженъ такой учитель. Если таково Его ученіе, то мы отвергаемъ Его во имя человѣчества; мы изгоняемъ Его изъ современнаго общества; мы не признаемъ Его правъ учительства и дѣйствованія въ средѣ образованныхъ народовъ. Да и къ чему это строгое христіанство? Развѣ не всѣ религіи равны, въ которыхъ исповѣдуются Богъ?»

Сказалось общество. Вотъ оно, это современное общество, въ настоящемъ его духѣ. Да, и тутъ Христосъ осужденъ, отверженъ. И тутъ Онъ страдаетъ и страдаетъ. А какъ вы думаете, эти страданія, безъ такихъ поруганій и насилій, какія были нанесены Христу на Іудейскихъ судилищахъ, менѣ ли должны быть тяжки, чѣмъ страданія того времени? Не только не менѣ, но еще болѣе глубоки и сильны; здѣсь страданія Христа невыразимы. Тамъ внѣшнимъ, тѣлеснымъ образомъ наругалось надъ Нимъ грубое невѣжество и дикость нравовъ: здѣсь нравственно базгеститъ Его утонченная образованность; тамъ онъ видѣлъ предъ собою мракъ заблужденій, почти безсознательныхъ,

при неполномъ еще раскрытіи Богостроенной истины, тамъ преслѣдовали Его люди, ничего не понимавшіе ни въ Немъ Самомъ, ни въ Его ученіи: здѣсь при явномъ свѣтѣ истины, при всемірномъ, вѣковомъ развитіи христіанства, со всѣмъ его достоинствомъ и силою, судятъ и осуждаютъ Его люди, имѣющіе возможность постигать высоту и святость Его ученія и дѣла; тамъ оскорбляема была Его личность и хотя люди оспаривали Его ученіе, но по крайней мѣрѣ спорили во имя Бога и Его закона, воображая, что Иисусъ учитъ и дѣйствуетъ вопреки имъ: здѣсь, не касаясь Его личности, обдуманно отвергаютъ все великое дѣло спасенія, Имъ совершенное, во имя только человѣчества, человѣческаго разума и свободы, представляя ихъ единственными основами истины и всякаго добра; а различную важность того и другаго обстоятельства объяснилъ самъ Иисусъ Христосъ, сказавъ: «кто произнесетъ хулу на сына человѣческаго, тому еще можетъ быть прощено, но кто выскажетъ хулу на Святаго Духа, тому не будетъ прощено». Тогда, какъ и нынѣ, главную тяжесть Его страданій составляли заблужденія и грѣхи всего міра, который Онъ искупилъ Своею кровію: но тогда эта тяжесть увеличивалась только внѣшнимъ образомъ, тѣлесными страданіями, которыя касались Его человѣчества, смиреннаго, уничиженнаго, скрывавшаго въ себѣ отъ глазъ міра Его Божество: нынѣ, безъ тѣлесныхъ страданій, буйство міра увеличиваетъ еще болѣе тяжесть искупительной жертвы тѣмъ, что дерзаетъ посягать на юсу'щащественнѣйшую сторону Его святой личности, на самое Божество Его, уже раскрытое и про-

славленное въ мірѣ, уже покорившее міръ. Какое изумительное ожесточеніе! Каковы должны быть нравственные страданія жертвы его! Но и какъ неизмѣрима сила, переносящая это ожесточеніе, еще болѣе—собственными страданіями отъ него искупающая его!

А вотъ еще новая пытка Христу. На судѣ общественномъ встрѣчаетъ Его толпа людей, которая обыкновенно бродитъ около образованнаго общества, а очень не рѣдко и проникаетъ въ него; людей, болѣе изъ молодаго поколѣнія, недоучившихся или перучившихся, постоянно фантазирующихъ и никогда ни о чемъ серьезно не мыслящихъ, мечтающихъ преобразовать весь міръ по схваченнымъ на лету изъ чужихъ головъ и книгъ идеямъ и теоріямъ, и отъ лѣни и невѣжества не знающихъ, что дѣлать съ самими собою, наконецъ людей, для которыхъ нѣтъ ни религіи, ни нравственности, ни законовъ, ни убѣжденій, ни семейныхъ и общественныхъ обязанностей и добродѣтелей, ни даже иногда—отечества. Такая то толпа имѣетъ свои особенныя побужденія слѣдить за общественнымъ судомъ надъ Христомъ,—и она теперь торжествуетъ Его осужденіе приговоромъ науки и общества. Она встрѣчаетъ Христа воплями дерзкихъ укоризнъ, грубой насмѣшки и хулы всякаго рода; она не прочь бы наругаться надъ нимъ и насиліемъ. Эта гнусная и жалкая роль слугъ іудейскихъ первосвященниковъ и римскихъ солдатъ предъ Христомъ повторяется и нынѣ.

Но я упоминалъ о молодомъ поколѣніи. Неужели

оно—то именно составляет эту грубую толпу? Я не говорю о немъ исключительно и безусловно. Безъ сомнѣнiя не все оно таково. Но кто первые и самые ревностные ученики и послѣдователи новыхъ, вольно-мысленныхъ учений? Кто боготворители чело­вѣческаго разума и свободы, откуда и возрождается вражда противъ Христа и предательство? Кто самые рьяные проповѣдники научнаго суда надъ Христомъ и проводники этого суда въ общество, а при случаѣ и лже-свидѣтели противъ Христа? И приходятъ здѣсь на память слова Спасителя, сказанныя—Іерусалимскимъ женщинамъ, которыя плакали, видя Его страданiя: *«не плачте о Мнѣ, плачте о себѣ и о своихъ дѣтяхъ; придутъ дни, когда будутъ называть блаженными не имѣющихъ дѣтей»*. (Лук. 23, 28, 29). О если бы эти страшныя слова не касались нашего молодого поколѣнiя!

Но судъ надъ Спасителемъ еще не оконченъ; окончанiе его увидимъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

БЕСѢДА 3.

НА УТРЕНИ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ.

Наконецъ Спаситель предается на судъ мірскихъ властей и сильныхъ земли. Гдѣ это? Главнымъ образомъ это тамъ, гдѣ ни одна религія не признается по преимуществу истинною и слѣдовательно господствующею въ народѣ, а всѣ религіи объявляются равноправными, гдѣ и религіозныя убѣжденiя считаются дѣломъ партій, также какъ и политическія мнѣнiя, гдѣ государства открываются и отдѣляются отъ Церкви, гдѣ и сама предержавшая власть признаетъ свое происхожденiе не отъ Бога, а отъ народа. И къ такимъ властямъ Спаситель міра долженъ предстать на судъ? И такія власти мірскія будто бы имѣютъ право суда надъ Его ученiемъ и дѣломъ? Да; вы знаете, что Иисусъ Христосъ уже былъ на судѣ Пилата, языческаго Римскаго правителя Іудеи, и самъ Христосъ сказалъ, что Пилатъ самъ по себѣ не имѣлъ бы надъ Нимъ никакой власти, если бы на тотъ разъ это не было дано ему свыше. И неоспоримо, что земныя власти

имѣютъ свой голосъ и силу по внѣшнему состоянію религіи. въ связи ея съ жизнью общества; но не хозяева они во внутренней силѣ религіи. Думалъ ли Пилатъ, когда осуждалъ Иисуса Христа на крестъ, что этотъ крестъ, самое позорное въ тѣ времена орудіе гражданской казни. получить, чрезъ самое распятіе на немъ Христа, такую силу, что и всецѣльная, всемірная Римская Имперія падетъ къ его подножію?

И такъ судятъ Спасителя сильные земли. «Откуда ты?»—спрашиваютъ они Его холодно и горделиво. Отвѣта нѣтъ: и къ чему? Если бы онъ отвѣчалъ: «Я изъ Назарета Галилейскаго»,—то безъ сомнѣнія не возбудилъ бы въ судьяхъ ничего, кромѣ презрѣнія къ Себѣ и отвращенія; а если бы Онъ сталъ раскрывать имъ Свое предвѣчное Божественное происхожденіе, то нашель ли бы у нихъ довольно внимательности, пониманія и еще нравственнаго достоинства къ тому, чтобы слышать эту непостижимую тайну. и наконецъ—вѣры? Но тутъ предатель, который при всемъ своемъ просвѣщенномъ развитіи, и надо прибавить при всей своей собственной гордости, иногда не прочь прибѣгнуть къ лести и челоуѣкоугодію, и принять на себя роль ревнителя охранительныхъ началъ, тогда какъ самъ весь проникнутъ началами самаго крайняго либерализма, тутъ предатель спѣшитъ представить Христа съ новой стороны и доносить власти, что этотъ народный учитель позволяетъ народу считать Себя за какого то *царя* и Самъ готовъ поддерживать это мнѣніе. Тогда сильные земли уже серьезно и подозрительно обращаются ко Христу съ вопросомъ: «Ты Царь?»

Какой же Ты Царь?»—Но суетна лесь предателя, напрасно подозрѣніе сильныхъ земли! *Царство мое не отъ міра сего*, вразумляетъ ихъ Христось; вы видите что у Меня нѣтъ партій, въ вашемъ смыслѣ этого слова; что у меня нѣтъ вооруженной и никакой другой, внѣшней, мірской силы; Царство Мое—область *истины*; Я пришелъ явить міру вѣчную истину, и кто исповѣдуетъ и осуществляетъ въ жизни эту истину, тотъ и членъ Моего царствія».—Такое объясненіе успокоиваетъ судей, и они уже не опасаются за себя и за свои царства. Но тутъ мѣсто затронувшихъ на минуту душу подозрѣній, заступаетъ полнѣйшее равнодушіе къ вопросу о Христѣ и Его дѣлу, и только какъ бы мимоходомъ, безъ всякаго вниманія, задается вопросъ; «а что такое истина?»—И сказавъ эти слова и даже не дожидаясь отвѣта (такъ мало они занимаются дѣломъ истины), судьи готовы совсѣмъ оставить Христа.—Вотъ и весь судъ; кратко и легко: неправда ли? Однакожъ, что же можетъ сдѣлать такой судъ? Какое рѣшеніе и на какихъ основаніяхъ онъ можетъ постановить о Христѣ? И онъ осудитъ Христа? Нѣтъ онъ кажется готовъ спокойно признать Христа ни въ чемъ неповиннымъ.—Вотъ, подумаешь, судъ милостивый, хотя и поверхностный и невнимательный! Тутъ во крайней мѣрѣ прекращаются страданія Христа, Его ученіе и дѣло оставляются неприкосновенными; Онъ Самъ оправданъ.—Увы, это не оправданіе Его! Еще нѣтъ конца Его страданій. Понятно ли, какой смыслъ имѣетъ это поспѣшное объявленіе Иисуса Христа невиновнымъ? Онъ, думаютъ судьи, не касается гражданскихъ порядковъ, не посягаетъ на мірскія цар-

ства, не трогаетъ нашей власти и силы; поэтому намъ нѣтъ причины осуждать Его. А что Онъ говоритъ о своемъ царствѣ не отъ міра сего, объ истинѣ, которую Онъ проповѣдуетъ, то входитъ въ это дѣло мы не считаемъ нужнымъ.— Это ли оправданіе? Нѣтъ, это только выраженіе совершеннаго равнодушія къ религіи, крайняго либерализма, грубое дѣйствіе основнаго начала новѣйшей государственной жизни—свободы совѣсти и вѣроисповѣданій. «Не будь врагомъ общественнаго порядка и предержащей власти; а въ религіи можешь думать, чувствовать, какъ хочешь; на это нѣтъ суда». Правда, скажемъ и мы, судъ человѣческой не имѣетъ правъ надъ совѣстью и религіею; это область суда Божія. Но развѣ судъ человѣческой не обязанъ самъ для себя и для общественной жизни различать истину и ложь въ дѣлѣ религіи, также какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ? Развѣ судъ человѣческой имѣетъ право уравнивать въ свободѣ ложь и истину, и такимъ образомъ ставить ихъ въ нескончаемую и непримиримую борьбу между собою, и такъ сказать топтать истину религіи въ грязь всякихъ заблужденій, страстей и золь, къ которымъ только способна нравственно испорченная совѣсть людская, неограниченная и ложно направленная свобода?

Вамъ можетъ казаться, братія мои, что я только навожу краски новаго времени на старую картину суда Пилатова, и думая такъ, вы можетъ быть находите, что я измѣняю внутренній характеръ этой картины, смѣшиваю духъ различныхъ временъ, лицъ и дѣлъ человѣческихъ? Нѣтъ; скорѣе сказать, я беру краски

древняго времени и, прилагая ихъ къ новому, даю видѣть, какъ мало свѣжести потеряли онѣ для послѣдняго и какъ много черты послѣдняго напоминаютъ первое. Одинъ и тотъ же по существу міръ, прежде мало развитый, нынѣ много развитый, судитъ Христа. И тотъ либерализмъ въ религіи, о которомъ я сейчасъ говорилъ, развѣ есть исключительная принадлежность новаго времени? Римъ и его агентъ Пилатъ были въ свое время очень и очень не малые либералы въ религіи. Римляне имѣли обычай свозить въ Римъ боговъ отъ всѣхъ побѣжденныхъ народовъ и допускали у себя и сами себѣ позволяли безразличное, всенародное ихъ чествованіе на ряду съ національными божествами. Это было не то, что называется вѣротерпимостію, а совершенное безразличіе (индефферентизмъ), еще болѣе полнѣйшее бездушіе въ религіи, Пилатъ совершенно выразилъ этотъ безхарактерный либерализмъ, этотъ духъ, это бездушіе своего правительствования и народа.— Только къ чему наконецъ привело Римъ его безразличіе и бездушіе? Привело къ тому, что религія сдѣлалась посмѣшищемъ въ народѣ, предметомъ презрѣнія и отвращенія серьезныхъ умовъ; привело къ крайней въ жизни народа безнравственности, которая растлила и ослабила весь государственный и народный организмъ и наконецъ погубила Римскую Имперію. А христіанство, гонимое и уничижаемое, восторжествовало на самыхъ развалинахъ имперіи. Какія послѣдствія могутъ быть и отъ новѣйшаго либерализма въ религіи? Ожидаемъ и трепещемъ!

Возвратимся ко Христу. Христа, уже поруганнаго

и презираемаго, наконецъ выводятъ къ народу, не съ тѣмъ однакоже, чтобы въ виду народа серьезно и правдиво изслѣдовать дѣло, а только для того, чтобы выставивъ Христа народу на презрѣніе и посмѣяніе, услышать о Христѣ голосъ народа, и сообразно тому покончить дѣло, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Народъ,—или нѣтъ, не такъ я сказалъ; народъ любитъ Христа, вѣруетъ въ Него, и въ простотѣ вѣры поклоняется Ему; здѣсь толпа тѣхъ людей, о которыхъ мы говорили въ прошедшій разъ, которые по своимъ мыслямъ и цѣлямъ желали бы такъ преобразовать все суды въ мірѣ, чтобы они судили и преслѣдовали только истину и вѣру, а не ложь и безвѣріе, которые съ какимъ-то особеннымъ, дикимъ наслажденіемъ любятъ видѣть освобожденіе даже такихъ лицъ, какъ напримеръ упоминаемый въ Евангеліи Варавва. Эта толпа съ нетерпѣніемъ ждетъ окончательнаго рѣшенія вопроса о Христѣ, или лучше сказать, съ нетерпѣніемъ ждетъ уничтоженія всякой вѣры въ него и возможности выказать все свое ожесточеніе противъ Христа. И вотъ едва Христосъ въ страдальческомъ, достойномъ слезъ видѣ, является предъ этой толпою, едва легкомысленные судьи Его высказываютъ мысль о возможности освободить Его, какъ существо безвредное, толпа мятется и раздражается. «Освободите лучше разбойника!»—кричитъ она въ безуміи и самозабвеніи.—«Но это учитель истины», возражаютъ судьи разсѣянно, полусерьезно, полунасмѣшливо; это царь духовнаго царства!»—«Не нужно намъ ни какого учителя истины, отвѣчаетъ толпа; нѣтъ истины безусловной; мы не знаемъ и не хотимъ никакого духовнаго

царя и духовнаго царства. Мы граждане міра». «Что же дѣлать съ Христомъ?»—Смятеніе увеличивается, бѣшенство толпы возрастаетъ.—«Смерть Ему! Конецъ христіанству!» Вдругъ раздается возгласъ изъ толпы: «не нужно намъ Христа и христіанства и никакой религіи. Распятъ Его!»—Судьи какъ будто смущаются отъ этихъ возгласовъ; въ нихъ какъ будто возникаетъ борьба чувствъ: и сожалѣніе о Христѣ, кроткомъ и смиренномъ, страдающемъ, невинномъ, и—опасеніе за дальнѣйшія послѣдствія буйства толпы. Слова: *не имамы царя, или тыся другъ Кесаревъ*,—всегда грозно звучатъ для этихъ судей. И удивительно ли, что этотъ судъ, безъ твердыхъ убѣжденій, безъ достаточнаго понятія истины, безъ вниманія и уваженія къ религіи, движимый только мыслию о полнѣйшей религіозной свободѣ въ обществѣ, удивительно ли, что такой судъ колеблется и готовъ наконецъ уступить безумной толпѣ? Но онъ хочетъ свою уступку по крайней мѣрѣ облечь въ приличную форму; свою несправедливость и нравственное безсиліе, онъ думаетъ прикрыть въ глазахъ народа торжественнымъ заявленіемъ своего мнимаго безпристрастія; и въ эти ужасныя минуты, когда идетъ дѣло не только о жизни невиннаго лица, но о спасеніи и о Спасителѣ всего міра, судъ прибѣгаетъ къ театральной сценѣ; онъ предъ всемъ народомъ умываетъ свои руки. «Неповинны мы въ страданіяхъ этого праведника»,—восклицаютъ судьи, безъ всякаго убѣжденія ума и сердца, и отдаютъ Христа на распятіе,—новое послѣ того, какъ Онъ былъ распятъ въ Іудеѣ. Нынѣ Онъ распинается среди образованнаго,

христіанскаго міра. И Онъ, жертва любви за спасеніе міра, готовъ, идетъ снова на крестъ!

Итакъ предъ нашими глазами повторяется вся Іудейская исторія страданій Христовыхъ; просвѣщенный міръ нашего времени точно также, какъ невѣжественный міръ восемнадцать вѣковъ назадъ, распинаетъ Христа. Неужели же нѣтъ и нынѣ защитниковъ Христа? Неужели не нашлось такихъ, преданныхъ Ему послѣдователей, которые рѣшились бы вступитъ въ борьбу за Него со всею ложью и зломъ вѣка? А Его посвященные служители и преемники Апостоловъ? Почему не подвизаются за Него они, призванные и обязанные къ тому прежде и болѣе, чѣмъ ктонибудь? Гдѣ же они и что они дѣлаютъ?—Мы здѣсь, братія мои, всѣ на своихъ мѣстахъ; мы видимъ и слышимъ все; но не думайте, что мы остаемся спокойными въ виду страданій нашего Учителя. Мы страдаемъ вмѣстѣ съ Нимъ и за Него; все презрѣніе и ненависть міра къ Нему, падаетъ и на насъ; всѣ дерзости, оказанныя Ему словомъ или дѣломъ, поражаютъ и насъ; тѣ узы, которыми хочетъ связать Его міръ, чтобы не дать Ему свободы дѣйствованія въ мірѣ, связываютъ и насъ. И развѣ ликій вопль толпы: «распятъ Его», не есть также приговоръ и противъ насъ? И когда эта толпа, да и не одна она, а и великая часть современнаго міра, провозглашаетъ во имя просвѣщенія и свободы уничтоженіе христіанства и Церкви и вообще религіи, развѣ не мы первые должны быть жертвами, когда бы эти возгласы стали наконецъ переходить изъ безумныхъ головъ въ дѣйствительность?

Но мы утѣшаемъ и воодушевляемъ себя именно тѣмъ, что страдаемъ вмѣстѣ со Христомъ, хотя наши доли въ Его страданіяхъ не болѣе, или можетъ быть еще менѣе, чѣмъ капля въ морѣ. Мы утѣшаемся, зная и свято сохраняя тайну, которой міръ не понимаетъ: это именно тайна самой смерти Христовой. Что значитъ все буйство міра противъ Христа, всѣ усилія человѣческаго разума противъ христіанства, вся ярость безумной толпы, вызывающая Христа на распятіе, когда это самое распятіе есть средство, единственное, всемогущее средство искупленія человѣчества и предопредѣлено отъ вѣчности? Что торжествуетъ міръ, проливая кровь Христа, когда эта самая кровь есть жизненная сила въ возрожденіи и обновленіи міра? Что такое наконецъ самая смерть Христова? Не болѣе, какъ тридневный сонъ, за которымъ слѣдуетъ воскресеніе. Вотъ наше утѣшеніе, сокровище нашей вѣры и упованія, наша сила и, прибавимъ во имя Христа, наше торжество въ Церкви Его, чтобы ни мыслилъ и ни дѣлалъ міръ. Мы не боимся за Христа, и, не боясь за Него, не страшимся за христіанство, за Церковь и за себя.—Еще тысячи лѣтъ пройдутъ въ борьбѣ міра съ христіанствомъ; еще тысячи крестовъ зло міра устроитъ Христу, и Онъ всѣ эти кресты понесетъ на Себѣ и пострадаетъ на нихъ за самихъ же людей и каждая капля пролитой Имъ крови за нихъ будетъ токомъ новой жизни для истлѣвающаго организма растлѣннаго міра. Очень можетъ быть, что безвѣріе и безнравственность міра дойдутъ наконецъ до открытыхъ гоненій на христіанство: тогда возвратятся первые вѣка Церкви съ ея торжествующимъ мучени-

чествомъ, и она явится въ новой силѣ; тогда истинные послѣдователи Христа, теперь большею частью сокровенные и безмолвствующіе среди буйнаго міра, и впереди ихъ—истинные Пастыри Христова стада выступятъ на открытые подвиги вѣры, и на всѣ дикіе возгласы безвѣрія: «смерть Христу!»—будутъ отвѣчать съ неодолимою силою вѣры: «Христосъ воскрес!»

БЕСѢДЫ

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЕЛИКАГО ПОСТА
1868 года.

БЕСѢДА I

въ воскресный день шестой недѣли, (24-го марта).

Свѣтлости настоящаго церковнаго празднованія не будетъ противно, если я, братія мои, нынѣ же начну мои бесѣды съ вами о страданіяхъ Спасителя. Самое торжественное вшествіе Его въ Иерусалимъ не было ли именно вступленіемъ на путь крестныхъ страданій? Но прежде всего меня озабочиваетъ мысль, съ какими чувствами вы будете воспоминать Его страданія? Если души ваши будутъ проникнуты глубокимъ вниманіемъ, умиленіемъ, благоговѣніемъ, если вы будете постигать всю глубину нравственнаго значенія смерти Его, какъ смерти святѣйшаго Лица за чистѣйшую истину и величайшее добро, явленное отъ Него людемъ, если вы будете видѣть въ Немъ самый высокій образецъ жизненнаго подвига для всѣхъ насъ, то скажу: все это истинно, прекрасно. Но все ли тутъ, что нужно? Помните ли вы, понимаете ли, чувствуете ли, что всѣ эти страданія были за насъ? Сознаете ли, что не

только всѣ и каждый изъ васъ внесли свои доли горечи въ чашу Его страданій, но что именно ваши души въ современномъ мірѣ, ваши дѣла въ современной жизни усиливали тяжесть Его креста и горечь Его смерти? Убѣждены ли вы по этому, что Его крестная жертва была именно для васъ въ настоящее время необходима, и теперь составляетъ единственное средство искупленія вашего во злѣ нынѣшняго вѣка, что ею только вы нынѣ спасаетесь и еще не погибли?—Это я говорю вашему сознанию, вашему уму и сердцу; но чрезъ васъ я говорю вообще нашему времени. Оно—то, это время, вызываетъ такіе вопросы и оно же само отъ себя даетъ свои вопросы. «Почему бы, говоритъ оно, и нынѣ могли быть нужны такія страданія Спасителя? Если грубое невѣжество и дикая безнравственность древнихъ временъ не только не способны были понимать чистую истину и цѣнить высокое добро, не только не давали человѣку способъ и силъ выдти изъ мрака умственного и глубокой порчи нравственной, но и самыхъ дѣятелей истины и добра предавали жестокимъ страданіямъ и дѣлали ихъ жертвами преобладавшаго въ мірѣ зла: то наде ли время, XIX ли вѣкъ не способенъ понимать истину и цѣнить дѣйствительное добро? Неужели нашъ вѣкъ не въ состояніи былъ бы признать и по достоинству оцѣнить такую высокую, дивную личность, какъ Иисусъ Христосъ? Неужели современное человѣчество своимъ просвѣщеніемъ и нравственнымъ саморазвитіемъ не могло бы искупить само себя, т. е. количествомъ и качествомъ своихъ знаній и дѣлъ перевысить мѣру значеніе и силу еще остающихся въ немъ заблужденій

и золь? А если человѣку и нынѣ нужно снисхожденіе и прощеніе Вышней Любви и удовлетвореніе Вышней Правдѣ,—то почему бы и нынѣ для этого прощенія и удовлетворенія требовалась крестная жертва, нынѣ, когда человѣчество разумно убѣждается, что любовь и правда, тѣмъ болѣе конечно любовь и правда высшая, не можетъ удовлетворяться за зло зломъ, т. е. страданіемъ людей, даже виновныхъ, а тѣмъ болѣе невинныхъ, что она можетъ удовлетворяться только лучшею и болѣе достойною ея жертвою, именно самоотрѣченіемъ человѣка отъ зла и возрожденіемъ къ добру, въ чемъ нельзя намъ отчаяваться за человѣка? А если уже нужно страданіе, то мало ли еще человѣкъ страдаетъ въ жизни отъ всякаго зла, чтобы еще требовать насильственныхъ страданій въ одномъ избранномъ лицѣ за всѣхъ, и притомъ еще Лицѣ невинномъ и необыкновенномъ? Не должны ли поэтому страданія Христовы оставаться для нашего времени только памятникомъ заблужденій и золь стараго міра, и только въ отношеніи къ нему имѣть значеніе искупительной жертвы; а для насъ все значеніе должно заключаться только въ ученіи Спасителя?»

Таковы мысли нашего времени. Надобно поэтому доказать нашему времени, что и для него необходима искупительная и именно страдательная жертва, что Христосъ пострадалъ и за него, за все его зло, также какъ за грѣхи всѣхъ временъ, прошедшихъ и будущихъ, что безъ этой жертвы и современное человѣчество также, какъ древнее, погибало бы во злѣ, и еще можетъ погибнуть, если не признаетъ и не ус-

идти себѣ вполнѣ всей искупительной силы этой жертвы.

Трудно ли доказать это? Когда вы видите человѣка умнаго, образованнаго, обладающаго обширными и разнообразными познаніями, но видите и то, что этотъ человѣкъ при всемъ своемъ умѣ и просвѣщеніи увлекается превратными и ложными понятіями, вдается въ тяжкія и вредныя заблужденія, когда замѣчаете, что онъ не только не сознаетъ своихъ заблужденій, но еще упорствуетъ въ нихъ, и намѣренно обходя пути истины, обращая свои ложныя мнѣнія въ убѣжденія, хочетъ сообразовать съ ними свою жизнь и дѣла: не находите ли вы его состояніе жалкимъ и несчастнымъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе въ немъ ума и просвѣщенія? Не желаете ли вы, чтобы передъ нимъ явился какой нибудь другой, высшій его умъ, свѣтъ болѣе чистаго и высокаго просвѣщенія, и вывелъ бы его изъ мрака? А когда наконецъ такой человѣкъ вступаетъ въ открытую борьбу съ истиною, отвергаетъ ее, всю силу своего ума и познаній направляетъ къ колебанію святыхъ убѣжденій сердца, когда въ своихъ идеяхъ строить и проводить въ жизнь грубыя системы безвѣрія и безнравственности:—тогда не убѣждаетесь ли вы, что этотъ несчастный погибаетъ и увлекаетъ за собою всѣхъ ему послѣдующихъ? Даже не сознаете ли, что только самъ Богъ можетъ собственнымъ откровеніемъ истины спасти и просвѣтить заблуждающаго, даже не пожелаете ли наконецъ, чтобы какіе нибудь тяжкіе опыты жизни вразумили его и обратили на путь истины?—Въ самомъ дѣлѣ, что нужно для спасенія та-

кого человѣка? Нужна такая особенная, болѣе, чѣмъ его умъ и просвѣщеніе чистая, свѣтлая и крѣпкая нравственная сила, которая заставила бы его не путемъ насилія, а путемъ внутренняго перерожденія принести въ жертву истинѣ свои заблужденія; нужно чтобы нашелся такой возвышенный умъ или духъ, который сталъ бы жрецомъ при этой жертвѣ, чтобы совершить ее въ душѣ заблуждающаго человѣка, который взялъ бы на себя тяжкое и великое дѣло собственной нравственной силою поборотъ и передѣлать къ лучшему все зло, которое этотъ человѣкъ въ своихъ заблужденіяхъ сдѣлалъ себѣ и другимъ, который наконецъ готовъ былъ бы въ борьбѣ съ мракомъ и зломъ принести самъ себя въ жертву—истинѣ и спасенію человѣка. Въ исторіи человѣческаго просвѣщенія извѣстны такія жертвы. И съ одной стороны какія тяжкія, великія бѣдствія требовались отъ людей, отъ обществъ, отъ цѣлыхъ народовъ въ очищеніе заблужденій, и общихъ ихъ, и въ особенности тѣхъ передовыхъ умовъ, которые ими руководили, съ другой стороны какая драгоцѣнная для человѣчества жизнь, иногда насильственно умирала, какая благородная кровь проливалась въ жертву для утвержденія истины и искупленія ложныхъ убѣжденій мрачныхъ временъ! Но эти жертвы были не выше—человѣческія и не много спасали истину и человѣка.

Наше ли просвѣщенное время думаетъ спастись безъ жертвъ?—Объ этомъ разсудимъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

БЕСѢДА 2

въ понедѣльникъ страстной недѣли и день Благо-
вѣщенія, (25-го марта).

Какъ свѣтлою зарею утра, начинается нерѣдко пасмурный день; такъ свѣтлымъ днемъ Благовѣщенія начинается нынѣ у насъ страстная седмица. И какъ не смотря на то, что и въ пасмурный день солнце восходитъ и свѣтитъ, хотя за облаками, день кажется еще пасмурнѣе, когда у человѣка пасмурно въ душѣ: такъ хотя свѣтъ Благовѣщенія, предвозвѣстившаго міру рожденіе отъ дѣвы Богочеловѣка и въ Немъ спасеніе міра, проникаетъ теперь сквозь мрачные образы страданій Христовыхъ; но эти образы въ настоящіе дни представляются намъ еще болѣе мрачными, отъ мрачной думы и скорби въ душѣ мыслящей. Да, страданія Спасителя великія и тяжкія, являются еще болѣе знаменательными и ужасными, когда прилагаемъ ихъ значеніе къ нынѣшнимъ временамъ.

Въ прошедшей бесѣдѣ мы остановились на томъ: наше ли просвѣщенное время, современные ли умы

въ ихъ направленіи по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, думаютъ спастись безъ искупительной жертвы? Я уже не говорю о томъ, что никакое чело-вѣческое просвѣщеніе не спасаетъ отъ ошибокъ и заблужденій, что всякія ошибки и заблужденія требуютъ для своего исправленія жертвъ, не только жертвы мнѣній и убѣжденій, признанныхъ ложными, но и жертвъ болѣе или менѣе важныхъ въ самой жизни, какъ скоро обращаются въ дѣла жизни. Наше ли время, повторяю, не требуетъ очистительной жертвы? Это стремленіе основать всякое познаніе разума на началахъ физическихъ, опытныхъ, даже вещественныхъ, помимо началъ высшечувственныхъ, это направленіе всякаго научнаго познанія къ отрицанію чисто духовныхъ сторонъ въ существѣ и бытіи міра и чело-вѣка, это намѣреніе затемнить, спутать, сгладить, и наконецъ какъ бы вовсе исторгнуть изъ сознанія чело-вѣческаго самую идею Верховнаго Существа и Его вседержительныхъ отношеній къ міру, это усиліе всѣхъ важнѣйшіе вопросы духа и жизни рѣшать безъ участія религіи и самую религію подчинять свободѣ чело-вѣческаго ума и совѣсти, эта соединенная работа современныхъ умовъ, явная и тайная, надъ предположенною задачею переработать основныя, самыя жизненныя убѣжденія цѣлаго чело-вѣчества, религіозныя, нравственныя, и въ замѣнъ ихъ положить новыя, совсѣмъ другія, ужь во все нерелигіозныя основы для его нравственнаго развитія и дѣятельной жизни: пройдетъ ли все это даромъ? Не вызоветъ ли рано или поздно, въ наше время или послѣдующее, сильныхъ потрясеній въ жизни обществъ и народовъ, и тогда—

что ожидаетъ чело-вѣчество? Оно должно будетъ принести величайшія жертвы въ искупленіе своихъ вольныхъ заблужденій, должно будетъ неминуемо пострадать, пострадать потому, что настоящія стремленія его умовъ неуравильны и сами въ себѣ носятъ начала разрушительныя, изъ которыхъ не можетъ произойти въ жизни ничего, кромѣ страданій.

Страшно представить себѣ все это.—Такъ остается одно средство спасенія: да явится въ мірѣ высшій Умъ, который въ состояніи былъ бы изобличить всѣ современныя заблужденія чело-вѣчества и сообщить ему полнѣйшій свѣтъ истины, который бы самъ въ себѣ обладалъ чрезвычайною, неодолимою силою убѣжденія для людей, и ею покорилъ бы себѣ ихъ умы и сердца въ полномъ ихъ современномъ развитіи, который бы открылъ и указалъ міру совсѣмъ новый путь вѣдѣнія непогрѣшимаго, который бы имѣлъ настолько силы въ самомъ себѣ, чтобы вступитъ въ открытую и рѣшительную борьбу со всѣми современными умами, со всѣмъ оружіемъ ихъ просвѣщенія, со всѣми силами ихъ идей и стремленій.—Какой это можетъ быть умъ? Не скажу, потребенъ умъ великій или величайшій, это можетъ быть умъ только высшечело-вѣчскій; высшечело-вѣчскій по всему, по происхожденію, по силамъ, по идѣямъ, по вѣдѣнію, по направленію, выше-чело-вѣчскій уже потому, что долженъ былъ бы торжественно начать и побѣдоносно кончить борьбу со всѣмъ современнымъ чело-вѣчествомъ и стать выше всѣхъ его слабостей и ошибокъ. Но и этотъ умъ неизбежно пострадалъ бы въ этой

борьбѣ; онъ положилъ бы въ ней свою жизнь, потому что заблуждающее человѣчество, не въ силахъ бывъ одолѣть его умственною и нравственною силою, подвергло бы насилію его жизнь, и его жизнь стала бы искупительною жертвою заблужденій человѣческихъ, удовлетвореніемъ за нихъ вѣчной Истинѣ и Правдѣ, предъ судомъ Разума безпредѣльнаго, промышленности о человѣчествѣ.

Что же? И такъ ожидать новаго откровенія свыше, новаго искупленія, новаго креста?—Но за чѣмъ же ожидать, когда уже *совершилася*? Я только хотѣлъ выяснитъ совершенную необходимость искупительной жертвы Христовой—собственно для нашего времени. И когда видимъ Спасителя, послѣ откровенія людямъ истины, уже готоваго идти за нее на крестъ и молящагося за міръ до кроваваго пота, когда видимъ, какъ Спаситель умоляетъ своего Отца небснаго, именно этою своею готовностью принести Себя въ жертву за міръ умоляетъ, дать своему Сыну столько силы и власти и славы въ мірѣ, чтобы утвердить въ мірѣ истину и жизнь вѣчную, чтобы при посредствѣ Сына, человѣчество охранено было вседѣйствующимъ именемъ Вышняго, освящено было Его животворнымъ словомъ, когда молить, *да вси едино будутъ*, не въ единствѣ только вѣры и любви между собою, но и въ духовномъ единеніи съ самимъ Спасителемъ, а чрезъ Него съ Отцомъ Небеснымъ; думать ли, что эта дивная молитва относилась только къ міру Іудейскому или языческому, которые тогда отжили свой вѣкъ и должны были пасть безвозвратно, или только къ первымъ вре-

менамъ христіанства, когда еще нужно было укрѣпить его въ борьбѣ съ Іудействомъ и язычествомъ? Не слышится ли лучше въ этой молитвѣ голосъ за другой міръ, міръ новый и времена позднѣйшія, столько уклоняющіяся отъ истины и жизни вѣчной, столь далекія отъ благодатнаго освященія именемъ и силою Вышняго, столько разъединяющія человѣчество въ духѣ и мысляхъ и съ самимъ собою и съ Богомъ? Или когда Іисусъ Христосъ съ Его Божественнымъ достоинствомъ, съ Его безграничнымъ умомъ, съ Его непобѣдимою силою нравственнаго дѣйствія надъ людьми, такъ смиренно и покорно отдается въ руки грубыхъ и невѣжественныхъ людей ничего въ Немъ не понимавшихъ, и такъ жестоко страдая отъ нихъ, уже на крестѣ молится за нихъ, да проститъ имъ Отецъ небесный, *не видятъ бо что творятъ*: не ясно ли, что не эта одна бессмысленная жестокость тѣхъ людей и вообще тогдашняго времени составляла всю тяжесть Его страданій? Нѣтъ, другія времена и люди, болѣе развитые и просвѣщенные, заставляли Спасителя страдать еще болѣе жестоко въ духѣ, отъ ихъ послѣдующихъ дѣлъ и событій, чѣмъ сколько Онъ страдалъ въ тѣлѣ отъ людей и дѣлъ, Его окружавшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, такіе ли умы, какъ Каиафа, Иродъ, Пилатъ, которыхъ Спаситель не удостоивалъ даже прямыхъ отвѣтовъ на ихъ несмысленные вопросы, могли рѣшить вопросъ о такой великой жертвѣ? И одни ли такія заблужденія, какъ языческія и Іудейскія, могли требовать такого необъятнаго, непостижимаго искупленія? Нѣтъ; страшно заблуждающее просвѣщеніе, въ средѣ самого христіанства, губительная

для человечества ложь на верху его умственного развития, вотъ что должно было вызывать всѣ страданія, всю силу чрезвычайной искупительной жертвы; и жертва принесена за новѣйшія времена и умы, болѣе чѣмъ за всѣ древніе.

Не постигаетъ современное просвѣщеніе этой великой жертвы? Не цѣнитъ ее? Не хочетъ усвоить ее себѣ вѣрою? Жертва останется въ своей силѣ и спасетъ души вѣрующія; а ложное, злое просвѣщеніе падетъ само собою и таже благодатная сила крестной жертвы воздвигнетъ новыхъ, вдохновенныхъ и самоотверженныхъ проповѣдниковъ Евангелія изъ среды, можетъ быть менѣе просвѣщенной міромъ, но болѣе неповрежденной его просвѣщеніемъ; и эти новые Апостолы снова просвѣтятъ міръ высшимъ свѣтомъ истины Христовой, и такъ будетъ дотождѣ, когда наконецъ весь христіанскій міръ по непреложному слову Евангелія будетъ *поклоняться Богу духомъ и истиною* и всѣ вѣрующіе достигнутъ единенія вѣры и познанія Сына Божія, за насъ пострадавшаго.

БЕСѢДА 3

въ среду страстной недѣли, (27 марта).

Въ предъидущей бесѣдѣ мы разсуждали о современномъ просвѣщеніи. Если наше время такъ высоко цѣнитъ свое просвѣщеніе, такъ много полагается на него, что во имя его готово отрицать самую искупительную жертву Богочеловѣка за міръ: то также высоко будетъ оно цѣнить свою нравственность? Не станемъ спорить, что въ наше время нравственные понятія вообще гораздо вѣрнѣе, чище и возвышеннѣе, чѣмъ въ пражнія времена, что чувство и уваженіе человѣческаго достоинства, человѣколюбіе, понятіе правъ и требованіе справедливости, идея свободы и равноправности людей, развитіе нравственно-разумныхъ началъ жизни общественной—все это очень значительно возвышаетъ наше время надъ всѣми прошедшими. Но сознаетъ ли, помнитъ ли современный міръ, откуда взяты и выработаны эти понятія, чѣмъ и какъ онѣ очищены и возвышены? Такія понятія могли быть выработаны только изъ глубины христіанства; она

очищены и возвышены искупительной жертвой Спасителя міра. Какъ высокъ долженъ быть человѣкъ, какъ велико его человѣческое достоинство, когда ради его потребовалась такая великая Жертва! Какъ велика должна быть правда и любовь, какъ возвышенно всякое добро въ человѣчествѣ, когда правда Божественная потребовала, а любовь Божественная принесла такую великую Жертву! Жертва—цѣна предмета, за который приносится.

Нѣтъ, мало помнить и сознаетъ наше время великость этой Жертвы! Не говоря уже о томъ, что всѣ лучшія нравственныя понятія оно любитъ приписывать только собственному развитію, какъ много порчи вноситъ оно въ самыя христіанскія понятія! Какъ повреждаетъ свое нравственное ученіе, когда хочетъ утвердить его внѣ основаній и духа истиннаго христіанства! Какъ заблуждаетъ именно тамъ, гдѣ хочетъ провести свою нравственную философію помимо креста Христова! Къ чему эти безпрестанныя, кстати и не кстати, возгласы о человѣческомъ достоинствѣ, когда тутъ разумѣется достоинство только естественное, со всѣми недостатками и поврежденіемъ человѣческой природы, а не то достоинство возрожденное и обновленное, которое раскрыто и утверждено въ насъ благодатнымъ искупленіемъ на крестѣ? Что много говорить о любви къ человѣку, когда въ основѣ этой любви нѣтъ отреченія отъ своего я, нѣтъ самоотверженной безусловной преданности истинному благу человѣчества, даже до готовности жертвовать ему своею личностью и жизнію, словомъ нѣтъ той любви, кото-

рой духъ и образецъ показанъ міру, осуществленъ и завѣщанъ намъ въ крестной жертвѣ Богочеловѣка! Какая можетъ быть правда въ мірѣ, когда идея и сила правды заключается только въ законѣ и судѣ человѣческомъ, всегда недовольно ясномъ и полномъ, всегда измѣнчивомъ, не проникающемъ въ совѣсть человѣческую, а если и утверждающемся на совѣсти, то совѣсти вполне ли очищенной и возвышенной сознаниемъ и чувствомъ той высшей, вѣчной Правды, которая неизмѣнно царствуетъ надъ человѣчествомъ, надъ его внутреннею нравственною жизнію, опредѣляетъ для него вѣчные законы разумно-нравственной жизни, и которая открыта міру и удовлетворена за міръ Голгоетскою Жертвою? Какую цѣну можетъ имѣть та человѣческая свобода, которой нынѣ домогаются всѣ народы, надъ которой такъ усиленно трудятся современные умы и нравы, если нѣтъ въ человѣчествѣ той внутренней нравственной свободы, которая искуплена и обезпечена намъ смертію Спасителя? Какіе плоды можетъ приносить все усиленное развитіе общественной жизни, съ ея равноправностью, религіозною терпимостью, и со всѣми тѣми преимуществами, какими отличается современное развитіе народовъ, если эти преимущества ограничиваются только внѣшнею жизнію людей и ихъ гражданскими соотношеніями между собой, а внутренняя жизнь людей, народовъ и цѣлаго человѣчества не будетъ соединена въ одинъ духъ, не воплощена въ одно нравственно-общественное тѣло тѣмъ духовнымъ союзомъ, какимъ Иисусъ Христосъ въ Своемъ крестѣ соединилъ насъ съ Собою и съ Богомъ?

Правда, современный міръ какъ будто не отрицаетъ, что лучшія и высшія нравственныя понятія возникаютъ изъ христіанства; но за чѣмъ забываетъ то, что составляетъ основаніе, сущность, силу, вѣнецъ христіанства? За чѣмъ забываетъ крестъ? Отнимите крестъ, и христіанство останется нравственнымъ ученіемъ, конечно весьма чистымъ и высокимъ, но останется безъ духа и силы; оно потеряетъ свое высшее значеніе и падетъ, падетъ въ душахъ и въ жизни людей. Увы! Не видно ли уже это? Міръ повидимому развивается изъ началъ христіанства, но христіанство видимо падаетъ въ людяхъ: отчего? Оттого, повторяю, что міръ исповѣдуетъ Христа, но не любитъ, боится, бѣжитъ Его креста. Или современный міръ думаетъ въ самомъ дѣлѣ достигнуть полного нравственнаго развитія собственными силами безъ креста Христова? Нѣтъ, нравственное развитіе человѣчества невозможно внѣ христіанства, а христіанства нѣтъ безъ креста Христова. Можно сказать болѣе: когда слышимъ всѣ эти неустанныя проповѣди современнаго міра о человѣческомъ достоинствѣ, о любви къ человѣку, о правдѣ, о свободѣ и равноправности людей и т. д., когда видимъ тѣ мысли, средства и пути, которыми эти понятія проводятся въ жизнь, мысли, пути и средства не строго обдуманныя, не глубоко прочувствованныя, не твердыя и не постоянныя, соображающіяся только съ обстоятельствами переходящихъ временъ, наконецъ не чисто нравственныя, когда видимъ, что при всемъ этомъ имѣется въ виду почти исключительно жизнь общественно-гражданская, и ей подчиняется жизнь нравственная, а не на оборотъ, какъ бы слѣдовало, когда

наконецъ замѣчаемъ, что все это понимается и дѣлается помимо истиннаго христіанства, въ которомъ заключается существенное основаніе и истинный смыслъ этихъ понятій: то можно ли не опасаться серьезно за міръ? Къ чему все это приведетъ его?

Вы знаете проявившіеся уже въ наше время въ нѣкоторыхъ странахъ печальные опыты и дѣйствія народныхъ и философскихъ идей о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей; вы знаете еще болѣе ужасные опыты прошедшаго столѣтія: что, если бы такіе опыты распространились на весь міръ? И есть ли еще ручательство, что не распространятся и не произведутъ вездѣ сроднаго себѣ дѣйствія?—Какая же сила можетъ исправлять это зло? Какая жертва можетъ искупить его?—Вотъ здѣсь—то надобно понять и оцѣнить всю особенную силу и величіе и необходимость искупительной жертвы Спасителя міра. Онъ въ Своемъ Евангеліи положилъ основаніе высшихъ, нравственныхъ понятій и ввелъ ихъ въ міръ; но Онъ же и поспѣшилъ принести самого себя въ жертву за нихъ и за міръ,—на тотъ конецъ, чтобы міръ превратнымъ пониманіемъ этихъ предметовъ, искаженіемъ и злоупотребленіемъ ихъ въ жизни не погубилъ самъ себя, на самомъ пути своего даже нравственнаго развитія.—

БЕСѢДА 4

на утрени великой пятницы, при чтеніи XII Евангелій

(28 марта).

— Есть предметъ, братія мои, о которомъ и самому любвеобильному учителю говорить не отраднo, и самому суровому не легко. Таковы—дѣла человѣческія. *Да не возглаголютъ уста мои дѣлъ человеческихъ*, сказалъ бы и я теперь, и мысль о нихъ скрыль бы въ душѣ своей, чтобы горечи мысли и чувства не увеличивать еще горечью слова. Но въ виду страданій Спасителя можно ли не говорить о дѣлахъ человѣческихъ, которыя вызвали всю жестокость этихъ страданій? Можно ли молчать, когда надобно знать, что наше лѣнивое или робкое, или двусмысленное молчаніе только увеличивало бы эти страданія, какъ безъ сомнѣнія усиливало скорбь Святѣйшей души Богочеловѣка бѣгство ближайшихъ учениковъ Его, въ часъ Его страданій, и отреченіе перваго изъ нихъ, Петра?

И такъ, при тѣхъ нравственныхъ понятіяхъ нашего времени, о которыхъ мы говорили въ прошедшей бесѣдѣ, и которыя, какъ мы видѣли, далеко не проникнуты чистымъ, строгимъ духомъ истиннаго христіанства, что сказать о дѣлахъ? Каковы дѣла нашего времени? Таковы ли, что съ ними можно забыть или признать ненужною крестную жертву Спасителя? Не подвигаетесь, братія, и не посѣтуйте, если я на судъ нашихъ христіанскихъ дѣлъ призову не—христіанъ. Не новость я хочу сказать. Самъ Спаситель ставилъ языческой народъ Ниневіи судіею народа Вожія. Вотъ мы проповѣдуемъ Евангеліе язычникамъ и магометанамъ. Тотъ изъ нихъ, кто не слишкомъ омраченъ предрасудками своей религіи и на столько развитъ, что можетъ судить здраво, тотъ не можетъ не признавать, и признаетъ всю высоту и превосходство нашего христіанскаго нравственнаго ученія. Лучшіе изъ нихъ научаются изъ Евангелія цѣнить и чтить дивную личность нашего Спасителя. Оставался бы имъ одинъ шагъ къ христіанству:—они останавливаются. Они хотятъ видѣть, они спрашиваютъ насъ, какъ исполняется ученіе Христа въ нашей жизни? Такъ ли оно глубоко проникаетъ въ нашу душу и жизнь, какъ высоко свѣтитъ въ Евангеліи? «Покажите, говорятъ они намъ, вашу вѣру въ дѣлахъ вашихъ; покажите намъ ту чистоту сердца, ту правду, ту любовь, то милосердіе, то смиреніе, то миролюбіе, то самоотверженіе, словомъ тѣ высокія добродѣтели, которымъ такъ хорошо училъ вашъ Іисусъ; покажите тѣ совершенства, какихъ нѣтъ и не можетъ быть у язычниковъ и магометанъ; докажите у себя отсутствіе тѣхъ недостатковъ, страстей

и пороковъ, какіе господствуютъ у нихъ. А вотъ мы видимъ у васъ все тоже, что и у васъ; но намъ протитительно, потому что у насъ нѣтъ такого, какъ у васъ ученія; ваше ученіе лучше нашего, но жизнь не лучше а мы и предъ своимъ ученіемъ и предъ вами самими—не хуже васъ. А если бы мы и обратились въ христіанство, то въ сообществѣ вашемъ не сдѣлались ли бы подобными вамъ? И если мы не спасаемся въ своей религіи, то спасемся ли съ вами? Ясно, что ученіе и жизнь у васъ не одно и тоже, что Евангеліе не сильно въ васъ дѣйствуетъ: что же спасаетъ васъ самихъ?—Что намъ сказать на все это? Не правда? Но дѣла говорятъ сами за себя, жизнь рѣшаетъ вопросы этого рода лучше всякихъ словъ. О, братія мои, только одинъ отвѣтъ есть у насъ всякому язычнику или магометанину, вопрошающему насъ о упованіи нашего спасенія; одна правда, которой они не понимаютъ, можетъ защитить насъ, одно дѣло восполняетъ всѣ недостатки нашихъ дѣлъ христіанскихъ,—словомъ, одно есть ручательство за неизмѣнное дѣйствіе Евангелія въ христіанствѣ и за наше въ немъ спасеніе: искупительная жертва нашего Спасителя. Вотъ вѣчная грань между христіанствомъ и всякою другою религіею, каковы бы ни были сами христіане. Не будь этой грани, что было бы наше христіанство съ нашими дѣлами?

Что же дѣлаетъ наше время, когда само думаетъ уничтожить эту грань, когда хочетъ сдѣлать безразличными, смѣшать всѣ религіи, и подъ видомъ уваженія къ свободѣ совѣсти и всякой религіи, желало бы

только сложить съ христіанъ святое и благое иго христіанскихъ добродѣтелей? Увы, наше время дѣлаетъ тоже, что Іудеи, когда распяли Христа въ одномъ ряду съ разбойниками. —

Если бы наше время страдало только недостатками, слабостями, несовершенствомъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, еще можно бы не отчаяваться за него; еще пожалуй можно бы посмотрѣть на наше время, какъ на юность христіанскаго міра, юность просвѣщаемую науками, развиваемую всѣми средствами образованія, бойкую, но еще не твердую въ понятіяхъ и характерѣ, легкомысленную, легко всѣмъ увлекающуюся, но еще представляющую задатки всего лучшаго въ будущемъ. Снизойдемъ еще болѣе. О, если бы современнѣйшій міръ оставался въ состояніи хотя только естественной добродѣтели, только бы не искаженной лживыми понятіями мнимой образованности и не правильной развитія общественности, только бы — не опороченной неестественною порчею нравовъ! Что это я говорю? Я кажется наконецъ выражаю желаніе, чтобы наше христіанство походило хотя только на доброе язычество; я какъ будто сомнѣваюсь въ самомъ существованіи христіанства въ наше время? О братія мои, я не повторяю теперь словъ Божественнаго Откровенія, которое предвѣщаетъ намъ въ послѣднія времена ослабленіе въ мірѣ христіанства до такой степени, что явно будетъ въ нихъ возвращеніе ко временамъ язычества: не повторяю потому, что не знаю, послѣднее ли нынѣ время, или будетъ еще хуже. Но пусть соберутся теперь всѣ мудрецы вѣка, оптимисты, прогрес-

систы, всѣ болѣе вѣрующіе въ человѣчество, чѣмъ въ Бога, и пусть докажутъ намъ и всѣмъ имѣющимъ очи видѣти и умъ разумѣти, что мы не видимъ, не слышимъ, не знаемъ, не понимаемъ того, что дѣлается нынѣ въ мірѣ, что мы смотримъ на него неправильно, не съ надлежащей точки зрѣнія; иначе и яснѣе сказать — пусть убѣдятъ насъ, что видимое нами въ мірѣ беззаконіе есть законность, безсовѣстность — совѣстливость, вопіющая неправда — справедливость, эгоизмъ — самоотверженіе, жестокосердіе — любовь, низость и безчестіе — благородство и честность, развратъ — цѣломудріе, распушенность нравовъ въ семейной и общественной жизни — скромность и благоприличіе; — словомъ, пусть докажутъ, что зло есть добро, порокъ — добродѣтель, полная безнравственность — чистая нравственность. Есть ли такая свѣтлая точка зрѣнія, съ которой все это именно такъ представляется? Увы! даже не представляется. Всѣ ухищренія современной образованности, все искусство вѣка направляется нынѣ уже не къ тому, чтобы прикрыть безобразіе нравственной жизни, а напротивъ, чтобы разукрасить, не скрывая его, чтобы сдѣлать порокъ болѣе привлекательнымъ для глазъ, для чувства, для воображенія; и всякое зло, всякая мерзость является незащѣнено, во очію всѣхъ и каждого, во всей наготѣ, во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ, даже съ нахальствомъ, даже съ самохвальствомъ. Можно ли идти далѣе? Нельзя, отвѣчаетъ чистое христіанское чувство; можно, отвѣчаетъ духъ времени: можно напимѣръ явное и самое тяжкое преступленіе обезвинить состояніемъ духа преступника; можно предоставить ему самому защи-

плати себя откровеннымъ заявленіемъ, что онъ преступленіе по своему разуму и совѣсти не признаетъ. преступленіемъ; можно гласно защищать его мнѣніемъ, что и другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. И это даже называется уваженіемъ къ свободѣ убѣжденій и къ праву защиты. Довольно! Право можно подумать, что міръ какъ будто наконецъ отчаявается за самаго себя, какъ будто уже самъ не надѣется и не желаетъ себѣ ничего лучшаго. Или я преувеличиваю? Нѣтъ, я сокращаю. Да и вообще, какое можетъ быть преувеличеніе въ нашихъ взглядахъ и сужденіяхъ здѣсь, на этомъ священномъ мѣстѣ, въ отношеніи къ міру, которые впрочемъ и не наши собственные, а даны намъ отъ Того, Кто выше насъ и лучше насъ знаетъ и видитъ все, какое, говорю, тутъ преувеличеніе когда предъ Его взоромъ и то, что есть болѣе чистаго въ человѣкѣ, оказывается нечистотою?

И не смотря или даже смотря на все это, еще мечтаетъ современный человѣкъ, что все это зло можетъ разрѣшиться само собою, безъ особенно—тяжкихъ послѣдствій для человѣчества, что міръ собственною волею и силою и своими средствами можетъ возродиться и обновиться къ лучшему, что нѣтъ нужды предполагать особенной какой либо жертвы для его очищенія! Нѣтъ; вотъ лучше о чемъ надобно подумать: какая жертва могла бы быть достаточною, и для сохраненія міра при такомъ злѣ, и для удовлетворенія за него правосудія небснаго? Можетъ ли быть найдева, или только предположена такаа жертва въ самомъ человѣчествѣ? Одна только жертва

могла бы соотвѣтствовать всей великости зла: жертва огня всеокрушающаго; но это было бы погибель міра, а не сохраненіе, не возрожденіе его; это будетъ при концѣ міра, когда уже не останется созрѣвшему и перезрѣвшему злу никакой надежды спасенія. Нынѣ же только при взглядѣ на крестъ Спасителя и воѣ Его страданія можно признать, и отъ всей глубины человеческого ума и сердца надобно исповѣдать, какъ велико должно быть зло міра, которое могло потребовать такой Великой Жертвы, и какъ истинно, что только такая жертва, какъ Христова, могла удовлетворить и правосудію Божескому и спасенію погибающаго въ злѣ человѣчества.

Не спѣшу говорить о наслажденіяхъ жизни. Поговоримъ сперва о скорбяхъ.

Да, не одинакова, слишкомъ не одинакова участь людей въ жизни. Тогда какъ одни по видимому безопасно предаются наслажденіямъ жизни, другіе вдали отъ нихъ, можетъ быть и вблизи, а можетъ быть и среди ихъ, страдаютъ и не испытываютъ ничего, кромѣ страданій. Не говоря пока о внѣшнихъ страданіяхъ, сколько людей страждущихъ душею! Вотъ душа чистая и цѣломудренная страдаетъ въ самыхъ удовольствіяхъ міра, въ ихъ испорченной, повреждающей самыя лучшія чувства ея атмосферѣ, не внося въ среду ихъ отъ себя ничего, кромѣ тягостнаго чувства невольной жертвы обычаевъ и приличій общежитія, и не вынося оттуда ничего, кромѣ тоски и чувства нравственной, или даже безнравственной пустоты внутри себя; вотъ душа разумная и истенно просвѣщенная страдаетъ въ борьбѣ съ неразумными понятіями и грубыми заблужденіями вѣка; вотъ душа правая и добрая изнываетъ подъ тяжестью впечатлѣній отъ преобладающей въ мірѣ неправды и всякаго беззаконія, и въ безплодныхъ усиліяхъ противодѣйствовать имъ; вотъ душа съ доброю совѣстью и чисто христіанскимъ чувствомъ борется сама съ собою между сознаніемъ долга и увлеченіемъ страсти, между усиліемъ поддержать въ себѣ чувство собственнаго, нравственнаго достоинства и искушеніемъ жизни, между красотой добродѣтели и прелестію порока; вотъ душа благородная и добродѣтельная страдаетъ въ колебаніи между любовью къ человѣку и отвращеніемъ отъ его преступной лично-

сти, между силою собственныхъ, чистыхъ убѣжденій и обязательными требованіями житейской неволи, между счастіемъ порочнымъ и безпорочнымъ страданіемъ; вотъ наконецъ душа серьезно мыслящая и глубоко чувствующая поражается и скорбитъ при видѣ непримиримаго, по видимому, разлада въ мірѣ между свѣтомъ истинны, который свѣтитъ на него свыше, и глубокою тьмою жи въ средѣ его, между вѣрою въ Божественный Промыслъ, всеуправляющій, и необузданнымъ своеволіемъ человѣческимъ, между добромъ, для котораго человѣкъ созданъ, и зломъ, которое онъ постоянно дѣлаетъ.

Когда кажется могло бы быть болѣе, чѣмъ въ наше время, такого убійственнаго раздвоенія души и жизни человѣка, раздвоенія, происходящаго отъ неразрѣшенной путаницы современныхъ понятій, нравовъ, житейскихъ отношеній? Когда могли болѣе страдать душею лучшіе люди? Такъ кто же или что можетъ примирить ихъ съ міромъ, съ жизнью, съ самими собою? Не очевидно ли, что нужно необыкновенное дѣло примиренія, не человѣческая сила, содѣйствующая примиренію, что нужна величайшая жертва, которая на себя перенесла бы всю тяжесть этого разлада и въ огнѣ собственныхъ страданій, переработавъ его, выработала бы въ себѣ свѣтъ новаго, лучшаго пути и силу новой, лучшей жизни для человѣчества? И все примиряетъ и примирить могъ только Спаситель на крестѣ. Въ Его страданіяхъ, въ Его смерти, зло искуплено, а добро возрождено и оживлено силою безконечной любви въ человѣчеству, все соединяющіе въ себѣ и примиряю-

шей, и силою благодатной жизни, которая через крестъ Спасителя вошла въ міръ.—Въ таинственную силу этой—то искупительной жертвы погрузи и ты, страдающая въ мірѣ душа, свои раны и боли, и тамъ найдешь себѣ успокоеніе: иначе не найдешь его нигдѣ.

Это—внутреннія скорби. А внѣшнія? Меньше ли внѣшнихъ скорбей въ наше время, чѣмъ во всѣхъ прежнія времена? Да, ни просвѣщеніе, ни цивилизація, никакое искусство современнаго міра не спасетъ человѣчество и нынѣ отъ бѣдствій общественныхъ, частныхъ, физическихъ и житейскихъ. Человѣчество, при всемъ его настоящемъ развитіи, едва находитъ въ себѣ силу и средства бороться со всеми несчастіями, и кажется наибольшее развитіе силъ и средствъ умственныхъ, нравственныхъ и вещественныхъ нашего вѣка идетъ только на врачеваніе бѣдъ, его постигающихъ. Но ясно ли понимается и твердо ли помнится то, что составляетъ особенную силу несчастій, ихъ внутренній, глубокій смыслъ? Это—нравственное значеніе бѣдствій, ихъ связь съ нравственною стороною жизни человеческой. Всмотритесь вы, такъ сказать, внутрь всякаго несчастія; вы увидите въ немъ или поводъ, или послѣдствіе или по крайней мѣрѣ отраженіе нравственнаго состоянія человѣка. Можемъ сказать: поручитесь вы намъ за нравственность людей, мы поручимся вамъ, что въ человѣчествѣ несчастій не будетъ.—Но съ этой точки зрѣнія смотря на современный міръ, котораго почти весь горизонтъ представляется покрытымъ самыми мрачными тучами, какихъ еще бѣдъ нельзя ожидать въ мірѣ?—А если ожидать, то что намъ даетъ

нравственную силу переносить ихъ? Что можетъ смягчить для насъ ихъ жестокій, нравственный характеръ? Что можетъ быть для насъ ручательствомъ, что въ нихъ не будетъ рѣшительной кары Божіей, погубляющей міръ за все его зло? Что дастъ намъ возможность видѣть въ нихъ болѣе побужденіе къ исправленію зла, направленіе на лучшія пути жизни, чѣмъ окончательную казнь и нашу погибель? Что, если небесное правосудіе потребуетъ въ жертву себѣ наши души, нашу жизнь и жизнь цѣлаго міра? Но жертва уже принесена; крестъ Христовъ отнялъ отъ бѣдствій жизни карательный характеръ небеснаго мщенія, далъ человеку духовную силу стать выше ихъ и черезъ нихъ нравственно возражаться и—даже въ видимой гибели внѣшней жизни человѣка можетъ еще спастись душа. Вотъ что только можетъ спасти весь современный міръ въ его бѣдахъ, и настоящихъ и грядущихъ.

БЕСЪДА С

НА УТРЕНИ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ.

(29-го марта).

Какъ ни страшно было на Голгоѣ зрѣлище распятія Богочеловѣка, какъ ни мраченъ видъ всей обстановки этого дѣла, не чувствуете ли вы, что тѣ обстоятельства, при которыхъ эта великая жертва за мѣръ представляется въ настоящее время, дѣлаютъ это событіе еще гораздо ужаснѣе? При какомъ мракѣ просвѣщеннаго вѣка, при какомъ грустномъ состояніи человѣчества, уже обладающаго сильными средствами благоустроить свою жизнь на прочныхъ основаніяхъ истинн и чистаго добра, Христосъ снова является на крестѣ, какъ жертва за мѣръ, тѣмъ болѣе страждущая, чѣмъ развитѣе мѣръ, вызывающій ее на страданіе, чѣмъ болѣе основаній и побужденій нынѣ къ полному прославленію Христа во свѣтѣ христіанства, а не къ униженію Его, поруганію и мученію!

А знаете ли вы, что еще болѣе увеличиваетъ страданія этой жертвы? То, что образованный мѣръ, какъ будто не видитъ ея страданій, какъ будто не понимаетъ, что она отъ него и за него страдаетъ, или,

что еще хуже, и видитъ и понимаетъ, но не хочетъ много думать. Сознаетъ ли по крайней мѣрѣ мѣръ свое собственное состояніе, состояніе заблуждающее, нравственно разстроенное, ни въ какомъ отношеніи не твердое и не вѣрное, страшно напряженное, словомъ — крайне тяжелое и опасное?

Отвѣтимъ за него однимъ словомъ: *мѣръ веселится!*

Да кажется никогда человѣкъ не искалъ съ такою жадной наслажденій жизни, какъ въ настоящее время. Современный человѣкъ все отдаетъ, все приноситъ въ жертву этой жаднѣ: всѣ способности и силы ума, и сердца, духа и тѣла, всѣ свои познанія и труды, всѣ средства жизни, всѣ условія и обязанности общежитія. Имѣются ли въ виду при этомъ наслажденія по преимуществу чистыя, истинныя, умственные и нравственныя, за тѣмъ пожалуй и внѣшнія, на сколько эти послѣднія подчинялись бы и служили бы первымъ, да, если бы такъ! Но наше время всецѣло предается одной всепоглощающей, неограниченной потребности — внѣшняго, вещественнаго благосостоянія и ей подчиняетъ всѣ другія, и важнѣйшія, заботы и цѣли жизни. Что же много говорить о высококомъ, умственномъ развитіи вѣка, когда это развитіе преимущественно направляется къ матеріальному благоустройству жизни? Что сказать и о нравственномъ развитіи людей, когда сложилось даже такое убѣжденіе, что безъ матеріальнаго благоденствія нельзя быть человѣку нравственнымъ, то есть честнымъ и добродѣтельнымъ? И такъ добросовѣстность, добродѣтель, христіанская нравственность, все это самостоятельнаго значенія, независимаго отъ житейскихъ

случайностей не имѣть и само собою, собственною нравственною силою, держаться не можетъ? И такъ самой чистой нравственности и самыхъ высокихъ добродѣтелей надобно искать только въ богатыхъ и счастливыхъ домахъ, а самые грубые пороки и самыя тяжкія преступленія могутъ жить только въ домахъ бѣдности и несчастія? И такъ добродѣтель будетъ ничто иное, какъ плодъ обильныхъ матеріальныхъ средствъ жизни, а порокъ есть ничто иное, какъ неизбѣжное слѣдствіе скудости и горя!—Такимъ ли убѣжденіямъ быть въ христіанствѣ?—До какой степени повреждаются нынѣ нравственныя понятія о добрѣ и злѣ! До какой степени искажается взглядъ на жизнь, въ которой человѣкъ призванъ всѣ свои силы и средства и труды обращать по преимуществу къ своему нравственному преуспѣянію и только имъ измѣрять степень своего благосостоянія и счастья, только силою его становиться выше всѣхъ злоключеній въ жизни!

Если при этомъ еще обдумать, какъ эта обуявшая нынѣ всѣхъ и каждого страсть къ удовольствіямъ чувственнымъ, суетнымъ, легкомысленнымъ, повреждаетъ духовныя и физическія силы современныхъ людей и цѣлаго поколѣнія, какъ она дѣлаетъ ихъ пустыми, неспособными и нерасположенными къ серьезнымъ дѣламъ жизни, какъ раззоряетъ наилучшія матеріальныя состоянія ихъ, какъ растриваетъ семейства и общества, какъ приводитъ къ самымъ безнравственнымъ дѣламъ и заставляетъ забывать и почитать самыя важныя и священныя потребности и обязанности человѣка, какъ легкомысленно примѣшивается она къ

самымъ добрымъ дѣламъ и портить ихъ, унижаетъ ихъ цѣнность: можно ли не опасаться за печальный исходъ такого направленія времени?—Или удовольствіямъ не чаютъ конца? или мечтаютъ наслаждаться жизнію во вѣки? Нѣтъ; въ концѣ концовъ потребуются тяжкія, страшныя жертвы за всѣ эти ничтожныя удовольствія; надобно будетъ искупить все, что добраго въ нихъ забыто, потеряно, поругано и попрано. Рано ли поздно, для всѣхъ и каждого должны вступить въ полную силу тѣ непремѣнные законы жизни, въ которыхъ заключаются судьбы человѣка: законъ труда неустаннаго въ потѣ лица, законъ борьбы съ жизнію, законъ страданій и наконецъ законъ смерти.

Вотъ и тутъ надо искать спасенія. Какъ же найти его? Какъ спастись отъ гибели подъ тяжестью этихъ страшныхъ законовъ? Гдѣ убѣжище отъ жертвъ, которыя потребовались бы отъ насъ за безпечныя наслажденія жизни? Все тамъ же, въ искупительной жертвѣ Спасителя. Онъ страдалъ, Онъ страдаетъ за насъ, когда мы хотимъ только наслаждаться всѣми благами жизни, когда мы ищемъ однихъ удовольствій въ мірѣ, ни о чемъ не думая; и вся тяжесть наказаній за безпечно и праздно истраченную нами жизнь падаетъ на Его крестъ. Если смотря на это безпечное, злонравное и злоторное веселіе міра, нельзя не подуматъ о томъ, какъ велики должны быть страданія той жертвы, которая обречена была бы на искупленіе этого веселья: такъ, смотря на страданія Спасителя, можно ли не чувствовать, какъ безумно, какъ безнравственно, какъ отчаянно должно быть веселіе міра, вывавшее такія страданія и притомъ такого лица!

Но какъ бы ни счастливо, какъ бы ни весело было человѣку въ мѣрѣ, — всеѣмъ удовольствіямъ жизни, какъ и самой жизни, одинъ конецъ: смерть. Какъ страшень этотъ конецъ, и однакожь какъ легко смотритъ на него современный человѣкъ! Сообразите нынѣшнее, болѣе и болѣе усиливающееся равнодушіе къ жизни и смерти, это, въ продолженіе всей жизни, почти совершенное отсутствіе думы о смерти, это повсюду увеличивающееся въ страшныхъ размѣрахъ число самоубійствъ это крайнее ослабленіе въ умахъ идеи безсмертія, вѣры въ будущее воскресеніе, страха или надежды вѣчной жизни: не замѣчаете ли вы, что это послѣдніе шаги заблуждающаго человѣка надъ пропастію, гдѣ онъ долженъ пасть и погибнуть безвозвратно? Не чувствуете ли вы, что здѣсь — то, если только не суждено человѣку погибнуть, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, необходима сила необыкновенная, чтобы спасти человѣка? Человѣкъ убиваетъ самъ себя: гдѣ же залогъ жизни, гдѣ ручательство безсмертія въ человѣчествѣ? За эту жизнь, такъ пренебрегаемую, за смерть, такъ равнодушно встрѣчаемую и даже насильственно вызываемую, какая великая, неизмѣримая, нужна жертва жизни и смерти? И какая можетъ быть это — жизнь, спасающая жизнь, и смерть, побѣждающая смерть! На чемъ основать бы надежду, что смерть, эта отчаянная смерть современнаго человѣка, не одолѣетъ жизни, предназначенной человѣчеству, что жизнь вопреки самому человѣку побѣдитъ, восторжествуетъ и человѣчество умирающее воскреснетъ и жизнь вѣчная, противъ собственныхъ, лживыхъ расчетовъ человѣка, осуществится вполне и своевременно раскроется? Од-

на надежда, одинъ залогъ и ручательство: крестъ Христовъ, чрезъ который не только въ мѣрѣ но и въ самую смерть вошла жизнь безсмертная, и только убѣжденіе въ спасительной безконечной силѣ креста можетъ и для всеѣхъ насъ успокоить и усладить послѣдніе часы жизни и страшный переходъ въ вѣчность.

Я хотѣлъ, братія мои, въ бесѣдахъ настоящей седмицы раскрыть вамъ особенное, чрезвычайное значеніе страданій Христовыхъ, собственно для нашего времени. Сочувствуете вы или не сочувствуете духу времени, покоряетесь или не покоряетесь его силѣ и увлеченіямъ, во всякомъ случаѣ утвердите въ душѣ своей мысль и сознаніе этого современнаго значенія креста Христова; да будетъ оно для васъ руководствомъ, опорой и утѣшеніемъ въ настоящемъ вѣкѣ. — Но какъ благодатная сила креста утверждена для насъ воскресеніемъ Спасителя, такъ тою же силою креста да воскреснетъ и современное человѣчество къ новой, лучшей жизни.

ВЕСЬДА

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

(4 Юня 1868 года).

На переходѣ отъ весны къ лѣту, когда природа послѣ весенняго пробужденія, въ нынѣшнемъ году поздняго и холоднаго, облакается наконецъ во всю свою разноцвѣтную красоту и вызываетъ человѣка въ поле, на добрые труды, на чистыя наслажденія, мы, съ цвѣтами въ рукахъ, празднуемъ величайшее событіе Христіанства: начало обновленія духовной жизни человѣчества, свыше ниспосланное благодатною силою Святаго Духа. Есть ли какая нибудь внутренняя связь между этими двумя событіями міра физическаго и нравственнаго?

Знаете ли напримѣръ вы, братія, мой, что эта прекрасная природа, которая сегодня дала вамъ свои цвѣты на молитву, которая и всегда даетъ человѣку столько благъ жизни, знаете ли, говорю, что она тоскуетъ и вздыхаетъ? Не подумайте, что это моя фантазія или поэзія. Это не мои мысли и слова, а Божіи. Слово Божіе открываетъ намъ, что природа со всѣми тварями вздыхаетъ и болѣзнуетъ. О чемъ? О своемъ

настоящемъ состояніи, въ которое привелъ ее человекъ, наложивъ на нее иго неволи, поработивъ ее своей суетѣ, тоскуетъ, не терпѣливо ожидая своего освобожденія; и освобожденіе ея можетъ послѣдовать не иначе и не прежде, пока самъ человекъ, вполне обновленный духомъ и нравственною жизнью въ лонѣ истиннаго Христіанства, приобрететъ духовную свободу, которой теперь не имѣетъ, проводя жизнь въ суетѣ, въ страстяхъ, во злѣ, въ стѣсненіи своего бессмертнаго духа искусственными условіями неправильной жизни. И вотъ нынѣ, какъ дары Святаго Духа ниспосланы свыше міру въ залогъ возрожденія и обновленія человѣческаго духа, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ положенъ и залогъ освобожденія природы.

Такимъ образомъ идея настоящаго торжества Церкви имѣетъ отношеніе не къ одному нравственному міру, но и къ физическому. Какъ глубоко, какъ широко и всеобъемлюще христіанство!

Я останавливаюсь теперь мыслью на физической природѣ, потому что всѣ теперь спѣшатъ въ объятія природы наслаждаться ея красотами и пользоваться ея благами.

Но едва-ли въ какомъ нибудь другомъ отношеніи человекъ такъ мало справедливъ, какъ въ отношеніи къ физической природѣ. Да, много зла дѣлаетъ ей человекъ разумомъ и силою воли: онъ покорилъ себѣ всѣ царства природы, и какъ она прекрасна, роскошна, плодovitа, неистощима тамъ, гдѣ человекъ прилагаетъ къ ней свой разумный трудъ, добрую волю, а

также и доброе сердце! Но много ли таких мѣстъ? А что показываютъ обширныя безплодныя поля, непроходимыя чащи, луга, покрытыя дурною травою, болота, и тому подобныя виды тамъ, гдѣ имъ быть не слѣдуетъ? Здѣсь неразуміе и лѣнь человѣка пренебрегаютъ жизнью и силами природы и оставляютъ ее поневолѣ жить не такъ, какъ она жить могла бы. А страшное злоупотребленіе дарами природы, когда человѣкъ насилуетъ ее своимъ неестественнымъ обращеніемъ съ нею, искажаетъ искусственнымъ образомъ ея натуральный видъ и ростъ, портитъ ея плоды по своему испорченному вкусу? А эта злонравная и зловредная привычка безразчетливо или по однимъ грубымъ своекорыстнымъ расчетамъ истреблять самыя лучшія произведенія природы, оцустошать самыя роскошныя ея помѣстья? А страдальческое служеніе человѣку животныхъ подъ уздою и бичемъ, подъ невыносимыми тяжестями, въ холодѣ, голодѣ, подъ ножемъ и пулями, страсть нещадно губить живыхъ тварей для одного своего развлеченія или просто для однихъ своихъ дивныхъ нравовъ, не говоря уже о ненасытной, всепоглощающей утробѣ человѣка: и сколько жизней погубить онъ такимъ образомъ совершенно напрасно? Куда идутъ и тѣ драгоценныя сокровища природы, которыя человѣкъ съ величайшимъ трудомъ для самаго себя выкапываетъ изъ глубочайшихъ нѣдръ природы?—Идутъ наукрашеніе суеты, на забавы праздности, на пищу страстямъ. Куда пошли и тѣ дивныя, могучія силы природы, которыя въ послѣднее время открыла въ природѣ наука? Страшно подумать; пошли на порчу лучшихъ идей и убѣжденій человѣка, пошли

на порожденіе лживыхъ идей и превратныхъ стремленій, пошли наконецъ не только на нравственное, но и физическое погубленіе человѣчества; современный человѣкъ вынесъ изъ нихъ способы неутолимаго и нещаднаго истребленія своего человѣческаго рода. И вотъ, въ цѣлыхъ областяхъ физическаго міра гдѣ долженъ бы господствовать просвѣщенный разумъ, нравственная воля, и благоразвитое сердце человѣка, царитъ дикій произволъ, грубый нравъ безумная страсть, слѣпой разумъ и жестокое сердце; человѣкъ, царь природы, дѣлается ея мучителемъ, человѣкъ, жрецъ природы предъ Богомъ, становится только ея пожирателемъ, задумавшимъ наконецъ въ своемъ омраченномъ просвѣщеніи изгнать изъ природы самую идею Бога; они—человѣкъ и природа дѣлаются врагами между собою и вмѣсто нравственнаго единства жизни между ними идетъ борьба ожесточенная.

Вздыхаетъ и болѣзнуетъ природа подъ этимъ страшнымъ игомъ человѣка. Слышите ли вы болѣзненные воздыханія природы? Онѣ слышатся въ тѣхъ уклоненіяхъ отъ естественнаго порядка, въ которыхъ природа какъ будто сказывается больною. чтобы только не служить человѣку, отворачивается отъ него, когда онъ наиболѣе имѣетъ въ ней нужду, какъ на примѣръ вотъ весною вдругъ наступаетъ холодъ; слышатся въ тѣхъ мрачныхъ думахъ и тягостныхъ вопросахъ, которыхъ природа не высказываетъ сынамъ вѣка, не любящимъ и не понимающимъ ее, но которые она задаетъ, о какъ задаетъ—духовному созерцателю—Богослову, глубокому мыслителю—философу, живущему среди нея—труженнику земли, и еще—душѣ чистой,

любящей ее и умѣющей сочувствовать и бесѣдовать съ нею; ея болѣзненное раздраженіе въ тѣхъ зловредныхъ ея произведеніяхъ, каковы: тернія, плевели, яды, заразы и проч., которыя почти непрерывно и такъ усильно распространяются около человѣка, гдѣ только человѣкъ не спѣшитъ принять своихъ мѣръ противъ нихъ; слышится ея воздыханіе въ стонѣ и ревѣ животныхъ, неохотно идущихъ на службу человѣка постоянно вызывающихъ его на борьбу, въ страшномъ воѣ стихій и звѣрей, съ яростью нападающихъ на человѣка, какъ будто требуя собственной его жизни въ искупленіе погубляемой имъ природы; и вообще уныло и угрюмо смотритъ природа на человѣка, если только человѣкъ насильственно, искусственными способами не заставляетъ ее улыбаться ему, и самъ человѣкъ бѣжитъ отъ нея, какъ будто чувствуя въ своей душѣ ту самую тоску, какую возбуждаетъ въ природѣ, удаляется въ свои города и дома, и замыкается здѣсь въ собственномъ своемъ мѣрѣ искусственномъ, созданномъ его суетою, страстями, запутанными и перепутанными отношеніями общежитія. Правда, издѣсь является къ услугамъ его природа съ своими сокровищами; но какая это природа? Природа не живая, не натуральная, а измученная, бездушная, безжизненная, это смерть и трупъ природы.

Еще жалуется человѣкъ на природу, на скудость ея произведеній, на растройство и губительное дѣйствіе стихій, на труды, какихъ она отъ него требуетъ. А забылъ приговоръ, который, какъ вѣчный громъ, гремитъ надъ головой и труженика въ полѣ и слѣсто-

любца въ мѣрѣ: «проклята земля въ дѣлахъ твоихъ, въ печаляхъ ты будешь питаться отъ нея во все дни жизни твоей; она будетъ производить тебѣ тернія и ты долженъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, пока возвратишься въ землю, изъ которой ты взялъ, такъ какъ ты земля, и въ землю долженъ возвратиться». Слышите, отчего происходитъ безплодіе земли, отчего природа дѣлаетъ зло человѣку, отчего всякій кусокъ хлѣба достается ему въ потѣ лица, отчего, несмотря на все силы и средства природы къ доставленію человѣку всевозможныхъ удовольствій, ему суждены только скорби и скорби. И такъ, чѣмъ мучить и убивать природу для своихъ забавъ, чѣмъ требовать отъ нея однихъ наслажденій жизни, чѣмъ жаловаться на растройство и губительное дѣйствіе ея стихій, не лучше ли обратить вниманіе на самихъ себя, на свои дѣла, на ихъ нравственную связь съ жизнью природы?

Или есть счастливыя въ мѣрѣ, которые могутъ наслаждаться всеми благами жизни безъ трудовъ, и безъ скорбей, даже безъ добродѣтелей? Но если каждый разъ, когда мы видимъ бѣднаго земледѣльца за работою въ полѣ, представляется надъ его головой молнія, сверкающая словами: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой»; то при видѣ сластолюбца во всемъ блескѣ роскоши и въ нѣтѣ наслажденій, невольно слышится надъ его головой громъ приговора: «земля еси, и въ землю отъидеши». Нѣтъ, никакого счастья мира, — что я говорю? — никакого просвѣщенія и никакой цивилизація не измѣнятъ законовъ нравственнаго соотношенія между жизнью человѣка и природы. Только

тогда, когда самъ человѣкъ освободится отъ своей суеты и зла, и соответственно тому природа освободится отъ невыносимой работы его суеты и зла, только тогда изменится къ лучшему и отношеніе природы къ человѣку.

Благодать искупленія даетъ надежду, что это наконецъ совершится, а сила духа Божія, дарованная нынѣ міру, содѣйствуетъ къ совершенію этого дѣла.

Теперь, въ эти дни оживленной работы природы и человѣка, я молю Бога, братія мои, за свою Смоленскую паству, небогатую ни силами природы, ни средствами человѣческими, да не будетъ она лишена этой вышней помощи, и особенно въ настоящій день сошествія Св. Духа въ міръ, простирающаго свое благодатное дѣйствіе столько же на міръ физическій, какъ и нравственный, я призываю благословеніе Божіе на Смоленскую природу, да будетъ она плодоносна, на труды земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, да будутъ они благоуспѣшны; да услышатъ все они это благословеніе, и да услышатъ мою молитву Богъ!

БЕСЪДА

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

(15 августа 1867 г.)

Если названіе нынѣшняго праздника взять въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, то это будетъ торжественное воспоминаніе тихаго, мирнаго сна, въ которомъ Пресвятая Дѣва окончила свое земное поприще и перешла въ блаженную вѣчность. И такъ умереть для нѣкоторыхъ людей значитъ только спокойно заснуть. Вотъ истинное, совершенное безсмертіе!

А какова смерть другихъ и большей части людей? Какими ужасами она окружается, какое зрѣлище представляетъ живымъ?

Хотите ли вы, братія мои, вмѣстѣ со мною остановить взглядъ на послѣднихъ минутахъ человѣка въ здѣшней жизни? Мы видимъ кончину ближнихъ, мы сами умремъ; а понимаемъ ли, что въ часъ смерти происходитъ въ состояніи самаго умирающаго? Чѣмъ сопровождается шагъ его въ вѣчность?

Въ каждую секунду умираетъ одинъ изъ людей, каждый ударъ часоваго маятника долженъ напоминать намъ, что въ эту секунду умеръ человѣкъ. Едва се-

кундная стрѣлка на часахъ успѣваетъ обѣжать свой кругъ, какъ шестидесяти человѣкъ уже не стало въ мірѣ. И если бы не признавать безсмертія души и вѣчности, то не справедливо ли было бы всю временную жизнь человѣка считать только непрерывною смертію, которая наконецъ, рано или поздно, перевѣсивъ силу рожденія, поглотила бы все человѣчество и всякую жизнь въ мірѣ. И было бы послѣднимъ словомъ человѣка на землѣ его самоотрицаніе. «Я жилъ и мыслилъ, я чувствовалъ и дѣйствовалъ; но все это ничто, потому что я умру и буду ничто.» Горькія слова, которыя придавали бы самый мрачный и безотрадный видъ всей нашей жизни! Такое самоотрицаніе ставило бы духовную нашу жизнь даже ниже тѣлесной, потому что и тѣло наше по смерти не уничтожается, а только разлагается и смѣшивается съ другими элементами земли. Но мы вѣримъ въ безсмертіе и жизнь загробную: и съ точки этой вѣры, что такое вся жизнь наша временная, какъ не непрерывное, въ каждую секунду, откровеніе вѣчности? Не тотъ ли конецъ ожидаетъ весь міръ, что вѣчность поглотитъ нашу земную жизнь и самое время, уничтожитъ смерть и раскроется предъ человѣчествомъ во всей своей полнотѣ и непредѣльности? Такъ дѣйствительно и будетъ.

Вы видите, братія мои, что такимъ образомъ жизнь наша земная, не только въ цѣломъ продолженіи своемъ, но и каждую секунду получаетъ возвышенный разумный и нравственный смыслъ, и еще болѣе смыслъ глубоко-таинственный. Что же смерть, что значать

всѣ ея ужасы? Не конецъ жизни самъ по себѣ страшенъ: не могъ ли бы человѣкъ привыкнуть къ мысли о такомъ неизбежномъ концѣ? Но то, что есть тутъ наиболѣе таинственнаго, что совершается во внутреннемъ состояніи умирающаго человѣка, вотъ что производитъ всѣ ужасы смерти. Что же это такое? Это именно самый переходъ человѣка, или точнѣе сказать Черерожденіе его изъ жизни тѣлесной въ жизнь чисто духовную, изъ временной въ вѣчную.

Вотъ наступаетъ послѣдній часъ человѣка въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, приблизившая его къ смерти, уже прекратилась; она подорвала основы тѣлеснаго организма и сдѣлала его уже неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ настоящемъ его видѣ, и тѣло уже не служить духу. Тогда жизнь души начинаетъ отторгаться отъ частей и органовъ тѣла, къ которымъ была прирождена и въ которыхъ доселѣ дѣйствовала. Судорожныя движенія и необычныя сотрясенія всего организма показываютъ, какъ усиленно, какъ жестоко это отрѣшеніе души отъ тѣла, и чѣмъ крѣпче организмъ, чѣмъ сильнѣе была привязанность духа къ тѣлу тѣмъ сильнѣе эти сотрясенія, потому что тѣмъ болѣе силы нужно духу, чтобы оторваться отъ тѣла. Какъ страшно уже это одно зрѣлище. Но всмотритесь ближе, вы увидите, что тутъ не одни физическія страданія. Трепещетъ душа, чувствуя свое невольное, быстрое приближеніе къ вѣчности; въ трепетѣ она силится какъ будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе ее ожидаютъ, или овладѣть собою и

этими самыми ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройти. Но эти порывы, подавляемые болѣе и болѣе приближающеюся смертію, производятъ только то невыразимое возбужденіе и раздраженіе всѣхъ силъ и чувствъ души, которыя кладутъ еще болѣе страшную печать на лицо и на все состояніе умирающаго. Да, въ часъ смерти овладѣть собою и самимъ путемъ смертнымъ и всѣми его ужасами: какая эта неизобразимая задача! И я не думаю, чтобы та отчаянная храбрость, которая, немного думая о жизни и смерти, а еще менѣе о вѣчности, смѣло несется на встрѣчу смерти, какъ на примѣръ въ битвѣ со врагомъ или въ самоубійствѣ, вѣрно рѣшала эту задачу. Эта храбрость слѣпа и потому такъ отважна только до момента самой смерти; а въ моментъ смерти душа прозрѣваетъ и скажи мнѣ ты смѣлая душа, будешь ли ты также смѣла предъ тѣмъ, что тогда увидишь?

Есть однакоже кончина безъ ужасовъ предсмертной борьбы: душа отходитъ мирно, конечно не безъ смущенія и тѣлесныхъ страданій. Это душа чистая, добрая, кроткая. Ясность, самосознаніе, чистота и тихость чувствъ, глубокая вѣра и преданность Богу, отличавшія ее при жизни, не оставляютъ ее и въ часъ смерти; она владѣетъ собою; внутренняя свѣтлость ея разсѣваетъ предъ нею мракъ и страхъ смертнаго пути и, введѣло вручая себя Богу, она съ тихою покорностію отдается послѣднимъ волнамъ житейскаго моря, прибывающимъ ее къ берегамъ вѣчности. А душа злая? Видѣли ли вы, какъ она отходитъ изъ здѣшняго міра? Видѣли ли тѣ невыразимые ужасы, какими

сопровождается ея отшествіе? Она не знала въ жизни, не имѣетъ и въ часъ смерти ни самосознанія ни самообладанія, ни покорности. Всѣ чувства ея волнуются: но эти чувства злы, и раздраженіе ихъ въ послѣднія минуты доходитъ до крайней степени. Ея зло, освобождаясь виѣстѣ съ нею отъ послѣднихъ узъ, которыми еще сдерживалось сколько нибудь въ здѣшней жизни, со всею силою поднимается и, въ виду ужасовъ смерти, ожесточается до отчаянія. Душа хочетъ бороться съ этими ужасами; она какъ будто бы вызываетъ на бой самую смерть, и силою собственного зла хочетъ одолѣть ее; она усиливается овладѣть отлетающею жизнію, но въ тоже время, чувствуя подъ собою разверзающуюся бездонную пропасть вѣчнаго зла, неодолимо увлекается въ нее силою сродныхъ стремленій своей злой природѣ. Въ борьбѣ съ жизнію и смертію, душа борется еще сама съ собою; она терзаетъ самое себя. Можно ли и какими словами выразить весь ужасъ этихъ минутъ? Одинъ внѣшній видъ этого зрѣлища заставляетъ живыхъ бѣжать отъ умирающихъ. *Такъ по истинѣ смерть грѣшниковъ люта.*

Какъ бы то не было, смерть не отступаетъ, жизнь не возвращается и человѣкъ умираетъ; но еще въ то время, какъ въ низшихъ степеняхъ и силахъ душевной жизни, въ тѣхъ, которыми душа непосредственно приязана къ тѣлу, происходитъ эта ужасная предсмертная борьба, во внутреннѣйшей жизни духа, въ высшей сферѣ его духовнаго бытія совершается другое. Тамъ слабѣе узъ тѣла, поэтому духъ человѣка скорѣе и легче отрѣшается отъ условій временной жизни, и

тогда какъ внизу его долго еще длится борьба, онъ у себя вверху самъ собою освобождается и еще прежде рѣшительной смерти тѣла онъ уже витаетъ какъ будто внѣ тѣла. Такъ случается, что въ часъ кончины, еще не совершившейся, человѣкъ, или правильнѣе сказать, духъ его, въ земномъ образѣ, является въ отдаленіи отъ тѣла близкимъ по сердцу людямъ. Но человѣку начинаетъ уже открываться и вѣчность; онъ уже подходитъ къ рубежу ея. Онъ еще видитъ, хотя тускло и нераздѣльно, земные предметы, еще слышитъ, хотя и неразборчиво, здѣшніе звуки, еще ощущаетъ въ себѣ, хотя и смѣшенно, земныя чувства: но уже сказывается ему и другая жизнь. Онъ замѣчаетъ предметы и явленія, невидимые для другихъ, слышитъ необыкновенные звуки, прозрѣваетъ то, что намъ не можетъ быть извѣстно естественнымъ порядкомъ. Еще нѣсколько минутъ—и человѣкъ переступаетъ въ вѣчность. Какъ вдругъ измѣняется форма его бытія, духъ его видитъ самаго себя, свое собственное существо, какъ не видѣлъ его въ тѣлѣ, онъ видитъ предметы и самые отдаленные уже не тѣлесными глазами, а непосредственнымъ разумомъ, и то что прежде онъ могъ постигать только разумомъ, теперь онъ видитъ какъ бы глазами; онъ говоритъ не членораздѣльными звуками слова, а мыслію, и то, что прежде онъ могъ представлять себѣ только въ мысляхъ, теперь уже выражаетъ какъ бы словомъ; не руками осязаетъ предметы, а ощущеніями и чувствами, и предметы самые тонкіе и прежде для него неуловимые и неосязаемые онъ теперь обнимаетъ въ ощущеніяхъ, какъ бы въ рукахъ; движется не ногами, а одною силою воли и то, къ

чему прежде онъ могъ приближаться съ великимъ трудомъ, медленно, черезъ большія пространства мѣста и времени, теперь онъ настигаетъ мгновенно никакія вещественныя препятствія его уже не задерживаютъ. Теперь и прошедшее ему видно, какъ настоящее, и будущее не такъ сокрыто, какъ прежде, и нѣтъ уже для него раздѣленія времени и мѣстъ: нѣтъ ни часовъ, ни дней, ни годовъ, ни вѣковъ, нѣтъ разстояній ни малыхъ, ни большихъ все сливается въ одинъ моментъ—вѣчность, вѣчность никогда не оканчивающуюся, и всегда только еще начинающуюся; все соединяется въ одну точку зрѣнія, и эта точка не подлежитъ никакимъ измѣреніямъ. Что же онъ видитъ и чувствуетъ? Невыразимымъ ужасомъ поражаетъ его открывшаяся вѣчность; ея безпредѣльность поглощаетъ его ограниченное существо, всѣ его мысли и чувства теряются въ ея безконечности. Онъ видитъ предметы, для которыхъ у насъ нѣтъ ни обрзовъ, ни названія; слышитъ то, что на землѣ не можетъ быть изображено никакимъ голосомъ и звукомъ; его созерцанія и ощущенія не могутъ быть выражены у насъ ни на какомъ языкѣ и никакими словами. Онъ находитъ свѣтъ и мракъ, но не здѣшній; свѣтъ, передъ которымъ наше яркое солнце свѣтило бы менѣе, чѣмъ свѣча передъ солнцемъ; мракъ, передъ которымъ наша самая темная ночь была бы яснѣе дня. Онъ встрѣчаетъ тамъ и подобныя себѣ существа и узнаетъ въ нихъ людей также отшедшихъ изъ здѣшняго міра. Но какое измѣненіе: это уже не здѣшнія лица и не земныя тѣла; это однѣ души, вполне раскрывшіяся со всѣми ихъ внутренними свойствами, которыя и обле-

каютъ ихъ соотвѣтственными себѣ образами: по этимъ образамъ души узнаютъ другъ друга; а силою чувства узнаютъ тѣхъ, съ которыми сближались въ здѣшней жизни. Потомъ встрѣчаются духу существа также сродныя ему по естеству, но такія, которыхъ одно приближеніе даетъ ему чувствовать неизмѣримо высшую надъ нимъ силу ихъ. Одни изъ нихъ выходятъ изъ глубины безпредѣльнаго мрака, и все существо ихъ мракъ и зло; они мыслятъ, дѣйствуютъ, живутъ однимъ зломъ; неизобразимыя страданія въ нихъ самихъ, и отъ нихъ другимъ скорбь и гибель, отличаютъ ихъ каждое движеніе и дѣйствіе. Но это еще въ низшихъ сферахъ духовнаго міра, ближайшихъ къ міру земному. А тамъ, далѣе, духъ видитъ безконечное море непостижимаго свѣта, изъ котораго выходятъ другія существа еще болѣе могучія; ихъ природа и жизнь—одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный свѣтъ наполняетъ все существо ихъ и сопровождаетъ каждое движеніе.

Итакъ въ этомъ чудномъ мірѣ, духъ человѣка, ничѣмъ не стѣсняемый и силой своей духовной природы, и неодолимою силою притяженія сроднаго ей міра, летитъ, летитъ все далѣе и далѣе, до того мѣста, или лучше сказать, до той степени, до какой могутъ достигать его духовныя силы, и весь поразительнымъ для него образомъ перерождается. Тотъ ли это духъ, который жилъ въ человѣкѣ на землѣ, духъ ограниченный и связанный плотію, едва замѣтный подъ массою тѣла, всецѣло ему служащій и поработенный такъ что безъ тѣла по видимому и жить и развиваться не могъ? Тотъ

ли это духъ немощный, съ такимъ трудомъ развивавшій здѣсь и неширокія свои идеи, и неглубокія чувства, и несильныя стремленія, такъ часто и легко падавшій подъ бременемъ чувственности и всѣхъ условій земной жизни? Тотъ ли наконецъ это духъ, въ которомъ и добро было большею частью только въ сѣмени, и зло скрывалось глубоко, такъ что онъ почти не сознавалъ самъ въ себѣ ни того, ни другаго, и такъ было въ немъ все не твердо и перемѣшано, что и добро побѣждалось зломъ, и во злѣ проглядывало иногда добро, и не рѣдко являлось одно подъ видомъ другаго? Теперь что съ нимъ случилось? Теперь все, и доброе и худое, быстро съ неудержимою силой раскрывается; его мысли, чувства, нравственный характеръ, страсти и стремленія воли, все это развивается въ необъятныхъ размѣрахъ; онъ самъ ихъ ни остановитъ ни измѣнить, ни побѣдить не можетъ; безпредѣльность вѣчности увлекаетъ и ихъ до безконечности; его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло; его зло дѣлается безконечнымъ, его скорби и духовныя болѣзни обращаются въ безпредѣльныя страданія. Представляете ли вы себѣ весь ужасъ такого состоянія? Твоя душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая въ себѣ зло, тамъ явится злою до безконечности; твое худое чувство, здѣсь еще чѣмъ нибудь сдержанное, если ты не искоренишь его здѣсь, обратится тамъ въ бѣшенство; если ты здѣсь владѣешь собою, тамъ ты уже ничего не можешь съ собою сдѣлать: все въ тебѣ и съ тобою перейдетъ туда и разовьется въ безконечность. Чѣмъ ты тогда сдѣлаешься? Если ты здѣсь не хорошъ, ты тамъ будешь

темнымъ, злымъ духомъ. О, тогда ты самъ себя не узнаешь, или нѣтъ, ты тогда слишкомъ хорошо узнаешь себя и еще гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. Помощи ни какой и ни откуда уже не будетъ, и понесетъ тебя твое зло собственнымъ своимъ тяготѣніемъ туда, гдѣ живетъ вѣчное, безконечное, зло, въ сообщество темныхъ, злыхъ силъ. И на этомъ пути ты ни остановиться, ни возвратиться не можешь и во вѣки вѣковъ ты будешь страдать. — чѣмъ? Бѣшенствомъ отъ твоего собственнаго зла, которое не подастъ тебѣ уже никакой надежды къ лучшему и не дастъ тебѣ покоя дѣ самомъ себѣ, и—отъ той злой среды, которая будетъ сильнѣе тебя, будетъ вѣчно окружать тебя и терзать тебя безъ конца.

Что же душа добрая, что съ нею? И добро также раскроется по всей полнотѣ и силѣ; оно будетъ развиваться со всею свободою, которой здѣсь не имѣло, обнаружить все свое внутреннее достоинство, здѣсь болѣею частью сокрытое, неизнаваемое и неопѣняемое, весь свой внутренній свѣтъ, здѣсь всячески затемняемый, все свое блаженство, здѣсь не постигаемое и подвляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа, всей силою своего природнаго, нравственно развѣтаго и добродѣтельно возвышеннаго стремленія горѣ, въ высшія сферы того міра, туда, гдѣ въ безконечномъ свѣтѣ живетъ Источникъ и Первообразъ всякаго добра, въ сообщество свѣтлыхъ, чистѣйшихъ существъ и сама сдѣлается ангеломъ, то есть такимъ же чистымъ, свѣтлымъ, блаженнымъ существомъ. Безпредѣльная любовь будетъ соединять ее съ Богомъ, съ Ангелами и подобными ей душами. Она

будетъ уже во вѣки тверда въ своемъ добрѣ, и никакое зло, ни внутреннее, ни внѣшнее, не можетъ уже колебать ее, ни измѣнить ее, ни повредить ея блаженному состоянію. Но и не праздно будетъ душа жить и наслаждаться своимъ добромъ и блаженствомъ; она будетъ дѣйствовать: дѣйствовать своимъ уже ничѣмъ не затемняемымъ, не заблуждающимъ, а просвѣтленнымъ умомъ, въ созерцаніи и постиженіи тайнъ, здѣсь неразгаданныхъ и неизвѣстныхъ, тайнъ Бога, міроздавнiя, себя самой и вѣчной жизни; будетъ дѣйствовать всею силою уже ничѣмъ нестѣсняемыхъ и неповреждаемыхъ чувствъ сердца, въ развитіи своей новой, высшей жизни; будетъ дѣйствовать всею крѣпостью своихъ духовныхъ, ничѣмъ неударжимыхъ и неразвлекаемыхъ въ разныя стороны, стремленій воли, по пути указанномъ ей судомъ высшей Правды и Любви, къ цѣлямъ опредѣленнымъ въ предвѣчныхъ идеяхъ царства Божія.

Что еще сказать вамъ? Я показалъ только переходъ чловѣка въ вѣчность и, такъ сказать, общія основанія загробной жизни. На всякіе дальнѣйшіе вопросы я долженъ отвѣчать: не спрашивайте. Кто изъ насъ настолько развитъ и возвышенъ духовною жизнію, чтобы стать въ непосредственное общеніе съ высшимъ, духовнымъ міромъ? Вотъ и тѣ, которые по особеннымъ причинамъ являются изъ этого міра сюда, ничего не сообщаютъ намъ объ его тайнахъ, и тѣ, которые только на мгновеніе восхищены бываютъ отъ земли въ этотъ міръ, видятъ и слышатъ тамъ нѣчто, о чемъ, когда сюда возвращаются, говорятъ, что видѣн-

ное и слышанное тамъ не мѣтъ есть челоуку глаго-
лати. Такъ неизобразима вѣчность, что налагаетъ пе-
чать безмолвія на всякій умъ и языкъ здѣшній. При-
бавлю только, что и малое откровеніе вѣчности въ
здѣшной жизни производитъ въ челоука мертвенное
ощипеніе всѣхъ чувствъ и органовъ тѣлесныхъ.
Словомъ, чтобы понять вѣчность здѣсь, надобно че-
лоуку умереть.

БЕСЪДА

Въ день усненія Божіей Матери.

(15-го августа 1868 года).

Въ день, посвященный памяти Святой Дѣвы Бого-
матери, да будетъ позволено найти въ жизни Ея от-
вѣтъ на одинъ современный вопросъ. Это вопросъ о
такъ называемомъ освобожденіи и возвышеніи правъ
женской половины челоуческаго рода.

Если вашъ просвѣщенный вѣкъ признаетъ, что ис-
тинное достоинство и право челоука раскрывается
только въ христіанствѣ, если также онъ не можетъ
не признать, что Дѣва Марія есть возвышеннѣйшее
и совершеннѣйшее проявленіе чистѣйшаго духа христі-
анства, то гдѣ же, какъ не тутъ, въ этомъ первооб-
разѣ христіанской жены искать основанія и залога и
истиннаго смысла ея возвышенія?

Вотъ Дѣва безвѣстная даже въ небольшомъ народѣ,
еще юная, бѣдная, отдается на воспитаніе къ храму
Божію. Здѣсь подъ сѣнью святыни, гдѣ душа Ея по-
стоянно возносилась къ Богу, Она воспитала въ себѣ

чувство высшей, отрѣшенной любви къ одному Богу, и въ безусловной чистотѣ дѣвственнаго цѣломудрія сознала истинное совершенство и блаженство невинной души.—Высоко—нравственное, но не блестящее на взглядъ міра состояніе! Не правда-ли? Какія судьбы могли ожидать эту Дѣву въ мірѣ? Она могла сдѣлаться образцомъ чистой нравственности, могла получить необыкновенное развитіе внутренней духовной жизни, но слишкомъ мало значенія и счастья въ жизни внѣшней. Она сама себя лишала даже того утѣшенія, которое, само по себѣ естественное и законное, составляло въ тѣ времена преимущественное возвышеніе и счастье женщины—утѣшеніе имѣть дѣтей.

Но вотъ эта Дѣва внезапно получаетъ откровеніе свыше, о рожденіи необыкновеннаго Сына; зачинаетъ и рождаетъ, но безъ мужа и безъ болѣзней; въ рожденіи и по рожденіи остается чистѣйшею Дѣвою. Если вспомнимъ, что значать для жены болѣзни дѣтороженія и все естественно-нравственное подчиненіе мужу, что это не только законъ природы, но и судъ Божій за паденіе жены, то рожденіе безъ болѣзней, рожденіе безъ мужа, рожденіе безъ потери дѣвства не означаетъ ли необычнаго, выше-естественнаго, возвышенія женщины и ея нравственнаго освобожденія? И это могло быть только тамъ, гдѣ положено совершенно новое основаніе жизни человѣчества, гдѣ Самъ Искушитель и Обновитель человѣчества соединилъ въ Своемъ лицѣ Божество съ человѣчествомъ. Словомъ, такъ чрезвычайно превознесена, и такъ дивно поставлена могла быть женщина только въ христіанствѣ.

И Сама Пресвятая Дѣва не могла не восчувствовать всего величія, какое даль Ей Всемогущій; Она не уеумнилась даже сама себѣ предрекать ублаженіе отъ всѣхъ родовъ земныхъ. Что же однако видимъ въ Ея жизни? По рожденіи Божественнаго Сына едва нѣсколько строкъ записано объ Ней въ Евангеліи; вблизи своего Сына Она безмолствуетъ, едва видится и слышится и не иначе, какъ наравнѣ со всѣми другими людьми, даже внѣ круга избранныхъ учениковъ Его, а иногда просто въ толпѣ является зрительницей Евангельскихъ событій; и только смиренно, кротко, что видеть и слышать, слагаетъ въ своемъ сердцѣ; свѣтитъ тихо какъ луна, и скрывается въ лучахъ солнца, отъ котораго заимствуетъ свой свѣтъ. Даже въ послѣдній, великій часъ страданій на крестѣ, Сынъ едва на минуту останавливаетъ Свой взоръ на матери, и только для того, чтобы поручить Ее попеченію одного изъ Своихъ учениковъ. Такъ смиренна была Ея доля въ кругу величайшихъ событій тогда совершавшихся. И тогда, какъ вышечеловѣческой Сынъ Ея оставилъ міръ, Она не спѣшитъ выступать на поле открытаго дѣйствія въ мірѣ; Она не получаетъ не только преобладающаго, но и самостоятельнаго значенія ни въ Церкви, ни въ обществѣ христіанскомъ того времени. Вездѣ являются впереди и дѣйствуютъ Христовы ученики, и во всей исторіи дѣяній ихъ только одно слово сказано о Богородицѣ; и только объ участіи Ея въ проповѣди Евангелія церковное преданіе сохранило нѣкоторое несовѣтмъ ясное свѣдѣніе. Какое смиреніе и самоотреченіе въ Богородицѣ съ одной стороны, и какая строгость духа въ христіанствѣ съ

другой! Гдѣ же величіе и слава этой необыкновенной Дѣвы—Матери? Оставались внутри Ея самой. Значить не тогда, не такъ, т. е. не путемъ внѣшней дѣятельности въ мірѣ должно было раскрыться все Ея значеніе.

Повторяю, какъ высоко въ лицѣ Богоматери поставлена женщина въ христіанствѣ, и прибавлю: какъ мало даже въ этомъ необыкновенномъ лицѣ оставлено женщиной самостоятельности, или только равноправности съ мужскимъ родомъ въ дѣятельной жизни!

Наконецъ Пресвятая Дѣва умираетъ: и вотъ тогда только открывается міру вся Ея духовная сила и всемірная слава. Она становится послѣ Своего Сына во главѣ христіанства; Церковь признаетъ Ее выше Ангеловъ; Она принимаетъ поклоненіе отъ всего христіанскаго міра и является его прибіжищемъ и покровомъ, въ его скорбяхъ и нуждахъ, и всю Свою неистощимую силу изливаетъ въ благотвореніяхъ человечеству. Вотъ стало быть настоящая область свободнаго дѣйствованія въ мірѣ Богоматери.

Таковъ первообразъ женщины въ христіанствѣ. Таковъ идеаль ея освобожденія и возвышенія. Что здѣсь служить основой идеала?—Совершенство нравственной чистоты. Какой характеръ свободы и величія? Чисто—нравственный. Какая здѣсь сила, какія права, какое поприще дѣятельности? Все это строго нравственно и ограничено нравственною жизнію, проникнутою однимъ духомъ и одною силою христіанскаго добра. Но

здѣсь и предѣлъ свободѣ и праву пола. Далѣе не вело и все величіе Богоматери.

Или этотъ первообразъ представляется слишкомъ исключительнымъ и по обстоятельствамъ жизни, и по личнымъ качествамъ Пресвятой Дѣвы, и потому не примѣнимымъ къ общей жизни? Такъ вотъ очевидно съ того же первообраза снятый, только въ сокращенныхъ чертахъ, образъ начертанный христіанскимъ ученіемъ для всего женскаго христіанскаго пола! Это—жизнь, собранная въ сердцѣ, *тихость и безмолвіе духа*. Какой выразительно—поучительный образъ! И такъ жизнь сосредоточенная въ сердцѣ, въ его чистыхъ нравственныхъ чувствахъ, а не развлекаемая дѣлами внѣшняго міра, невозмутимая тишина чувствъ, а не волненіе въ буряхъ общественнаго шума и мірскихъ дѣлъ, безмолвіе духа, а не рвеніе возвышать свой голосъ на открытомъ поприщѣ дѣятельной жизни: вотъ что, по ученію христіанскому, составляетъ самое высокое достоинство женщины. —Гдѣ же тутъ, скажутъ, освобожденіе и возвышеніе, о которомъ идетъ рѣчь? Оно тутъ и есть; тутъ его основаніе, его залогъ, его истинный смыслъ и чистый характеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ чего началось униженіе и порабощеніе женщины? Съ ея нравственнаго паденія, когда, своевольно выступивъ изъ области сердца, въ которомъ чисто нравственнымъ союзомъ была соединена съ своимъ мужемъ и была столько же нравственно свободна и счастлива, сколько невинна, она увлеклась внѣшними искушеніями, обольщавшими ее мыс-

лію о возвышеніи надъ своимъ естественнымъ состояніемъ. Тогда съ заблужденіемъ ума и порчею сердца она потеряла въ себѣ нравственную силу и въ ней залогъ своего высокаго достоинства и своей разумной свободы; она стала уже не свободною союзницей въ сердцѣ и жизни, а рабою своего мужа, его воли, болѣе сильной и наклонностей, болѣе грубыхъ. Чѣмъ довершилось это униженіе и порабощеніе? Потерю самообладанія, цѣломудренной сдержанности чувствъ и мира душевнаго, когда жена слишкомъ уже далеко зашла во внѣшній міръ, захотѣла войти и въ мужскіе нравы, стала раздѣлять ихъ грубыя или пожалуй и утонченныя, но тѣмъ неменѣе испорченныя стремленія и прихоти, и потерявъ чистоту любви и искренность уваженія другаго пола, сама сдѣлалась соблазномъ въ мірѣ, и полная страстей стала игралищемъ страстей мужскихъ. Она порабощена потому, что поработила саму себя; она унижена потому, что унизилась, она стѣснена въ своихъ правахъ, потому что сама ими пожертвовала. И еиміамъ, повидимому воскрѣаемый предъ нею въ образованныя времена и въ образованномъ обществѣ, очень напоминаетъ тотъ еиміамъ, который язычники курили предъ своими обожаемыми статуями, обожая въ нихъ не ихъ самихъ и не воображаемыя въ нихъ вышнія существа, а собственныя страсти въ нихъ олицетворенныя. Что же говорить о расширеніи свободы и возвышеніи правъ? При нравственномъ безсиліи, при нравственно испорченной, а нерѣдко и вовсе не нравственной зависимости отъ другаго пола, при искаженіи естественнаго права и неестественномъ вторженіи въ чуждыя области міра, гдѣ тутъ внутрен-

няя сила, гдѣ опора и ручательство для твердой самостоятельности и вѣрнаго направленія свободы и правъ?

Ясно ли теперь, что можетъ вывести женщину изъ униженія и порабощенія? Одно средство: съ возстановленіемъ нравственной чистоты, возвращеніе къ жизни сердца; съ удаленіемъ отъ внѣшнихъ дѣлъ и суетливыхъ тревогъ міра, соблюденіе нравственной тишины чувствъ и безмолвіе духа. И что можетъ быть свойственнѣе полу при всѣхъ условіяхъ естественнаго его склада, что можетъ быть прекраснѣе и наиболѣе привлекать къ нему чистую нравственную любовь и все уваженіе другаго пола, болѣе оградить и обезопасить женщину и отъ собственныхъ паденій и отъ коварства и наглости страстей мужскихъ? Что можетъ даже сдѣлать женщину болѣе свободною въ духѣ и независимою въ жизни? Здѣсь, въ жизни сердца, въ нравственной красотѣ и святости цѣломудрія, въ глубокомъ, живомъ религіозномъ чувствѣ, которому женское сердце можетъ быть отличнымъ проводникомъ и въ обществѣ, въ безраздѣльныхъ чувствахъ супруги, матери, въ полномъ посвященіи сердца и жизни воспитанію дѣтей, которыхъ не отдѣльныя только личности развиваются, но приготовляются цѣлыя поколенія къ будущимъ временамъ, въ чувствахъ и стремленіяхъ любви христіанской съ ея всеобъемлющимъ, вседѣйствующимъ добромъ, съ ея милосердіемъ и состраданіемъ къ бѣдствующему человѣчеству, къ которымъ такъ способна по природѣ своей, а тѣмъ болѣе по христіанству женская душа;—вотъ гдѣ христіанское назначеніе женщины, назначеніе чрезвычайно высокое; вотъ

гдѣ права ея неотрицаемы и неприкосновенны, свобода и дѣятельность не стѣснены.

А далѣе?—далѣе христіанское ученіе говорить, что въ Церкви, т. е. въ церковныхъ собраніяхъ и дѣлахъ: *жены да молчатъ, не повелѣся бо имъ глаголати; «въ семействѣ — мужъ глава жены, а жена да повируется своему мужу, въ обществѣ — не повелѣваетъ ей ни учить, ни властвовать, а пребываетъ въ безмолвіи».* Не разъ это послѣднее выраженіе повторяется словомъ Вождимъ: такъ хорошо оно выражаетъ истинное достоинство христіанской женщины.

БЕСѢДА

ВЪ ДЕНЬ РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА,
1867 года (а).

Утѣшительно для меня, братія мои, видѣть васъ собранными въ храмѣ Вождимъ, къ которому и я по крайней мѣрѣ — на это лѣто — принадлежу, какъ вашъ соприхожанинъ; съ душевною радостью участвую въ вашемъ храмовомъ праздникѣ памяти Святаго Князя Владиміра, и дорого цѣню ваше усердное желаніе почитать этотъ праздникъ Архіерейскимъ священнослуженіемъ; спокойно отдыхаю духомъ и тѣломъ среди трудовъ моего многотруднаго служенія, въ привольи окружающей васъ зеленѣющей природы, около вашего селенія, въ которомъ вижу тишину, миръ, добрый порядокъ жизни.

Теперь, братія мои, если вы ожидаете отъ меня поученія, то откуда я могу взять лучшее поученіе, какъ не изъ жизни того же Святаго Князя, котораго память мы нынѣ празднуемъ? Знаете ли вы, или слышали ли что нибудь изъ житія его? Жаль, если не слышали. Жизнь его, сама по себѣ весьма поучитель-

(а) Произнесена въ сельской церкви на Дреснѣ, гдѣ Преосвященный Іоаннъ жилъ лѣтомъ 1867 года.

ная, должна быть хорошо известна и памятна всякому русскому человѣку, потому что онъ сдѣлалъ великое, во вѣки незабвенное благодѣяніе всей Руси, просвѣтивъ ее вѣрою Христовою.

Владиміръ былъ великимъ княземъ Руси въ самое древнее время, когда она еще не была святою, т. е. христіанскою, православною. Русскіе люди жили тогда въ язычествѣ, яснѣе сказать,—Бога истиннаго не знали, а поклонялись идоламъ, истуканамъ: каменнымъ, деревяннымъ и всякимъ другимъ. Такъ и Великій Князь Владиміръ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ народомъ русскимъ былъ язычникъ, поклонялся идоламъ, даже оказывалъ имъ особенное усердіе, умножалъ ихъ на землѣ русской, украшалъ золотомъ и серебромъ и приносилъ имъ всякія жертвы, даже готовъ былъ приносить въ жертву и самыхъ людей. Не страшно ли это? И жилъ онъ также поязычески, предавался самымъ грубымъ страстямъ, любилъ плотскія наслажденія, любилъ веселья и роскошно пируетъ съ своими боярами и дружиною. Но отъ природы онъ былъ умный князь и имѣлъ душу добрую и не долго онъ проводилъ жизнь въ такихъ страстяхъ и наслажденіяхъ. Умомъ своимъ онъ скоро понималъ, что ему и его народу недостаетъ свѣта, что всѣ они ходятъ въ какой то тьмѣ и не видятъ истины и не понимаютъ добра. Сердце его почувствовало, что во всѣхъ плотскихъ удовольствіяхъ одна пустота и одно зло, что душѣ нужно что нибудь лучшее, чтобы можно было дѣлать настоящее добро и себѣ и другимъ, и въ этомъ только добръ находить утѣшеніе и честь и славу, а не въ буй-

ствѣ страстей. И вотъ. пришелъ Великій князь въ раздумье; умъ его сталъ раздумывать, какъ бы выйти ему съ народомъ изъ тьмы, которая ихъ окружала; душа стала тосковать и просить себѣ лучшей пищи, словомъ сказать, умомъ и сердцемъ князь понялъ, что нѣтъ у него свѣта и добра отъ того, что онъ и всѣ русскіе люди еще не знаютъ истиннаго Бога, что идола—нелѣпость, что все язычество—одно заблужденіе и зло. И въ самомъ дѣлѣ, братія мои, какой же свѣтъ, какое утѣшеніе, какое добро можетъ быть тамъ, гдѣ люди не знаютъ истиннаго Бога? Вѣдь душа наша создана по образу и по подобію Божию: поэтому она можетъ быть свѣтла, т. е. можетъ познавать истину, быть разумна въ своихъ мысляхъ и дѣлахъ, когда знаетъ Бога, она можетъ быть довольна и счастлива только тогда когда исполняя законъ Божій и святую волю Его, предаваясь всѣми чувствами своими Его Промыслу, доходитъ до такого совершенства въ самой себѣ, что можно сказать Богъ живетъ въ ней и изливаетъ въ нее Свою благодать и Свой миръ. А всѣ наши человѣческіе расчеты на честь, на славу, на счастье никогда не бываютъ вѣрны и неизмѣнны, и всѣ наши плотскія или вообще мірскія наслажденія, какъ бы широки и роскошны ни были, подъ конецъ ничего не оставляютъ въ душѣ, кромѣ пустоты, тоски и душевной и тѣлесной порчи.

Итакъ, благословенъ Богъ, остановившій въ то время бурный потокъ жизни князя Владиміра и пославшій лучъ Своего свѣта въ его разумъ и сердце, чтобы направить его на путь истины.

Сознавши такимъ образомъ крайнюю нужду для себя и для всего Русскаго народа увѣдать истиннаго Бога, князь Владиміръ сталъ думать крѣпкую думу, какъ ему познать истиннаго Бога, и гдѣ и какъ найти правую вѣру? Разные народы имѣютъ разныя вѣры, которая же вѣра лучше? Да, братія мои, вопросъ этотъ очень важный и очень трудный; тутъ для князя Владиміра дѣло шло о его душѣ и душахъ всѣхъ его подданныхъ, о ихъ жизни временной и вѣчной; какъ найти и принять истинную вѣру значило имъ спасти свои души, такъ принять какое нибудь ученіе лже-вѣрное значило погубить свои души на вѣки. Тогда прослышали разные народы, что Русскій князь хочетъ перемѣнить свою вѣру и стали посылать къ нему своихъ людей, чтобы похвалить ему свою вѣру и постараться склонить его къ ней. Такъ пришли къ нему евреи, магометане, тѣ, что чтутъ лживаго пророка, латинны, которые хотя и христіане, но ложно толкуютъ ученіе Евангелія, и греки. Но не полюбилась Владиміру вѣра ни жидовская, ни магометова, ни латинская. Только когда ученые греки изложили ему свое вѣроученіе и особенно когда показали ему картину страшнаго суда Христова, то Владиміръ принялъ это къ сердцу и подумалъ: не это ли истинная вѣра? Тогда онъ созвалъ на совѣтъ старѣйшихъ бояръ и сталъ разсуждать съ нами о томъ, что занимало его душу. Бояре сознавали, что тогдашняя ихъ вѣра была дѣйствительно нехороша и не полезна, и что слѣдуетъ ее перемѣнить, но, говорили они, всякій народъ свою вѣру хвалить, и слушать всѣхъ нечего, а лучше послать намъ отъ себя нарочитыхъ людей въ

чужія страны, чтобы видѣть каждую вѣру на мѣстѣ, гдѣ она живетъ, чтобы судить какъ тамъ люди молятся Богу и какъ живутъ по своей вѣрѣ. И вотъ отъ правилъ Великій князь избранныхъ людей къ разнымъ народамъ, чтобы испытать вѣру ихъ. Вотъ, братіе, и здѣсь есть урокъ; напр. хотя вы и исповѣдуете христіанскую православную вѣру, но и къ вамъ могутъ приходять разные учителя съ разными ученіями, и станутъ говорить одинъ то, другой другое о вѣрѣ спасеніи души. Не слушайте всѣхъ и каждого; а испытывайте, какъ говоритъ Св. Писаніе *«иже отъ Бога суть»*, т. е. дѣйствительно ли Божеское ученіе они вамъ передаютъ, и дѣйствительно ли по Божескому слову толкуютъ его, и еслибы случилось, что они стали бы вамъ говорить, что нибудь несогласное съ словомъ Божиимъ, съ ученіемъ нашей православной вѣры, выдавать себя за учителей лучше другихъ, лучше вашихъ законныхъ пастырей и учителей, то не слушайте ихъ и объявляйте имъ рѣшительно, что вы не будете слѣдовать ихъ ученію.

И такъ, пошли люди Владиміровы по разнымъ странамъ и видѣли разныя вѣры, и не пришлась имъ по душѣ ни одна вѣра. А когда наконецъ пришли въ Царьградъ, гдѣ было тогда православное греческое государство, когда увидѣли тамошніе храмы Божіи, тамошній клиръ церковный и христіанъ православныхъ, особенно когда вошли къ Богослуженію въ соборную церковь Св. Софіи премудрости Божіей и увидѣли невиданное ими дѣстоль величіе: благолѣпіе храма, благоустроенный чинъ святаго Богослуженія, уви-

дѣли, какъ молятся православные христіане; то все это такъ изумило и поразило ихъ, что имъ показалось, какъ будто они не на землѣ уже, а на небѣ. И поспѣшили они возвратиться на свою родину и высказать князю все, что видѣли и чувствовали въ разныхъ странахъ, и не находили словъ, чтобы выразить все, что они чувствовали въ храмѣ Св. Софіи христіанскаго Царяграда. Тогда и великій князь Владиміръ вмѣстѣ съ боярами рѣшилъ, что больше искать нечего, ясно, что вѣра истинная живетъ у православныхъ грековъ и что къ нимъ слѣдуетъ обратиться за святымъ ученіемъ вѣры. Остановлюсь я тутъ, братія мои, чтобы извлечь для васъ нѣчто нужное и полезное. Вотъ видите, какъ въ дѣлѣ вѣры, въ дѣлѣ Божіемъ много значитъ и внѣшній видъ, исповѣданіе вѣры. Вотъ видите, какъ благолѣпіе святаго храма, какъ самый чинъ Богослуженія благоустроенный, могли расположить нашихъ праотцевъ къ истинной вѣрѣ Христовой, и какъ много значитъ и это въ дѣлѣ спасенія нашихъ душъ. Не посѣтуйте, если, говоря это, я укажу вамъ на этотъ храмъ, въ которомъ мы теперь собраны. Не видите ли вы, какъ еще мало онъ благоустроенъ, какъ еще много требуетъ онъ обновленія и досильнаго съ вашей стороны благоуукрашенія. Не хорошо, братія мои, оставлять его надолго въ такомъ видѣ. Хорошій хозяинъ думаетъ о своемъ домѣ, какъ бы его лучше устроить и найти къ тому лучшія средства. Простительно ли небреженіе о домѣ Божіомъ? И не много нужно средствъ, чтобы привести этотъ малый храмъ въ настоящій соотвѣтственный дому Божію видъ; если же не достаетъ у васъ къ тому нужныхъ силъ и

средствъ, то пусть будетъ съ начала усердіе и ревность къ дому Божію, и затѣмъ мало по малу найдутся съ помощью Божіею и нужныя средства.

Такъ то Великій князь Владиміръ рѣшился принять и принять отъ Грековъ христіанскую православную вѣру, и крестился онъ самъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и за нимъ, по его слову и примѣру, и весь народъ русскій. Крестились всѣ разомъ въ Кіевѣ, въ рѣкѣ Днѣпрѣ, которая и у насъ протекаетъ. «Небо и земля ликовали», говоритъ нашъ первый лѣтописецъ преподобный Несторъ. Да и какъ не ликовать, братіе? Тутъ цѣлый народъ переходилъ изъ тьмы къ свѣту, отъ жизни худой къ жизни доброй, и всѣ Рускіе люди дѣлались чадами Божіими.

Принявъ св. крещеніе, Великій князь Владиміръ сталъ уничтожать прежнихъ идоловъ, всѣ имъ празднованія и всякое со стороны народа служеніе имъ. Народъ, правда, немного поскорбѣлъ о сокрушеніи идоловъ, которымъ изстари поклонялся и былъ привязанъ своими исконными обычаями, однакожь слушая своего мудраго князя и видя его собственный добрый примѣръ, не сомнѣвался, что это дѣлается къ лучшему. Такъ, братія мои, какъ не сильно бываютъ люди и цѣлые народы привязаны къ своей старинѣ, къ обычаямъ отцевъ и дѣдовъ, однакожь не все же старое бываетъ хорошо. Въ старыхъ понятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ бывало всегда не мало худаго, что требуетъ исправленія и улучшенія. И это не грѣхъ дѣлать и особенно, если это не касается слишкомъ важныхъ и существенныхъ сторонъ въ нашей жизни, какъ напр.

въ вѣрѣ; здѣсь всякое отступленіе отъ древле-отеческаго преданія, отъ вѣковыхъ установленій можетъ быть допущено только съ величайшею осторожностью и притомъ сдѣлано не однимъ кѣмъ нибудь, а общимъ голосомъ православныхъ вѣрныхъ людей.

На мѣстахъ прежнихъ истукановъ и капищъ, въ которыхъ они находились, Святой князь началъ строить церкви и монастыри, и какъ христіанская вѣра изъ Кіева, столичнаго города княжескаго, быстро распространилась по всеѣмъ городамъ Руси, то и тамъ повсюду строились христіанскія церкви и учреждались иноческія обители. Вмѣстѣ съ симъ Св. Владиміръ, какъ принялъ отъ грековъ, такъ и на своей Руси распространялъ все церковныя правила, уставы и порядки; и священныя книги взяты были отъ христіанъ Болгарскихъ, которые жили на рѣкѣ Дунаѣ и, принявъ христіанскую вѣру, прежде насъ успѣли перевести на славянскіе эти книги, а это славянскіе были близко къ нашему, и такимъ образомъ наши новокрещенные предки стали молиться и служить Богу на своемъ родномъ языкѣ. Словомъ сказать, вся христіанская вѣра въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ была у православныхъ грековъ въ Царьградѣ, такъ перешла и къ намъ во всей чистотѣ и совершенствѣ, и сохранилась такъ во все послѣдующія времена неизмѣнною. И мы нынѣ точно также исповѣдуемъ Бога Иисуса Христа, также молимся Ему, также совершаемъ службы Божіи, тѣ же священныя книги имѣемъ и читаемъ, то же ученіе и правило жизни проповѣдуемъ, какъ все это было при Св. князѣ Владимірѣ. И такъ,

вы не вѣрете, братія мои, такимъ лжеучителямъ, которые стали бы внушать вамъ, что у насъ нынѣ вѣра не та, какая была въ старину, что та вѣра испорчена, и у насъ нынѣ какаято вѣра новая, которой праотцы наши не знали. Повторяю вамъ, что у насъ вѣра одна и та же, ни въ чемъ не переменная, какъ была во все древнія времена и на Руси и прежде Руси, на христіанскомъ Востокѣ.

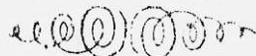
Вмѣстѣ съ церквами князь Владиміръ, началъ при церквахъ заводить и училища для дѣтей, въ нихъ ставилъ учителями священниковъ, которые преподавали дѣтямъ законъ Божій и грамоту русскую. Такъ, онъ первый на руси понялъ, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма, и тогда это было очень важно, такъ какъ новокрещеннымъ людямъ нужно же было разумѣть, въ чѣмъ состоитъ и чему учить ихъ новая вѣра; важно же это, братіе мои, и всегда, важно это и для васъ, какъ и для всеѣхъ; вы сами можете видѣть по собственнымъ опытамъ вашей жизни. что такое человекъ грамотный и неграмотный, кто больше разумѣетъ и кто болѣе твердъ въ истинѣ, и кто болѣе способенъ объяснить и другому, что нужно и полезно, грамотный или неграмотный. Я и не считаю нужнымъ болѣе распространяться объ этомъ предметѣ, а только выскажу вамъ при этомъ случаѣ, что я очень сожалѣю о томъ, что у васъ въ приходѣ нѣтъ школы, что и прежде употребленныя нѣкоторыя усилія завести школу оказались напрасными. Я убѣждаю васъ исправить этотъ недостатокъ, и пусть въ этомъ дѣлѣ вашъ священникъ будетъ вашимъ руководителемъ и помощникомъ.

Наконецъ князь Владиміръ, полный душевной радости и благодатнаго утѣшенія въ томъ, что Богъ помогъ ему устроить такое спасительное дѣло—какъ крещеніе дѣлаго Русскаго народа, сталъ самъ, лично совѣтъ инымъ человѣкомъ не такимъ, какъ былъ прежде въ язычествѣ: обуздаль свои чувственныя страсти, бросилъ прежніе пороки, сталъ кротокъ, милостивъ, благотворителенъ и только помышлялъ о томъ, какъ бы новою, лучшею жизнію и добрымъ управленіемъ народа угодить Богу истинному, Котораго позналъ въ новой вѣрѣ. И онъ угодилъ Богу и самъ удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ съ именемъ Равноапостольнаго, по тому уваженію, что, какъ Апостолы Христовы просвѣтили разные народы свѣтомъ ученія Христова, такъ и князь Владиміръ просвѣтилъ свой народъ.

Такова была, братія моя, жизнь этого истинно великаго и святаго князя. Я только вкратцѣ рассказаль вамъ ее, и тутъ вы видите, сколько въ его жизни замѣчательнаго и поучительнаго для всѣхъ насъ вообще и во многихъ отношеніяхъ для васъ.

Помните всегда этотъ великій примѣръ вѣры и жизни, который постоянно напоминаетъ вамъ вашъ приходскій храмъ и въ особенности праздникъ нынѣшняго дня. Молитесь Святому Князю усердно, да своими молитвами предъ престоломъ Божиимъ и заступленіемъ онъ постоянно изливаетъ на васъ свѣтъ истины и благодатную помощь на всякое дѣло благое. И я усердно его молю о томъ же, и въ особенности

нынѣ во имя его призываю благословеніе Божіе на васъ, на ваши семейства, на ваши дома и поля, и да даруетъ Богъ плоды добрые теперешнимъ вашимъ работамъ.

тели несутъ свои послѣдніе трудовые гроши или скудные домашнія издѣлія своихъ рукъ, чтобы положить ихъ къ подножію святыни. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ? Какое чувство и стремленіе движитъ тутъ духомъ народнымъ?

Тотъ ошибется, кто припишетъ это только силѣ преданія, обычая, духу стариннаго воспитанія; еще болѣе ошибется тотъ, кто все это отнесетъ къ одному народному суевѣрію. Мало ли въ народѣ преданій, обычаевъ, своеобразныхъ правилъ воспитанія? Да нѣтъ въ нихъ той души, какая видна въ усердіи народа въ святынѣ. Мало ли въ народѣ суевѣрій? Да нѣтъ въ нихъ той, душу успокоивающей, силы, какая здѣсь открывается. Скажите вы, люди образованные и несуетные, что заставляетъ васъ съ вопросами вашей души и жизни обращаться помимо чистой, прямой вѣры въ Бога къ искусственнымъ средствамъ, чтобы вызвать какія то таинственные откровенія, или мнимочудесныя силы? Скажите также и то, что вы тогда чувствуете? Или за васъ я скажу: вы тогда находитесь въ положеніи человѣка въ темнотѣ, въ незнакомой сторонѣ, сбившагося въ дорогѣ; онъ бросается на тусклый огонь, который мелькаетъ ему вдаль, не разбирая, что это, можетъ быть, огни болотные или огонь въ притонѣ разбойниковъ; и не чувствуете вы тогда ничего, кромѣ смущенія, страха, замѣшательства въ мысляхъ и душевнаго томленія; затѣмъ не остается въ васъ ничего, кромѣ нравственнаго ослабленія духа. Вотъ оно — истое суевѣріе и никакихъ другихъ дѣйствій въ человѣкѣ оно производитъ не можетъ. А посмотрите на душу простую, необра-

БЕСѢДА

ВЪ ДЕНЬ ЯВЛЕНІЯ ИКОНЫ СМОЛЕНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ—

ОДИГИТРИ.

(28-го Іюля 1867 года.)

Нынѣшній праздникъ нашъ принадлежитъ къ числу мѣстно—народныхъ. Здѣсь не церковная только святыня, а и народная, здѣсь не церковь только празднуетъ, а и народъ. Какое поучительное зрѣлище представляетъ православной Россіи почитаніе народной святыни, усердіе къ ней народа, его молитвы предъ нею!

Пройдите по всѣмъ концамъ Россіи: въ рѣдкомъ городѣ и селеніи не найдете вы исторической или чудотворной святыни, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ и признаваемой непосредственнымъ его покровомъ и прибѣжищемъ. Вы увидите, какъ въ дни празднованія этой святыни поднимается все населеніе мѣстное и окрестное и даже отдаленное, и толпами, какъ волнами, приливаетъ къ ней; какъ сельскіе жи-

зованную, когда она спѣшитъ къ своей родной святынѣ и предъ ней изливаетъ свои чувства и желанія; вы увидите тутъ ясность мысли, спокойствіе преданнаго Богу сердца, твердость убѣжденія, безболзненное упованіе. И выходитъ изъ подъ сѣни святыни душа ободренная въ мысляхъ, освѣженная въ силахъ. Нѣтъ, это не суевѣріе. Это глубокая сила духа, сила нравственная, столько же религіозная, сколько и народная, народная не потому только, что принадлежитъ массѣ народа, но и потому, что основана на народной совѣсти, на убѣжденіяхъ народнаго духа.

Или—будемъ считаться с илами. Укажите мнѣ силу, которая бы безъ особенныхъ побужденій, безъ начальственныхъ распоряженій, безъ всякаго насилія, однимъ мановеніемъ могла двинуть народныя массы къ самымъ важнымъ и тяжкимъ подвигамъ, къ неодолимой борьбѣ со всякою противною силою, къ самымъ великимъ пожертвованіямъ, даже до жертвы всею своимъ достояніемъ и самою жизнію. Укажите силу, которая однимъ словомъ могла бы вызвать голосъ народа, во всю мощь его потрясающаго грома и несокрушимаго дѣйствія. У другихъ народовъ такими силами нынѣ служатъ идеи прогресса, цивилизаціи, свободы; тамъ подъ этими знаменами народныя массы движутся, волнуются, борются между собою, рвутся впередъ. Покажите эти знамена нашему народу; онъ посмотритъ и спроситъ: есть ли на нихъ знаменіе креста или другой святыни? Нѣтъ? Значитъ, скажетъ онъ, онъ не христіанскія. А вотъ мы воззовемъ къ народу во имя родной вѣры и святыни: и тогда нѣтъ силы, которая

одолѣла бы нашъ народъ, нѣтъ жертвы, которой онъ не принесъ бы этимъ завѣтнымъ сокровищамъ и силамъ своей души и жизни. Правда, потрясаетъ его и имя отечества: да въ отечествѣ то что? Прежде всего народная вѣра; вѣра и отечество для него одной тоже. Что говорилъ русскій народъ въ древнія времена, когда своимъ всенароднымъ голосомъ вершилъ свои отечественныя, историческія дѣла? Что говорилъ на примѣръ древній Новгородъ, когда поднимался на враговъ, или Москва, когда спасала отечество? Постоймъ за святую Софію, говорилъ Новгородъ, разумѣя свой Софійскій соборъ; постоймъ за домъ Пречистой Богоматери, говорила Москва, имѣя въ виду святыню Кремля.

Люди, далеко стоящіе отъ народнаго быта, обыкновенно думаютъ, что въ религіи народа, въ его усердіи къ святынямъ мало мысли, мало сознанія и внутренней жизни, что его религія есть не болѣе, какъ обрядъ, внѣшность. Внѣшность, обрядъ! Да, когда въ храмѣ Божиемъ, въ часы важнѣйшихъ священнодѣйствій, предъ великою святыней, видимъ людей, у которыхъ на лицахъ не просвѣчивается никакой мысли, не выражается никакого чувства, которые по видимому не даютъ себѣ даже труда подумать, куда и зачѣмъ пришли, то конечно нельзя не заключить, что у этихъ людей религія не простирается и не имѣетъ значенія далѣе обряда. Но какіе это люди, изъ какихъ рядовъ народа? Кажется, болѣе всего не изъ простыхъ. Да не объ этихъ людяхъ, не объ этомъ народѣ у насъ теперь рѣчь. Вотъ въ тѣхъ

неразвитыхъ толпахъ, которыя особенно въ нѣкоторые дни, во множествѣ стекаются въ нашъ городъ, вникните вы, въ побужденія, заставляющія ихъ оставлять свои дома, хозяйства и семейства и съ черствымъ кускомъ хлѣба, подъ зноемъ или дождемъ идти сюда; вступите съ ними въ серьезныя сесѣды, вслушайтесь въ ихъ вздохи, жалобы и мольбы: сколько живаго сознанія; сколько серьезной мысли и жизни, внутренней, душевной жизни, найдете у нихъ! Здѣсь смиренный, недовѣрчивый къ себѣ разумъ, повергаетъ передъ Богомъ, тяготящій душу его, вопросъ жизни и темная мысль ищетъ свѣта; здѣсь растерзанное скорбями сердце проситъ отрады; здѣсь совѣсть, смущенная грѣхомъ, молить о благодатномъ прощеніи и мирѣ, здѣсь душа, незнающая въ мирѣ другой опоры для себя кромѣ Бога, въ чаяніи помощи Его, даетъ Ему свои простодушные обѣты; здѣсь рабочая рука, сама себѣ выработывающая дневной кусокъ хлѣба, поднимается къ небу, призывая благословеніе Божіе на свои тяжелые труды; словомъ тутъ является и сказывается жизнь, сама жизнь, какъ она есть, во всей, ничѣмъ не прикрытой дѣйствительности, жизнь не лживая, не искусственная, не праздная, со всеми ея нуждами и задачами, со всемъ добромъ и зломъ, со всеми радостями и печалами.

Благодареніе Богу, что еще горитъ на Руси этотъ священный огонь, освящающій и согрѣвающій душу народа; что еще не угашенъ онъ вѣтромъ вольнодумства, волнующаго умъ нашего времени, не подавленъ искусственнымъ усложненіемъ современной жизни.

Сколько, при помощи этого огня, можно сдѣлать истиннаго добра народу въ его просвѣщеніи, нравственности, въ быту общественномъ; но за то, какъ и безречь его надобно обществу и правительству, какъ осторожно обращаться съ нимъ, чтобы или не дать ему ложнаго направленія, подъ видомъ усиленія, или подбрасывая въ душу народа всякій хламъ новыхъ идей и стремленій не разжечь этого огня до бурнаго пламени: и тогда его сила, изъ мирной и успокоивающей народъ, сдѣлается страшно разрушительною для всего противнаго вѣрѣ народной.

ПОУЧЕНІЕ,

СКАЗАННОЕ

въ г. Вязьмѣ, при освященіи придѣльнаго престола

въ соборномъ храмѣ (24-го сентября 1867 года).

Я искренно радуюсь, братія мои, въ первый разъ видя себя въ вашемъ городѣ, столь значительномъ между другими городами Смоленской губерніи; еще болѣе радуюсь о томъ, что мое первое прибытіе къ вамъ соединяется съ освященіемъ новаго храма Богу: добрый знакъ, знакъ, что мое посѣщеніе, при всемъ моемъ личномъ недостоинствѣ, на этотъ разъ сопровождается дѣйствительною благодатию Божию, освятительною для мѣстъ и душъ христіанскихъ; радуюсь, видя въ вашемъ городѣ множество и благолѣпіе храмовъ Божиихъ; радуюсь наконецъ и подостоинству цѣнью и то особенное усердіе къ святынѣ и святительству пастырскому, которое вызвало меня сюда и встрѣтило меня здѣсь.

Теперь, братія мои, хотите ли дополнить и еще болѣе возвысить и упрочить мою духовную радость? Желаете ли, по крайней мѣрѣ, чтобы я сдѣлалъ у васъ свое дѣло вполне, какъ слѣдуетъ истинному пастырю, и, при всей радости быть и молиться съ вами, не вынесъ отсюда скорбнаго чувства, что не все у васъ сдѣлалъ? Да, кромѣ освященія новаго храма, здѣсь еще есть у меня мысль и забота. На моемъ попеченіи и тѣ особенные храмы, въ которыхъ каждый изъ васъ есть самъ по себѣ и строитель, и блюститель, и служитель и даже *іерей Богу*, храмы, которыхъ только наружность бываетъ видима другимъ, а внутреннее святинище болшею частью сокрыто и глубоко, глубоко затаено, и только сквозь растворенныя двери и окна, отблески и звуки, выходящіе изнутри, даютъ разумѣть, что тамъ совершается. Понимаете, о какихъ храмахъ я говорю? О храмахъ внутреннихъ, о святилищахъ души, устрояемыхъ изъ нашихъ мыслей, чувствъ, намѣреній и дѣлъ. Вотъ о чемъ я теперь думаю: каковы-то у васъ эти храмы? Я немогу самъ видѣть ихъ внутренности; не могу и требовать, чтобы каждый изъ васъ теперь открылъ мнѣ свой внутренний храмъ: но когда буду совнѣ видѣть отблескъ того внутренняго, яркаго свѣта души, который не можетъ не выразаться во внѣшности, въ добрыхъ дѣлахъ; когда будутъ слышны тѣ гармоническіе звуки благонастроенныхъ мыслей и чувствъ, въ какихъ выражается чистый голосъ истинно-христіанской души, тогда могу ли сомнѣваться, что въ вашихъ внутреннихъ храмахъ совершается христіанское служеніе Богу духомъ и истиною, что тамъ все чисто,

свято, благолѣпно, что тамъ дѣйствительно живетъ Богъ? А когда не видно такого свѣта, не слышно такихъ звуковъ, внутри только темнота, показывающая, что тамъ нѣтъ жизни, или живетъ только то, что любить мракъ, или когда несутся оттуда нестройные, грубые, дикіе звуки, т. е. худыя мысли, злыя чувства, порочныя желанія, постыдныя дѣла, тогда что сказать о вашихъ душевныхъ храмахъ? Тогда ясно, что въ нихъ не служеніе Богу совершается, не благодать Божія живетъ, что это какія нибудь языческія капища съ идолослуженіемъ, или, можетъ быть, и христіанскіе, по имени и назначенію, храмы, но оставленные въ небреженіи, запустѣніи и страшномъ безпорядкѣ. И буду я думать: вотъ въ этомъ городѣ много вещественныхъ храмовъ Богу, а много ли чистыхъ, добрыхъ душъ, благоустроенныхъ въ истинные храмы Богу? Буду знать о вашемъ усердіи и жертвахъ къ внѣшнему благолѣпію храмовъ, и буду оплакивать ихъ внутреннее, нравственное запустѣніе, буду слышать о вашей преданности Церкви и страшиться за вашу душевную погибель. Какія противоположности! Онѣ будутъ разрывать мнѣ сердце, также какъ будутъ разрывать вашу внутреннюю духовную жизнь.

А каковъ у васъ соборный внутренній храмъ? Этотъ — наружный — очень благоустроенъ: а внутренній? Скажу яснѣе: каково все ваше христіанское общество? Сохраняется ли и благоустроена ли у васъ Христова Церковь? Есть ли у васъ и крѣпко ли держится единеніе вѣры и духа церковнаго? Живетъ ли между вами любовь христіанская всѣхъ объемлющая, всѣхъ единящая, всѣмъ благожелательствующая? Царствуетъ

ли у васъ миръ благодатный, не допускающій раздора страстей, борьбы самолюбій, враждебнаго столкновенія житейскихъ интересовъ? Живо ли у васъ христіанское милосердіе, не терпящее видѣть и оставлять ближняго умирающимъ отъ голода и холода и разныхъ житейскихъ невзгодъ, милосердіе, не частное только, а и общественное, не размѣненное на мелочныя подаванія нищимъ, а выражающееся въ соединенныхъ усиліяхъ и жертвахъ общепользующей дѣятельности? Любитъ ли вашъ городъ свѣтъ, то есть то просвѣщеніе ума, которое не про себя только хорошо свѣтитъ, а любитъ, чтобы около него было свѣтло, и все общество не было бы темно? Самая промышленность вашего города отмѣчена ли печатію христіанской добросовѣстности, безкорыстія, общаго блага? Словомъ сказать: все дѣло вашей общественной, нравственной жизни также ли хорошо вырабатывается и также ли сладостно на христіанскій вкусъ, какъ вкусны мѣстныя издѣлія вашихъ рукъ? Если такъ, то крѣпка и чиста у васъ Христова Церковь, — у васъ истинный домъ Бога живаго! И вотъ стало быть гдѣ — не уныло, не бесплодно, не по обряду только, а радостно, плодотворно, отъ всей души я могу священнодѣйствовать и благодатію, и молитвою и словомъ, и чистою жертвою душъ христіанскихъ! А если не совсѣмъ такъ? Если не подуху Христову живетъ вашъ городъ, этотъ городъ чисто-русскій, древле православный, не смущаемый иновѣріемъ и расколомъ, не развлекаемый суетою большихъ городовъ, не подлежащій близко теченію вольнаго духа времени, населяемый преимущественно такимъ сословіемъ, въ которомъ болѣе другихъ сохра-

няется духъ вѣры и преданія отцевъ: то гдѣ же искать истиннаго христіанства? И долженъ буду я видѣть здѣсь только городъ, а не Христову Церковь, только гражданское общество, а не святой союзъ христіанскихъ душъ, только уѣздъ Смоленской губерніи, а не дѣйствительный удѣлъ благодатнаго царства Божія на землѣ.

Впрочемъ, братія мои, я самъ не расположенъ такъ думать о васъ и, говоря такія рѣчи, я во все не намеренъ омрачать настоящее торжество ваше, вмѣстѣ и мос, моимъ недовѣріемъ къ вамъ. Я выражаю только свою заботливость о вашихъ духовныхъ храмахъ, для меня обязательную, для васъ не пререкаемую. Примите же и вы къ сердцу мое слово и подумайте о душахъ вашихъ. А я какъ усердно нынѣ призывалъ на этотъ храмъ благодать вышняго освященія, такъ искренно желаю, чтобы онъ послужилъ дѣйствительному освященію вашихъ душъ и отъ глубины сердца призываю благословеніе Божіе на благочестивыхъ строителей и благотворителей его.

ПОУЧЕНІЮ,

СКАЗАННОЕ

въ городъ Вязьмѣ, въ женскомъ монастырѣ,

(26-го сентября, 1867 года).

Не подивите съ, Боголюбезныя сестры, если мою бесѣду съ вами я начну не словомъ Божиимъ, а словомъ міра. Вы, и я съ вами, не отъ міра и не для міра; но мы живемъ среди міра: онъ видитъ насъ, слѣдитъ за нами, судить насъ.

Что же говоритъ міръ? Онъ говоритъ: «для чего существуютъ иноческія обители? Если для постоянной молитвы Богу, для нравственнаго совершенствованія души, для утвержденія жизни въ чистотѣ христіанской, то и въ мірѣ все это возможно, и тамъ есть примѣры высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. А если для огражденія себя отъ соблазновъ мірскихъ, для подвиговъ высшей духовной жизни, для полного раскрытія въ себѣ Евангельскаго духа, то оправдываютъ ли наши обители такое назначеніе? И мѣсто ли имъ среди мирскихъ населеній?».

Какъ вы думаете, нужно ли отвѣчать на такіе вопросы, и что отвѣчать? Можетъ быть, здѣсь вы еще не много такихъ вопросовъ слышите, и міръ, васъ окружающій, не слишкомъ сильно ихъ выражаетъ. Но мы, стоящіе на высотѣ, въ самой средѣ свободно и гласно мыслящаго міра, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуютъ на насъ его буйныя вѣтры, гдѣ не въ мирѣ души и не въ безмолвіи жизни, какъ вы, должны мы служить Богу, а въ непрестанной, усиленной борьбѣ со всѣми вихрями и бурями мірскихъ мнѣній, страстей, стремлений и открытыхъ нападеній, въ борьбѣ—не за себя самихъ, не за свои только души: какая была бы необходимость съ одною своею душою идти на встрѣчу всѣмъ этимъ бурямъ? мы охотно бѣжали бы отъ міра;—а за всѣ души, намъ ввѣренныя, за Христову Церковь, за самое Евангеліе, мы, говорю, сколько такихъ вопросовъ и еще болѣе рѣзкихъ встрѣчаемъ и у себя и около себя, и вблизи, и вдали! И скажу вамъ, что въ настоящее время эти вопросы болѣе, чѣмъ когда нибудь, громки и настойчивы.

Конечно, можно бы сказать, что міръ не имѣетъ права ставить такихъ вопросовъ, потому что иночество есть дѣло совѣсти; но если тутъ нѣтъ права юридическаго и не много права нравственнаго, то намъ укажутъ право мысли, частной и общественной, вызываемой самою дѣйствительностью и практическими соображеніями. Можно ли спорить противъ этого права? Я не вправѣ напр. требовать отъ здѣшняго герода отчета, почему онъ занимается такимъ, а не другимъ издѣліемъ! Но кто же запретитъ мнѣ разсуж-

дать-про себя и вслухъ, дѣйствительно ли нужно такое издѣліе и не лучше ли было бы заняться чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ и общепольнымъ? Могли бы мы еще отвѣчать міру словомъ Апостольскимъ, что мірской человекъ не можетъ принимать и понимать того, что отъ Духа Божія, и не можетъ судить о томъ, потому что о такихъ предметахъ надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). Безъ сомнѣнія основанія иночества чисто духовныя и не иначе, какъ отъ Духа Божія, путемъ Евангелія, вошли въ жизнь христіанства; и міръ съ его житейскими понятіями и страстями не можетъ постигать этихъ основаній. Но не говоря объ основаніяхъ иночества, а о самой дѣйствительности иноческой жизни, можно спросить еще, достойны ли мы слова Апостольскаго? И настолько ли мы развиты и возвышены въ жизни духовной, чтобы міръ не могъ понимать насъ и судить объ насъ?

Что же? надобно, стало быть, дать міру отвѣтъ; иначе онъ самъ, по своему, рѣшитъ свои вопросы и тогда—что ожидаетъ наши обители? И теперь, Боголюбозные сестры, я хочу—какъ бы вы думали?—просить у васъ помощи на этотъ предметъ. Помогите вы мнѣ отвѣчать міру на его докучливые вопросы противъ монашества; дайте отвѣтъ хотя только за самихъ себя, хотя за одну вашу обитель. Я не заставлю васъ богословствовать, или спорить съ міромъ на славахъ. Пусть ваше иночество само отвѣчаетъ за себя. Гдѣ оно, ваше иночество? Покажите его міру. Ваше черное одѣяніе—не отвѣтъ; ваше множество—не отвѣтъ; все видимое устройство вашего монастыря—не отвѣтъ; ваши

частыя и долгія собранія для Богослуженій—не отвѣтъ; ваше уединеніе, ваши урочныя моленія, мѣра и родъ вашей пищи, вся наружная обстановка вашей жизни и соблюденіе внѣшнихъ уставовъ монастырскихъ—не отвѣтъ. Ваши обѣты? Но это только основаніе иночества, а еще не дѣйствительное иночество. Покажите ваше иночество изъ глубины душъ вашихъ, изъ существа вашей внутренней жизни, изъ вашихъ дѣлъ, общихъ и личныхъ. Покажите всю красоту и высоту иночества въ его дѣйствительности, въ полномъ осуществленіи его идей и характера, въ вашихъ нравственныхъ совершенствахъ. Тогда міръ пойметъ, для чего существуетъ монашество. Живись ты инокъ или инокиня предъ глазами міра во всей чистотѣ дѣвственнаго цѣломудрія, во всемъ безстрастіи Евангельскаго нестяжанія, во всей глубинѣ самоотреченнаго смиренія, во всемъ величіи тяжелаго, но съ любовью и радостью носимаго креста, во слѣдъ Спасителя міра; покажи міру, что ты дѣйствительно въ духѣ и жизни далеко отъ міра, выше его, спокойнѣе и счастливѣе въ душѣ, что ты обладаешь такими совершенствами, какихъ въ мірѣ и съ міромъ нельзя имѣть христіанину: тогда—увидѣлъ бы я такое сокровище иночества и сказалъ бы: «вотъ мой отвѣтъ міру»,—и не сказалъ бы ничего болѣе. Что тогда сказалъ бы и міръ противъ монашества? Какіе еще споры съ нимъ были бы нужны? Тогда не было бы мѣста никакимъ съ его стороны легкомысленнымъ возраженіямъ, ни презрѣнію или ненависти къ монашеству; тогда міръ волею или неволею самъ преклонился бы предъ его достоинствомъ. Или онъ сказалъ бы, что всѣ эти высокія качества слиш-

комъ идеальны и необходимы для человѣка, и даже невозможны? Но это сказать значило бы отрицать возможность и необходимость христіанскаго совершенства и даже самаго Евангелія. Увы! Не слабое ли осуществленіе Евангельскаго идеала въ жизни тѣхъ, которые по доброй волѣ посвящаютъ всю жизнь свою его осуществленію, между прочимъ, приводитъ міръ къ мысли о необходимости и даже невозможности иноческаго совершенства!

Подумайте же, Боголюбезныя сестры, и скажите, такъ ли увасъ, какъ я говорю, таково ли ваше иночество? Я уже не говорю о всѣхъ васъ, не говорю даже о большинствѣ, не говорю вообще о множествѣ, а помня слова Того, Кто обѣщаль спасти цѣлые города ради десяти, пяти, двухъ, и наконецъ ради одного праведника, я васъ спрашиваю, есть ли между вами хотя единицы совершеннаго иночества? Есть ли хотя нѣсколько истинныхъ подвижницъ? Если такъ, то у васъ и у меня есть отвѣтъ міру, есть противъ него крѣпкая ограда и сила. Нѣтъ? Тогда что я скажу міру, если онъ вздумаетъ спросить: «для чего существуетъ у тебя Вяземскій женскій монастырь?»

Еще міръ говоритъ: «мѣсто ли иноческимъ обителямъ среди или вблизи мірскихъ населеній»? Замѣчаете вы, какъ не высоко думаетъ о насъ міръ; онъ какъ будто увѣривъ, что его соблазны слишкомъ сильно и неотразимо на насъ дѣйствуютъ, и самъ боится за наше спасеніе вблизи ихъ; онъ какъ будто и самъ для себя опасается соблазновъ отъ того, что въ насъ видитъ; и вотъ онъ думаетъ: «не лучше ли было бы всѣмъ

ипокамъ удалиться отъ глазъ міра въ пустыни?» Дочего же наконецъ доходитъ наше иночество? Какъ? Міръ, этотъ міръ, отъ котораго отрекается иночество ради своего спасенія, котораго суеты, страсти, пороки и всякое зло заставили васъ лучше поднять на себя всю тяжесть великаго креста и обречь себя на жизнь жестокою въ этихъ затворахъ, нежели жить съ міромъ въ его наслажденіяхъ, этотъ самый міръ хочетъ и какъ будто считаетъ необходимымъ взять на себя устройство вашего дѣла, именно потому, что видитъ собственную вашу несостоятельность? И вы можете равнодушно слышать и видѣть и допускать это? И вы спокойно позволите міру сбросить васъ съ его земли, какъ негодную траву, какъ соръ, какъ нестерпимое безобразіе?—Или это только хула на монашество, только несправедливыя притязанія міра? Такъ докажите это міру; докажите, что вы не напрасно, не во вредъ себѣ и не въ соблазнъ ему занимаете мѣсто вблизи его; еще болѣе—убѣдите міръ, что вы ему нужны, что не столько иночеству, которому и лѣсъ—городъ, и городъ—пустыня, и пустыня—рай, сколько самому міру слѣдуетъ подорожить этимъ сосѣдствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ ли ваша обитель полезное нравственное вліяніе на окружающее населеніе? Вашимъ благочестіемъ способствуетъ ли она утвержденію его въ духѣ вѣры? Ваша духовная жизнь своею чистотою и строгостію производитъ ли на мірскихъ людей дѣйствіе, отрезвляющее ихъ умъ среди суеты, возбуждающее лучшія чувства сердца сдерживающее грубые нравы? Твердость вашихъ правилъ ведетъ ли

къ обличенію заблужденій и пороковъ нашего времени? Духъ, колеблемый лжемысліемъ, увлекаемый страстями, шаткій на пути христіанской добродѣтели, утверждается ли въ истинѣ и добрѣ, смотря на высокіе образцы вашихъ свѣтлыхъ убѣжденій и святой жизни? Душа волнуемая въ буряхъ житейскихъ, смущаемая въ совѣсти, теряющая нравственныя силы въ борьбѣ съ искушеніями жизни и міра, находитъ ли у васъ хотя временное успокоеніе и подкрѣпленіе религіи и утѣшеніе духовнаго мира? Несчастные, незнающіе отрады въ жизни, бѣдные, не имѣющіе куска хлѣба, труженники, изымающіе подъ тяжестью безсонныхъ работъ, болящіе безъ состраданія другихъ, сиротствующіе безъ всякаго призрѣнія, встрѣчаютъ ли у васъ Евангельскую любовь, всѣмъ состраждущую, добросердечное попеченіе и помощь отъ вашихъ достатковъ, даже недостатковъ? Съ истинною ли любовью, съ отрадою ли для души и религіознаго чувства, съ благоговѣйнымъ ли почтеніемъ видятъ и окружаютъ васъ мірскіе люди? Словомъ сказать, свѣтитъ ли ваша обитель въ округѣ какъ звѣзда надъ землею, какъ маякъ надъ волнами, по крайней мѣрѣ какъ свѣча къ темнотѣ? Если все такъ, то вѣрно міръ не будетъ гнать васъ отъ себя; нѣтъ! онъ самъ подорожитъ вашимъ присутствіемъ; а побѣжали бы вы сами въ пустыню и онъ пойдетъ за вами. Такъ окружились селеніями наши древнія пустынные обители.

Ахъ, Боголюбезныя сестры! если такъ серьезно надобно думать о судѣ міра, то что думать и сказать о томъ отчетѣ, какой потребуетъ отъ насъ Богъ?

СКАЗАННАЯ ІОАННОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ
СМОЛЕНСКИМЪ, ВЪ СМОЛЕНСКОМЪ КАФЕД-
РАЛЬНОМЪ СОВОРѢ, ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА
ХРИСТОВА,

25-го декабря 1866 года.

Просвященные народы чрезъ цѣлыя столѣтія торжественно празднуютъ дни рожденія великихъ мужей, свѣтомъ своихъ идей и познаній, своимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ на умы народовъ, ставшихъ свѣтилами ихъ въ жизни умственно—нравственной. У насъ въ Россіи съ недавняго времени также стали входить въ обычай, хотя въ небольшихъ размѣрахъ, такія празднества. Какъ относится къ этому дѣлу христіанская православная Церковь? Она съ полнымъ сочувствіемъ можетъ присоединяться къ этимъ торжествамъ, не только молитвою объ упокоеніи душъ такихъ дѣятелей просвѣщенія, какъ молится она о всѣхъ христіанахъ, въ вѣрѣ скончавшихся, но и особеннымъ почитаніемъ высшаго призванія въ этихъ избранныхъ на благо народовъ людяхъ, признаніемъ особыхъ даровъ Божіихъ, озорявшихъ умы ихъ, памятью и уваженіемъ той духовной, нравственной пользы, которую принесли они народамъ въ жизни своей и по смерти. Только вотъ вопросъ, который необходимо здѣсь представляется съ точки зрѣнія Церкви: какой духъ, какія начала принимаются за основаніе для сужденія объ истинности собственнаго просвѣщенія этихъ людей и дѣйствительности пользы, принесенной ими народамъ и человѣчеству? Гдѣ правила и мѣра на это?—Чтобы не долго раз-

суждать объ этомъ и чтобы рѣчь моя не показалась вамъ странною въ настоящій день и какъ будто не соотвѣственною празднику, я сейчасъ и перехожу къ нему.

Вотъ день рожденія Просвятителя человѣчества. Сказавъ эти слова, я останавливаюсь въ опасливомъ недоумѣніи: - не подумаете ли вы, что день рожденія Христа Спасителя я хочу приравнять къ тѣмъ торжественнымъ днямъ рожденія народныхъ просвѣтителей, о которыхъ я заговорилъ? Не покажется ли вамъ, что нынѣшій праздникъ я какъ будто считаю только торжественнымъ воспоминаніемъ рожденія великаго историческаго лица—не болѣе? Ахъ, братія мои, какъ тяжело православному пастырю вызывать и выражать такія мысли, даже только въ видѣ вопросовъ и недоумѣній, на священной кафедрѣ, гдѣ долженъ быть слышенъ одинъ чистый голосъ Церкви въ ея вселенскомъ исповѣданіи! И конечно вы сами, при всемъ томъ, что живо чувствуете всю неприятно поражающую здѣсь неумѣстность такихъ оборотовъ мысли, не расположены присвоить ихъ своимъ пастырямъ. Но чтоже дѣлать, когда живой духъ невѣрно направленаго просвѣщенія, когда вообще злой духъ времени, которому свѣйственны такія мысли и который старается ими уравнивать, смѣшать Божественное съ человѣческимъ, безконечное съ конечнымъ, вѣчное съ временнымъ—для чего? для того, чтобы уничтожить въ самыхъ основаніяхъ вѣру во все вышеестественное, вышечеловѣческое, — когда, говорю, этотъ духъ поневолѣ заставляеть повторять его мысли, чтобы опровергать ихъ, и вмѣстѣ трепетать, чтобы на са-

момъ священномъ мѣстѣ наши выраженія истины не показались подходящими къ его выраженіямъ лжи, и не обратились какъ нибудь истинѣ во зло, невѣрью въ иную уступку, а вѣрѣ въ соблазнъ? Нѣтъ! нынѣ день земнаго, но не естественнаго рожденія, день человѣческаго явленія въ міръ, но не человѣческаго просвѣтителя міра; не народное торжество просвѣщенія того или другаго народа, а всемірное торжество возрожденія всего человѣчества, нескончаемый праздникъ явленія въ міръ вѣчнаго, Божественнаго свѣта, неистощимо озаряющаго разумъ, жизнь и судьбу, временныя и вѣчныя, человѣческаго рода. Онъ, этотъ высшій свѣтъ, вочеловѣчившійся, стало быть проникшій во всю глубину естества и жизни человѣка, открылъ ему вѣчную истину, возвысилъ духъ его къ высочайшимъ предметамъ умозерпанія, обратилъ умъ и сердце его къ важнѣйшимъ вопросамъ существа и жизни его, направилъ его разумную и нравственную дѣятельность къ безграничному, не только временному, но и вѣчному развитію всѣхъ Богомъ дарованныхъ ему силъ. Здѣсь-то, восвѣтъ этого Божественнаго лица, нисшедшаго въ міръ, во свѣтѣ Его откровеній, въ началахъ, Имъ положенныхъ, основаніе, норма и судъ всякаго человѣческаго просвѣщенія. Начала эти не препятствуютъ развитію нашихъ естественныхъ, человѣческихъ познаній; но развѣ можетъ быть истиннымъ какое нибудь частное направленіе ума, если оно противорѣчитъ основнымъ законамъ и кореннымъ началамъ жизни человѣчества, каковы законы внутренней духовной жизни его? Точно также, какъ частныя познанія или гипотезы объ отдѣльныхъ явлені-

яхъ въ видимой природѣ, развѣ могутъ быть истинны, какъ бы блестящи ни казались, если противорѣчатъ основнымъ законамъ природы? А законы духовной жизни раскрыты намъ существеннымъ образомъ въ христіанствѣ, и только въ христіанствѣ. Наконецъ и достоинство всего просвѣщенія человѣческаго, разума, даже самаго великаго, даже необыкновеннаго, независимо отъ его частныхъ преимуществъ, развѣ не должно быть цѣлѣмъ — и по дѣятельной, а не отвлеченной только, по нравственной, а не научной только пользѣ, какую разумъ своими идеями и познаніями доставилъ человѣчеству? А основаніе, вся сущность и высшее развитіе нравственнаго блага заключаются въ христіанствѣ, и внѣ христіанства нѣтъ этого блага. Увы, сколько великихъ умовъ приносили въ міръ, вмѣсто свѣта, только мракъ, тѣмъ болѣе глубокой, чѣмъ сильнѣе были они сами, и вмѣсто добра, оставили по себѣ только слѣды зла на пути своего просвѣщенія! Этотъ мракъ, это зло происходили отъ ихъ безвѣрія и безнравственности, словомъ — отъ ихъ чуждаго христіанству направленія.

Благодареніе Богу, въ нашемъ отечествѣ не было такихъ великихъ несчастій отъ такихъ великихъ умовъ. У насъ противъ несчастій такого рода всегда служилъ оплотомъ народный духъ, съ его нравственно-религіознымъ направленіемъ, которое своею духовною силою проникало и обнимало всю жизнь русскаго человѣка; и конечно просвѣщеніе истинное, т. е. основанное на началахъ не только научныхъ, но и нравственныхъ, не можетъ, не должно идти на переборъ народному духу въ его нравственно — религіозномъ на-

правленіи, если это направленіе само по себѣ чисто и истинно. Но вотъ настоящее время породило много не великихъ умовъ, съ не великимъ просвѣщеніемъ, но великими притязаніями на пресвѣщеніе народовъ и съ величайшими заблужденіями: меньшели отъ нихъ зла народамъ, чѣмъ отъ большихъ умовъ, хотя можетъ быть зло отъ первыхъ скорѣе проходить, чѣмъ отъ послѣднихъ? Не эти ли мелкіе умы—первые враги нравственно-религіознаго развитія жизни народной? Такая зараза не миновала и нашего отечества.

Замѣчаніе это сводитъ теперь мою настоящую бесѣду съ предъидущею: вспомните, что мы тогда остановились на проявившемся въ послѣднее время направленіи умовъ въ нашемъ отечествѣ, и поставили такой вопросъ: русское ли оно? Русскій ли духъ въ немъ выразился? Тогда мы высказали значеніе и силу народнаго духа въ исторіи и судьбахъ нашего отечества; теперь, обратимъ силу этого духа къ современности и продолжимъ впросы: русскія ли, т. е. русскимъ ли духомъ народнымъ, нравственно-религіознымъ проникнутыя, идеи стали недавно у насъ распространяться въ обществѣ, въ литературѣ и отчасти въ самой наукѣ? Русскія ли понятія о религіи, о вѣрѣ народной, о семейныхъ правахъ и обязанностяхъ, о народной нравственности? Русскія ли чувства въ отношеніи къ Церкви православной, въ дѣлахъ совѣсти, въ воспитаніи дѣтей, въ основахъ жизни общественной? Нѣтъ, все это не туземныя, не изъ почвы народной жизни, не изъ корня народнаго духа возникшія произрастенія, а дурныя сѣмена, принесенныя къ намъ извнѣ вѣтромъ буйнаго свободно-мысля, но

къ счастью павшія не въ глубь народной почвы, а на ея поверхностяхъ, еще не обработанныхъ надлежащимъ образомъ. Однакожъ и здѣсь послѣдствія не замедлили оказаться. Слыхано ли когда нибудь на Руси такое броженіе умовъ, какимъ отличилось наше время, особенно въ средѣ молодаго поколѣнія? Броженіе это усиливалось и проникнуло въ самыя глубокія основы убѣжденій и жизни народа, и это тогда, когда почти всѣ стороны нашего гражданскаго быта преобразуются, т. е. когда эти основы болѣе, чѣмъ когда нибудь, должны быть не нарушимы и не прикосновенны. Просвѣщеніе истинное и вѣрно направленное, цивилизація умная и добрая, могутъ конечно развить и благоустроить эти основы, но, помимо этихъ основъ, дать народу иныхъ, новыхъ не могутъ; это принадлежность народнаго духа, дѣло самобытнаго развитія народа, плодъ всей его исторической жизни. Что же значило бы преобразовать общественный или государственный строй на потрясенныхъ основаніяхъ жизни народной? Это значило бы строить зданіе, можетъ быть по видимому и великолѣпное, на разбитомъ фундаментѣ; и нельзя безъ ужаса представить себѣ всѣхъ послѣдствій, когда бы, не говорю уже руки злонамѣренныя, а только руки невѣжественныя или дерзкія, не искусныя или неосторожныя, рѣшились коснуться этихъ основъ.

Вы знаете основы, о которыхъ я говорю: это народная вѣра и Церковь, народная нравственность, основанная на народной совѣсти, сознание и сила народнаго духа, воспитаннаго изначальнымъ преданіемъ народности и всѣмъ ея историческимъ развитіемъ. Въ

виду всѣхъ чрезвычайно важныхъ обстоятельствъ, въ какихъ нынѣ отечество наше находится—о, если бы всѣ эти обстоятельства были благопріятны!—всѣ мы, и Церковь и общество, и правительство и народъ, единымъ духомъ и общими силами должны всячески охранять, поддерживать и развивать эти основы, нынѣ—говорю—болѣе, чѣмъ когда нибудь. Идастъ Всевышній нашему отечеству истинно-народныхъ и истинно-просвѣщенныхъ дѣятелей и въ обществѣ, и въ государствѣ и въ Церкви.

Да, и въ Церкви. И кому же, какъ не пастырямъ Церкви, первымъ стоять подъ свяшенною хоругвию чистой народности, и съ нею предшествовать народу на пути его нравственно-общественнаго развитія? Для насъ, пастырей духовныхъ, есть еще особенное къ тому побужденіе. Одною изъ самыхъ сильныхъ и дѣйственныхъ стихій нашей народной жизни искони было святое православіе; оно такъ сроднилось съ нашимъ народнымъ духомъ, что всегда составляло съ нимъ одну нераздѣльную нравственную силу. Вотъ почему Церковь наша всегда шла во главѣ народной жизни и имѣла живое и дѣятельное участіе во всѣхъ историческихъ ея судьбахъ; оберегая народный духъ, она ограждала его силою православія; сохраняя православіе, поддерживала чрезъ него народность. И нынѣ главною задачею нашей пастырской дѣятельности должно быть—развитіе жизни и духовной силы Церкви не только на общихъ основаніяхъ вселенскаго православія, но и на твердыхъ началахъ чистаго, древне-православнаго народнаго духа, проведеніе свободнаго тока нравственной силы Церкви въ душу и

жизнь народа. Много бы дѣйственной силы утратила наша Церковь, если бы, ограничившись однимъ общимъ, отвлеченнымъ религіознымъ ученіемъ, облекшись въ однѣ внѣшнія формы административнаго управленія, отдалилась отъ дѣйствительной жизни народа и ея живыхъ потребностей. Сколько и эта жизнь потеряла бы цѣльности и правильности въ своемъ развитіи, если бы разошлась съ родною ей стихіею Церкви.

Теперь, братія мои, я вполне высказалъ предъ вами свои мысли, съ которыми вступаю въ управленіе здѣшней паствы; и съ такими мыслями смотря на смоленскую паству, я думаю, какъ отрадно и многоплодно должно быть для пастыря управленіе этою паствою, одною изъ древнѣйшихъ въ Россіи, такъ близкою къ центру русской жизни, паствою чисто—русскою, въ которой изъ 1,150,000 населенія не считалось доселѣ и 5000 иновѣрцевъ, паствою, которой исторія памятна самою живою и дѣятельною преданностію всѣхъ сословій отечеству и Церкви. Не говорю о внѣшнемъ образѣ паствы: много ли онъ значить для духовнаго пастыря? Ровно столько, сколько выражаетъ духъ ея; и вотъ я воображаю, какъ весною, когда вся эта великолѣпная мѣстность, теперь мрачная и безжизненная подъ снѣгомъ, одѣнется зеленью и раскроется во всемъ величій растительной жизни и красоты, она будетъ представлять мнѣ видимый образъ благолѣпія и плотворности пажити духовной, на которой мнѣ суждено пасти съ вами. Не такъ ли, братія мои? Будемъ же молить Бога, чтобы Онъ помогъ намъ оправдать наши взаимныя надежды.

СЛОВО

ПРИ ДВОРЯНСКИХЪ ВЫБОРАХЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ (*).

Въ торжественномъ собраніи людей благородныхъ, представителей современнаго русскаго общества, мы нынѣ особеннымъ долгомъ почитаемъ, съ особенною силою напомнить — о Богѣ. — Напомнить? Не примите, благодарные слушатели, этого слова за обличеніе, какъ будто бы вы не помните Бога, какъ будто настоящее собраніе ваше предъ лицомъ Бога не есть доказательство вашей памяти о Немъ. Нѣтъ! Не то мы хотимъ сказать. Но видите ли: бываютъ времена, обстоятельства, дѣла, въ которыхъ и не забывчивымъ людямъ и о простыхъ повидимому, общеизвѣстныхъ истинахъ, безпрестанно твердятъ: помните! не забывайте!

А какую истину чаще повторятъ надобно въ такихъ обстоятельствахъ, когда въ жизни народа совершается переломъ, когда невѣрные пути, невѣрные шаги могутъ не одного человѣка, не нѣсколько человѣкъ, а цѣлый народъ низринуть въ пропасть? Народъ! *помни Бога!*

Итакъ, не одно дѣло вашихъ сословныхъ выборовъ

(*). Сказано 27 февраля 1866 года, Иоанномъ, епископомъ Выборгскимъ, ректоромъ с.-петербургской духовной академіи.

теперь у насъ въ виду. Оно, какъ и все ваше сословіе, должно быть нераздѣльно съ жизнію общества и потому имѣетъ свое значеніе и силу въ связи общихъ дѣлъ Россіи; и смотря на васъ, какъ передовыхъ дѣятелей жизни народной, мы теперь невольно обращаемъ свои мысли ко всему русскому народу.

Да, настоящее время Россіи слишкомъ важно для всѣхъ насъ. Сколько нынѣ въ Россіи дѣлъ, новыхъ, обширныхъ, многосложныхъ, многотрудныхъ! Сколько нуждъ, вопросовъ, предпріятій! Сколько для всей этой работы нужно ума, знанія, энергіи, силы воли, сколько силъ и средствъ вещественныхъ! Думаете ли вы, что все это не выходитъ изъ предѣловъ силъ человѣческихъ, что на все это достанетъ у насъ своихъ способностей и средствъ? Не ошибитесь. Человѣческіе умы и средства и дѣла бываютъ только тогда крѣпки, когда въ нихъ дѣйствуетъ Богъ; забыть Богъ: тогда Онъ дѣйствительно оставляетъ людей ихъ собственнымъ силамъ и средствамъ, и тогда — они падаютъ, падаютъ подъ бременемъ дѣлъ, котораго снести не могли. Вы знаете, что нѣсколько рыбаковъ передѣлали жизнь цѣлаго міра; знаете также, что самые сильные народы древности падали, какъ скоро новымъ, возникавшимъ потребностямъ и вопросамъ жизни не соответствовали ихъ силы. Вотъ что значить сила Божія и сила человѣческая! — А кто думаетъ, что для настоящихъ дѣлъ Россіи нужны силы только вещественныя, тотъ ошибается. Прежде и болѣе всего потребны силы нравственныя; а источникъ ихъ — Богъ, основа ихъ — вѣра въ Бога.

Въ наше время вся Россія и все въ Россіи преобразуется. Благое сердце и добрая воля Царя предшествуетъ народу на пути преобразованій. Вотъ гдѣ по преимуществу имѣеть мѣсто и должна всю свою силу сохранить святая истина, что сердце Царево въ руцѣ Божіи, *Божій*, а не *человѣческой*! И да будетъ! Мы отъ всей глубины душъ нашихъ молимъ Бога, да будетъ это сердце, свободное и неприкосновенное для чуждыхъ собственнымъ его чувствамъ выраженій человѣческихъ, всегда и вполне открыто водительство самаго Бога! Да будутъ въ дѣлахъ сердца Царева совѣщателями и исполнителями мужи разума, правды, совѣсти и нравственности христіанской; словомъ, мы молимся, чтобы въ совѣтахъ Царевыхъ присутствовалъ — Богъ!

Преобразованія конечно должны вести народъ къ лучшему. Но что такое это — *лучшее*? Какія тутъ идеи, какія начала, какія цѣли? Какой духъ и силы тутъ дѣйствуютъ? Вы укажете на народное просвѣщеніе, цивилизацію, силу общественнаго мнѣнія, свободу мысли и слова, развитіе народной самостоятельности, и т. д.; а мы скажемъ: если все это не основано на началахъ строго-нравственныхъ, не проникнуто чистымъ духомъ нравственнымъ, если при этомъ не имѣется въ виду нравственная жизнь народа, съ ея потребностями и законами, тогда все это — пустоцвѣтъ, гниль; скажемъ болѣе все это легко обращается въ ложь и зло. Не ужели же безнравственность можетъ быть добромъ и — къ добру? А нравственности нѣтъ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога.

Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать, какъ машину. Только нравственною силою, нравственными средствами, при нравственныхъ цѣляхъ, и можно дѣйствовать на него къ лучшему. Никакія мѣры улучшенія не будутъ успѣшны и плотворны, если не сопровождаются развитіемъ нравственнаго сознанія въ народѣ, если не будутъ имѣть корня и силы въ народной нравственности. Хотимъ ли мы въ самомъ дѣдѣ, чтобы народъ былъ истинно образованнѣе, гражданственнѣе дѣятельнѣе и крѣпче въ своей жизни общественной, чтобы онъ хорошо умѣлъ пользоваться своими народными силами и правами? Сдѣлаемъ его нравственнѣе, по крайней мѣрѣ дадимъ ему возможность и средства къ тому; по крайней мѣрѣ — не будемъ препятствовать ему въ томъ; по крайней мѣрѣ — не дадимъ ему путей къ безнравственности. — А что сдѣлала европейская цивилизація съ первобытными народами, не образованными, но патріархальными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности? Она ихъ погубила.

Есть въ жизни народной стороны, не подлежащія преобразованію. Это именно христіанская вѣра и нравственность. Но духъ времени посягаетъ и на это. Ему кажется, что люди будутъ умнѣе и просвѣщеннѣе, если не будутъ обязаны вѣровать въ Бога и Христа, что народы будутъ счастливѣе, если не религія, а что нибудь другое, напр. социализмъ, будетъ опредѣлять для нихъ правила нравственности. Что-жь? Безъ дальнихъ разсужденій мы можемъ сейчасъ повѣ-

рить это умозрѣніе. Обратимся прямо и просто—къ человѣческому чувству. Вотъ вамъ, людямъ благороднымъ и образованнымъ, какъ покажется, если бы кто, во имя просвѣщенія, сталъ объяснять, что вы и всѣ люди получили жизнь не только не отъ Бога, даже не отъ людей, а выродились изъ животныхъ? Если бы кто, во имя общественнаго блага, сталъ доказывать, что ваше право собственности вовсе не есть право, а воровство; что ваше супружество есть насилие для вашихъ супруговъ и ваше семейство не вамъ принадлежитъ и не обязано вамъ ни какимъ особеннымъ долгомъ, и т. д?—Что за безуміе? скажите вы: а это и есть просвѣщеніе и нравственное ученіе—безъ религіи и христіанской нравственности. И увы! все это у насъ въ Россіи нынѣ проповѣдуется и печатается.

Нѣтъ! Не дастъ русскій народъ преобразовать свою вѣру, вѣру православную и соединенное съ нею ученіе нравственное. Это его духовная сила; это корень его внутренней жизни и духъ его жизни исторической. И горе тому, кто посягнулъ бы на эту святыню народа! Народъ русскій не можетъ быть не православнымъ: иначе онъ пересталъ бы быть русскимъ; отнять у него вѣру, въ которой онъ и одной буквы перемѣнить не позволяетъ, значило бы со дна возмутить всю его жизнь, значило бы отнять у него душу. Кто отважится на такое душегубство?

Народъ, возвращенный отъ помѣстной зависимости къ свободѣ, общество, призываемое къ самоуправле-

нію въ своихъ дѣлахъ, къ водворенію среди себя гласности, суда совѣсти и мира, —каковъ долженъ быть этотъ народъ и это общество? Скажемъ однимъ словомъ: они должны быть *совѣстливы*. Пусть просвѣтится, укрѣпится, возвысится народная и общественная совѣсть: и вы будете безопасны отъ злоупотребленій народной свободы: у васъ будетъ здоровое и вѣрное общественное мнѣніе; будутъ цѣлы общественныя суммы; вы будете имѣть правые суды присяжныхъ и отличныхъ мировыхъ судей. Не правда-ли? — Но вотъ вопросъ: гдѣ обществу и народу взять такую совѣстливость? Отвѣтъ: нигдѣ, какъ въ религіи. Никакой законъ мірской, никакая власть и сила человѣческая не простирается на совѣсть: только Богъ — судія совѣсти. Нѣтъ въ совѣсти Бога: не ожидайте добра тамъ, гдѣ надобно полагаться на совѣсть человѣческую.

Наконецъ, предъ лицомъ Бога, похвалимся-ли мы своею общественною жизнью? Открытое вольномысліе въ самыхъ священныхъ для человѣка предметахъ, не только явное охлажденіе и пренебреженіе къ Церкви, но и не скрываемая неприязнь къ ней, извращеніе нравственныхъ понятій, публичный развратъ, убійство времени, достоянія и жизни въ денежныхъ играхъ, роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, равнодушіе и неразвитіе общественной дѣятельности среди настоятельно вызывающихъ ее вопросовъ, странный голосъ среди отечества противу отечественныхъ интересовъ и стремленіе

ослаблять основы народной жизни; неуваженіе власти, и при слабомъ чувствѣ законности, неугомонныя посягательства на не подлежащія права; упадокъ серьезнаго образованія и воспитанія, раздоръ въ семействахъ между отцами и дѣтьми, безмѣрное пьянство въ народѣ, умноженіе дерзкихъ общественныхъ преступленій: и все это въ то самое время, когда рѣчь и дѣло идетъ о возрожденіи Россіи и мы воображаемъ, что идемъ впередъ! Не кажется-ли вамъ, не можетъ-ли придти на мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотрѣть вокругъ себя серьезно, что жизнь наша какъ будто сдвинулась съ вѣковыхъ религиозныхъ и нравственныхъ основаній, и, въ разладѣ съ народною вѣрою и совѣстію, съ отечественною любовію и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идетъ будто не вѣсть куда, безъ разумныхъ убѣжденій и сознательно-вѣрныхъ стремленій? Но это было бы ужасно!—Народъ! *Помни Бога!*

Возвращаясь къ вашимъ выборамъ, мы молимъ Бога, чтобы Онъ благословилъ ихъ и, принявъ вашу клятву во имя Его, воздѣйствовалъ въ вашемъ духѣ къ совершенію ихъ въ мирѣ, порядкѣ, безпристрастїи, въ предѣлахъ строгой законности и въ видахъ не одного сословнаго, но и общественнаго блага. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

- I. Рѣчь, сказанная 6 Декабря 1866 г., по прибытіи въ Смоленскъ и вступленіи въ Каоедральный Соборъ - 1.
- II. Рѣчь при первомъ священно-служеніи въ Смоленскомъ Каоедральномъ Соборѣ 11 Декабря 1866 года. - 5.
- III. Поученіе въ день Рождества Христова 1867 г. 9.
- IV. Поученіе на Новый годъ (1 Января 1867 г.) 15.
- V. Поученіе на Новый годъ (1 Января 1868 г.) 23.
- VI. Рѣчь въ Смоленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, 22 Января 1867 г. - 35.
- VII. Поученіе въ Смоленскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ (2 Февраля 1867 г.) - 43.
- VIII. Бесѣда въ первую недѣлю великаго поста, при торжествѣ православія (18 Февраля 1868 г.) - 51.
- IX. Бесѣда въ недѣлю православія (9 марта 1869 г.) 63.
- X. Бесѣда въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (19 Февраля 1867 г.) - 73.
- XI. Поученіе въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (19 Февраля 1868 г.) - 85.
- XII. Бесѣда въ тотъ же день (19 Февраля 1869 г.) - 95.

Бесѣды въ послѣдніе дни страстной недѣли (1867 года.):

- XIII. На утрени великой пятницы при чтеніи XII Евангелій - 105.

- XIV. На вечерни великой пятницы - - - - 113.
XV. На утрени великой субботы - - - - 123.

Бесѣды въ послѣдніе дни великаго поста (1868 года.):

- XVI. Въ воскресный день шестой недѣли (24 Марта - 133.
XVII. Въ понедѣльникъ страстной недѣли и день Благовѣщенія (25 Марта) - - - - 139
XVIII. Въ среду страстной недѣли (27 Марта). - 145.
XIX. На утрени великой пятницы (28 Марта). - 151.
XX. На вечерни великой пятницы (28 Марта). - 158.
XXI. На утрени великой субботы (29 Марта). - 163.
XXII. Бесѣда въ день пятидесятницы (4 Юня 1868 г.) 169.
XXIII. Бесѣда въ день св. равноапостальнаго Великаго князя Владиміра (15 Юня 1867 г). - 197.
XXIV. Бесѣда въ день Успенія Божіей Матери (15 Августа 1867 года). - - - - 177.
XXV. Бесѣда въ день Успенія Божіей Матери (1863 г). 189.
XXVI. Поученіе, сказанное въ г. Вязьмѣ, при освященіи придѣльнаго престола въ Соборномъ храмѣ (24 Сентября 1867 года). - - - - 209.
XXVII. Бесѣда въ день явленія Смоленской иконы Божіей Матери—Одигитрии (28 Юля 1867 года). 215.
XXVIII. Поученіе, сказанное въ Вяземскомъ женскомъ монастырѣ (26 Сентября 1867 г). - - - - 223.
XXIX. Бесѣда въ день Рождества Христова, 25 Декабря 1866 года. - - - - 226.
XXX. Слово сказанное при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ 27 Февраля 1866 года. - 234.